

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

852

ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Труды по правоведению

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 852 ВЫПУСК ОСНОВАН В 1893.г

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Труды по правоведению

ТАРТУ 1989

Редакционная коллегия: Э.М. Кергандберг (председатель)
В.П. Кальдер, И.В. Куля (секретарь),
Р.А. Марусте, И.-М.М. Орго,
Э.Л. Пюсс, И.А. Ребане,
Э.Э. Салууа

Ответственные редакторы: П.А. Варул и И.А. Ребане

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 852.
ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.
Труды по правоведению.
На русском языке.
Тартуский государственный университет,
СССР, 202400, г.Тарту, ул.Ваннола, 18.
Ответственные редакторы П. Варул, И. Ребане.
Подписано к печати 1.03.1989.
МВ 01360.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Роталпринт.
Учетно-издательских листов 13,84. Печатных листов 14,0.
Тираж 500.
Заказ № 178.
Цена 2 руб. 80 коп.
Типография ТГУ, СССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.

I - 14

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
И. А. РЕБАНЕ. О методологических и гносеологических аспектах учения об основаниях юридической ответственности	7
Н. С. МАЛЕИН. Об институте юридической ответственности	30
Я. Н. ШЕВЧЕНКО. Проблемы правового регулирования гражданско-правовой ответственности в условиях развития социалистических товарно-денежных отношений	39
Ю. Э. РАЙДЛА. Вопросы гражданско-правовой ответственности в условиях перестройки	48
Ю. Х. КАЛМЫКОВ. Перестройка и проблемы усиления гражданско-правовой ответственности	61
Е. А. КРАШЕНИННИКОВ. Понятие гражданско-правовой ответственности	70
Ю. Г. БАСИН. Ответственность и хозяйственные интересы предприятий	76
Т. И. ИЛЛАРИОНОВА. В защиту принципа ответственности за вину в хозяйственных отношениях	87
В. Л. СЛЕСАРЕВ. Размер и порядок взыскания неустойки в хозяйственных отношениях	96
Э. Л. ПЛОМ. Проблемы ответственности по новым договорным формам обслуживания	108
А. К. ГУБАЕВА. О соотношении общей и специальной противоправности по деликтному законодательству	117
П. А. ВАРУЛ. Совершенствование законодательства о гражданско-правовой ответственности за причинение вреда	122
В. В. БУТНЕВ. Гражданское процессуальное правонарушение как основание гражданской процессуальной ответственности	135
Е. А. АГЕЕВА. Ответственность должностных лиц как основная составляющая активизации человеческого фактора в государственном управлении (Социологический аспект исследования ответственности в управлении)	144
И.-М.М. ОРГО. Вопросы материальной ответственности рабочих и служащих	152

	Стр.
Ю. А. ПЫЛЬД.	Понятие и механизм реализации дисциплинарной ответственности рабочих и служащих 159
У. Э. ЛЬХМУС.	Правомерный риск как обстоятельство, исключающее общественную опасность деяния 174
Я. Я. СООТАК.	О конструкции уголовной ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних (вопросы истории и <i>de lege ferenda</i>) 184
Л. И. АУВЯЭРТ, В. А. ВАХИНГ.	Характеристика и разграничение состояний сильного душевного волнения 205
П. А. ВАРУЛ, Э. Э. САЛУМАА.	Юридическая ответственность и гражданский процесс (Рецензия на книгу: Бутнев В.В. Реализация юридической ответственности в гражданском процессе. - Ярославль, 1985) 216
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 223

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных трудов, посвященных проблемам юридической ответственности, является логическим продолжением аналогичного сборника, изданного в 1987 году^I. Продолжено начатое в предыдущем сборнике направление — юридическая ответственность рассматривается исходя из разных аспектов как на общетеоретическом уровне, так и по ее отдельным видам. При этом в мерах юридической ответственности усматривается важный фактор правового обеспечения развития общественных отношений. Составители сборника остались верны принципу — истина рождается в спорах: в статьях много дискуссионного, точки зрения авторов по многим вопросам не совпадают. И в то же время всех авторов объединяет то, что они не ограничиваются описанием положения дел, а рассматривают важные проблемы из разных областей правовой ответственности, внося конкретные предложения по усовершенствованию теории или законодательства. Сборник 1987 года и настоящий сборник свидетельствуют о том, что исследование юридической ответственности на юридическом факультете Тартуского госуниверситета сформировалось в определенное направление межкафедральной научной работы. На факультете трудится группа ученых, уже многие годы занимающихся различными проблемами юридической ответственности. Этим направлением охвачены все четыре кафедры факультета: кафедра истории и теории государства и права (В.П. Кельдер, И.Н. Грязин), кафедра уголовного права и процесса (И.А. Ребане, Я.Я. Соотак, У.Э. Лхмус), кафедра государственного и административного права (И.-М. М. Орго, Ю.А. Пыльд, И.Х. Коольмейстер) и кафедра гражданского права и процесса (Э.Л. Пюом, П.А. Варул, Д.Э. Райдла). Можно даже говорить о тартуской школе юридической ответственности, поскольку речь идет о единомышленниках в вопросах понимания сущности юридической ответственности, основой которого является концепция, выдвинутая И.А. Ребане в монографии, вышед-

^I Учен. зап. / Тарт. ун-т. — Тарту, 1987. — Вып. 765: О роли юридической ответственности в условиях ускорения социально-экономического развития. — 192 с.

шей в 1966 году¹. Для исследований юридической ответственности тартускими учеными характерны длительные тесные связи со многими советскими учеными. Это подтверждается составом авторов как сборника 1967 года, так и данного сборника. Только в этих двух сборниках представлены 18 ученых извне республики, в том числе из Москвы (С.Н. Братусь, Н.С. Малеин, С.Е. Донцов), Ленинграда (А. А. Собчак, Е. А. Агеева, В.Ф. Попондопуло, О.П. Павлова), Саратова (Ю. Х. Калмыков, Н.А. Баринов, В.С. Константинова), Ярославля (Е.А. Крашенинников, В.В. Бутнев), Киева (Я.Н. Шевченко), Свердловска (Т.И. Илларионова), Алма-Аты (Ю.Г.Басин), Душанбе (В.А.Ойгензихт), Омска (В.Л. Слесарев) и Орджоникидзе (А.К. Губаева). Приведенный перечень, естественно, отражает лишь малую часть сформировавшихся научных контактов. Мы заинтересованы в расширении и углублении подобных контактов. Этому должна содействовать и быть одновременно импульсом для дальнейшего изучения вопросов юридической ответственности намеченная к проведению в Тарту в 1991 году всесоюзная научная конференция, посвященная проблемам теории и практики юридической ответственности.

Со своими предложениями и замечаниями как в отношении данного сборника и планируемой конференции, так и в части дальнейшего взаимного сотрудничества просим обращаться по адресу:

202400 ЭССР, г. Тарту,
ул. Оликооли, 18
Тартуский госуниверситет,
юридический факультет

Ответственные редакторы:
П.А. Варул
И.А. Ребане

¹ Ребане И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на социалистический правопорядок // Учен. зап. / Тарт. ун-т. - Тарту, 1966. - Вып. 182. - 315 с.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ УЧЕНИЯ ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

И. А. Ребане
г. Тарту

1. Проблема оснований юридической ответственности весьма многогранна. Она тесно связана с рядом других проблем, в частности с концепцией юридической ответственности. От этой концепции во многом зависит сама направленность научных поисков при решении проблемы оснований юридической ответственности. При исследовании этих оснований нельзя также пройти мимо понятий правонарушения и его состава, ибо юридическая ответственность наступает не иначе как в случае совершения правонарушения, то есть только при наличии в поведении субъекта состава правонарушения.

Проблема оснований ответственности усложняется еще и тем, что она должна быть разработана на различных уровнях, — на уровне отдельных видов этой ответственности и на уровне общей теории права. Следовательно, имеются основания уголовной, административной, дисциплинарной, процессуальной и гражданско-правовой (имущественной), а также юридической ответственности вообще. Деление юридической ответственности на эти виды было нами предложено еще в 1959 г. /25, с. 151-178/ и подробно обосновано в вышедшей в 1966 г. монографии /23, с. 263 и сл./.

Рассмотрение всего комплекса вопросов, связанных с основаниями правовой ответственности, выходит далеко за рамки настоящей статьи, задачи которой исчерпываются раскрытием методологических и гносеологических аспектов учения об основаниях юридической ответственности. В более широком плане юридическая ответственность была рассмотрена автором в предыдущих его публикациях /23; 24; 25; 27/.

Прежде чем приступить к рассмотрению методологических и гносеологических аспектов учения об основаниях юридической ответственности, следует обратить внимание на тот факт, что

теория ответственности в советской науке права находится в предкризисном состоянии /6, с. 16/. Определенным застоем характеризуется правовая мысль и при разработке проблемы оснований этой ответственности. Указанный застой, как нам представляется, в значительной мере обусловлен непониманием именно методологического и гносеологического значения оснований юридической ответственности. В этой связи нельзя также не отметить весьма неудовлетворительный уровень исследований, посвященных составу правонарушений. Между тем, согласно весьма распространенному мнению, состав правонарушения является единственным основанием юридической ответственности. Нельзя пройти мимо и того обстоятельства, что проблемой оснований ответственности занимаются главным образом представители отраслевых правовых дисциплин, в частности, науки советского уголовного права. Вклад общей теории права в разработку этой проблемы скромнее, хотя без широкомащтабных общетеоретических исследований вряд ли возможна удовлетворительная концепция оснований правовой ответственности, а тем более глубокое понимание методологического и гносеологического значения этих оснований. Отсутствие таких широкомащтабных исследований тем более досадно, что методологические проблемы исследования (например, гражданско-правовой ответственности) подвергнуты глубокой монографической разработке /4/. К сожалению, методологические проблемы исследования оснований юридической ответственности обходятся и в других /3, 12/, хотя и не во всех /28/ монографиях, специально посвященных юридической ответственности.

II. Как термин, так и само понятие "ответственность" многозначны. Наиболее широко по объему понятие социальной ответственности, одним из видов которой является юридическая, или правовая ответственность. Ответственность как реакция государства или общества на нарушение социальных норм по своему характеру ретроспективна. В последние годы в советской правовой литературе заметное распространение получил также взгляд, в соответствии с которым возможно конструирование единого широкого понятия юридической ответственности, охватывающего как ретроспективную, так и позитивную, или проспективную ответственность. Последняя, по мнению сторонников этой конструкции, выражается в осознании обязанным лицом необходимости неуклонного и добросовестного исполнения своего долга перед обществом и самим собой. Такая ответст-

венность, однако, ничего общего с отрицательной реакцией на нарушение социальных, в том числе и правовых норм не имеет. Ретроспективная и так называемая проспективная ответственность — это разнородные явления. В этой связи, имея в виду задачи настоящей статьи, нет необходимости подробного критического разбора конструкции так называемой позитивной ответственности. Наше отрицательное отношение к ней мы уже имели возможность высказать /52, с. 29-30/. По разным соображениям и другие авторы не сочли возможным согласиться с конструкцией позитивной ответственности (см., например, /4, с. 5-8; 6, с. 15-23 и указанная там литература/). По мнению М.И. Ковалева, понятие позитивной ответственности маловразумительное и не юридическое, а скорее образное в политическом смысле /9, с. 16, 153/. В этой связи внимание должно быть обращено еще на один аспект вопроса. Понятие позитивной ответственности до того расплывчато, неопределенно, что совершенно невозможно получить ответ на вопрос, с какого момента и при наличии каких предпосылок она наступает, как долго она существует и когда прекращается, и самое главное — каковы основания проспективной ответственности? Нам представляется, что ни о предпосылках, ни об основаниях применительно к так называемой позитивной ответственности говорить невозможно. Нельзя не согласиться с Н.С. Братусем в том, что расширение рамок юридической ответственности в результате включения в это понятие также проспективной ответственности ведет к утрате ее качественной определенности, растворению в иных общественных явлениях /3, с. 6/.

Итак, юридическая ответственность непременно ретроспективна. Это — ответственность за правонарушение, отрицательная государственная реакция на совершение правонарушения, характеризующаяся осуждением как самого правонарушения, так и его субъекта. Она выражается в применении к нему карательных или внеэквивалентных мер имущественного характера — в лишении или ограничении каких-либо правоохраняемых благ виновного. Уже само осуждение, высказанное виновному органами государства, представляет собой определенное лишение виновному, состоящее в потере в общественном мнении его личных качеств /23, с. 121-122/. Общее понятие юридической ответственности предполагает, однако, конкретизацию применительно к отдельным ее видам. В частности, спрашивается, относятся ли к мерам имущественной (гражданско-правовой) ответственности принудительное исполнение гражданско-правовой обязанности,

добровольно не выполненной должником в срок?

Мысль о том, что имущественная ответственность непременно выражается в отрицательных последствиях для правонарушителя, которые не всегда заключены в одном лишь факте применения мер государственного принуждения, а состоят либо в замене неисполненной обязанности новой обязанностью, либо в присоединении к нарушенной обязанности новой, дополнительной обязанности, было высказано О.С. Иоффе в 1955 г. /7, с. 14/. Нами также было выдвинуто положение о том, что в результате применения мер имущественной ответственности правонарушитель лишается части законно принадлежащего ему имущества в целях удовлетворения потерпевшего. Если нарушены договорные обязательства, на должника возлагается обязанность исполнить новое, дополнительное обязательство, которого не было в содержании первоначального обязательства до его нарушения, либо должник лишается права, из которого вытекало нарушенное обязательство. Соответственно увеличивается правомочие кредитора. Если же вне договорных отношений причинены убытки, то на правонарушителя возлагается обязанность возместить за счет своего имущества вред либо в натуре, либо в денежном выражении. Но имущественная ответственность всегда направлена на ликвидацию нежелательных имущественных последствий правонарушения и представляет собой реализацию санкций правовой нормы; если же в принудительном порядке претворяется в жизнь диспозиция нормы — само правило поведения, то это не возмещение убытков, а само реальное исполнение в принудительном порядке — непосредственное принудительное осуществление права /23, с. 297-300/. Мнение о том, что гражданско-правовая ответственность заключается либо в лишении лица определенного субъективного права, либо в наложении на него дополнительной юридической обязанности /4, с. 55-56, 58/ или внешнеэквивалентных обязанностей имущественного характера /34, с. 502/, высказывали и другие авторы.

Иную концепцию юридической ответственности предлагает С.Н. Братусь. По его мнению, юридическая ответственность — это состояние государственного принуждения к исполнению нарушенной юридической обязанности, существовавшей еще до нарушения основной обязанности, или обязанности добавочной, дополнительной или по тем или иным причинам заменяющей основную, неисполненную обязанность требованием возмещения убытков. Другими словами, юридическая ответственность — это опосредованное государственным принуждением исполнение пер-

воначальной или новой обязанности, дополняющей или заменяющей прежнюю. При добровольном исполнении указанных обязанностей нет оснований говорить о юридической ответственности. Государственное принуждение к исполнению нарушений обязанности является, по мнению С.Н. Братуся, осуждением поведения обязанного лица при наличии его упречного поведения и прежде всего вины, хотя упречность сводится не только к вине, а является осуждением и такого поведения, которое само по себе не противоправно. В широком смысле слова принуждение к исполнению, являясь осуждением упречного поведения, есть уже наказание, своеобразное лишение для правонарушителя /2, с. 85-92/.

В отличие от ответственности, наступившей вследствие неисполнения принятой по договору обязанности, ответственность за гражданско-правовой деликт опирается на двойное правонарушение, на нарушение обязанности воздерживаться от посягательства на чужое имущество, жизнь и т.д. и на неисполнение в добровольном порядке новой обязанности - возместить убытки /2, с. 94-95/.

С.Н. Братусь допускает, что далеко не всегда и не во всех случаях возможно принуждение к исполнению обязанности "в натуре". Существуют такие обязанности, которые, будучи нарушенными, уже не могут быть в дальнейшем исполнены. В этих случаях действует принцип "необратимости" нарушенного. Невозможность непосредственного принуждения относится не только ко многим уголовным, но и к иным правонарушениям. Так, невозможно принуждение к исполнению обязанностей, носящих личностный характер, например в сфере семейных правоотношений /2, с. 96/.

В связи с этим С.Н. Братусь задает вопрос, применима ли его конструкция к юридической ответственности, возникшей в связи с совершением уголовных, административных, а также иных правонарушений, влекущих за собой применение "наказательных" мер ответственности, в частности, лишение родительских прав, осуществляемое в судебном порядке. Очевидно, что и в этих случаях действует принцип "необратимости" нарушения обязанности воздержания от определенного поведения. В большинстве случаев принуждение к исполнению нарушенной обязанности здесь невозможно. Необратим и социально опасный результат, причиненный преступлением. Спрашивается, о каком же принуждении к исполнению неисполненной обязанности можно в этих случаях говорить? По мнению С.Н. Братуся, в этих слу-

чаях порождается новая, иного содержания обязанность — обязанность понести наказание, которое состоит не только в осуждении общественно опасного поведения государством, но и в претерпевании определенной кары — лишения, существенно затрагивающих личность, в умалении ее прав и благ. Выполняется эта обязанность **только под воздействием не прекращающегося в течение периода отбывания наказания принуждения.** Эта обязанность не может быть исполнена добровольно даже при желании обязанного лица. Тем не менее это — ответственность, ибо ответственность — это не обязанность претерпевания последствий, проистекающих из правонарушения, а самое их претерпевание в состоянии принуждения независимо от того, какие последствия наступают, — будь то исполнение новых обязанностей, поражающих имущественные и личные блага обязанного лица, или только исполнение ранее существовавшей обязанности /з, с. 96-103/. Свой конечный вывод С.Н. Братусь изложил так: основное назначение ответственности — это государственное принуждение к реальному исполнению обязанностей, а не возложение добавочных обязанностей на лицо, совершившее противоправное действие /з, с. 118/.

При оценке концепции правовой ответственности, предложенной С.Н. Братусем, под углом зрения, представляющим интерес с точки зрения настоящей статьи, нельзя не заметить **значительных трудностей, возникающих при решении вопроса об основаниях ответственности.** При этом следует различать три случая: 1) добровольное или же опосредованное государственным принуждением исполнение существовавшей до нарушения обязанности в первоначальном или трансформированном виде в принципе возможно; 2) добровольное или же принудительное исполнение нарушенной обязанности невозможно, но добровольное или принудительное исполнение обязанности возместить убытки возможно; 3) в отношении обязанности воздержания от определенных деяний действует принцип **необратимости**, а исполнение новой обязанности, то есть обязанности претерпевания кары, возможно только в **принудительном порядке.** Если, однако, ответственность есть всегда претерпевание принуждения, а принуждение выражает собой государственное осуждение поведения лица, несущего ответственность, то спрашивается, на чем же основывается это осуждение, когда даже возможность добровольного исполнения обязанности **исключена (случай 3).** Этот же вопрос возникает и тогда (случай 1), когда, несмотря на упречное поведение обязанного лица, отсутствует его вина и

противоправность поведения. Что же С.Н. Братусь подразумевает под "упречным" поведением, он так и не раскрывает. У С.Н. Братуся нет ясного ответа и на вопрос, в чем состоит реальное исполнение "в натуре" в тех случаях, когда действует принцип "необратимости" нарушенной обязанности. На это уже было обращено внимание в литературе /51, с. 117/. Вместе с тем спрашивается, как согласуется "необратимость" нарушенной обязанности с утверждением о том, что ответственность — это не приводящее извне воздействие, а элемент, необходимая сторона материального правомочия, созревшего для осуществления /3, с. 10/.

Понятием ответственности Н.С. Братусь охватывает различные по содержанию явления — юридическую ответственность, то есть осуждающую государственную реакцию на правонарушение, и непосредственно принудительное осуществление права. Между тем это различные институты не только по содержанию и выполняемым в правовом механизме функциям, но и по своим основаниям. Применение мер по непосредственному принудительному осуществлению права обусловлено необходимостью реального исполнения обязанности и в отличие от мер ответственности не идет дальше взыскания неуплаченных налогов или долга, привода обвиняемого или свидетеля и т.д. и именно потому, что эти меры не идут дальше выполнения существующей обязанности, они по сути дела и не нуждаются в обосновании /23, с. 188-189/.

Совмещение концепции С.Н. Братуся с пониманием юридической ответственности как осуждающей государственной реакции на правонарушение, которая выражается в применении к субъекту карательных или внеэквивалентных принудительных мер имущественного характера, предполагает подведение под ними единой основы. Это, однако, вряд ли возможно.

III. Насколько нам известно, впервые в советской правовой науке вопрос об основаниях юридической ответственности был поставлен в 1941 г. А.Н. Трайниным применительно к уголовной ответственности. К таким основаниям он отнес причинность (объективное основание) и виновность (субъективное основание) /43, с. 53-62/. Несколько позднее он объяснил, что проблема эта сводится к вопросу о том, что является основанием уголовной ответственности конкретных лиц, основанием применения наказания именно к ним. Как раз такими основаниями им были признаны причинность и виновность. Он писал, что

эти два элемента состава преступления имеют двойное значение: "являясь одним из признаков конкретного преступления, они вместе с тем несут в себе и выражают собой общие основания уголовной ответственности" /44, с. 65/. Следовательно, здесь речь шла о том, когда, при каких условиях наступает уголовная ответственность конкретного лица за совершенное преступление, то есть что является основанием для вменения конкретного преступления именно данному лицу. По сути дела и сам А.Н. Трайнин придерживался такого понимания оснований ответственности. Он писал: "Для вменения (разрядка наша - И.Р.) содеянного, для уголовной ответственности необходимы и причинение, и вина: отсутствие любого из этих оснований исключает уголовную ответственность" /45, с. 130; см. также 44, с. 65/. Еще более четко он выразил эту мысль на обсуждении его монографии. Он говорил: "... Прежде чем наказать Ивана, нужно, чтобы было совершено общественно опасное деяние. Но прежде чем наказать Ивана, нужно это общественно опасное деяние связать именно с ним, а эта связь осуществляется через вину и причинение" /47, с. 89/.

Мы еще в 1956 г. писали, что вменение является не основанием, а предпосылкой не только уголовной, а вообще юридической ответственности конкретного лица, ибо вменение, то есть признание правонарушения делом виновного, свидетельствует о том, что физическое и психическое "я" субъекта послужило причиной данного правонарушения. Хотя вменение не может иметь места, когда не все элементы состава правонарушения налицо и правонарушение вменяется субъекту в вину при наличии совокупности всех этих элементов, тем не менее при вменении данного правонарушения конкретному субъекту причинная и виновная связи имеют преобладающее значение среди других элементов состава. Именно они свидетельствуют о физическом и психическом "авторстве" субъекта в данном конкретном правонарушении, о том, что конкретное правонарушение является плодом поведения именно данного лица /24, с. 162/. Монографическому исследованию проблема вменения была нами подвергнута в 1966 г. Мы нашли, что вменение определяет пределы того фактически происшедшего во внешнем мире, на которое, говоря словами Ф.Энгельса, наложена "печать воли" действующего лица. Под этим углом зрения должен и быть решен вопрос, какие деяния подлежат вменению и именно кому, кто и за что подлежит в данном случае юриди-

ческой ответственности /23, с. 126-127/.

Если во вменении все же усматривают основание юридической ответственности, то это может означать только одно: правонарушитель отвечает потому, что совершенное правонарушение вменяется ему в вину, правонарушение же вменяется ему в вину потому, что он его совершил. Это положение, хотя и выражает принципы социалистической законности, тем не менее малосодержательно и бесплодно в теоретическом отношении с точки зрения обоснования юридической ответственности /24, с. 163-164/.

Концепция оснований уголовной ответственности, разработанная А.Н. Трайниным, сразу же после выхода в 1951 г. его монографии /45/ была подвергнута суровой критике /15, с. 85-90; 16, с. 61-65; 17, с. 68-79/. Среди критиков одно из первых мест занимал А.А. Пионтковский. Он утверждал, что единственным основанием уголовной ответственности является состав преступления и только в пределах состава можно различать ее объективное и субъективное основания. Иное понимание оснований ответственности он признавал несовместимым с задачами укрепления социалистической законности /19, с. 48-58; 18, с. 33-41/.

Неудивительно, что А.Н. Трайнин затем внес существенные коррективы в отстаиваемую им концепцию оснований уголовной ответственности. В последнем, вышедшем уже посмертно издании монографии о составе преступления, он утверждал, что единственным основанием уголовной ответственности является состав преступления и что виновность и причинность как два элемента состава имеют значение для обоснования уголовной ответственности только в рамках состава /46, с. 230/.

В последующие годы А.А. Пионтковский продолжал отстаивать свою концепцию, усматривающую единственное основание уголовной ответственности в составе преступления /11, с. 86-90; 20, с. 105-107/. Это положение твердо вошло в науку советского уголовного права и было поддержано представителями других отраслевых юридических дисциплин, а также общей теорией права.

В юридической литературе справедливо отмечалось, что в настоящее время развитие учения об уголовной ответственности имеет главным образом экстенсивный характер. Мнения криминалистов скорее расходятся, чем солидаются. Это объясняется, помимо прочего тем, что общая теория права, на выводы которой должны опираться отраслевые науки права, еще далека от

создания общей теории юридической ответственности /10, с. 301/.

В задачи настоящей статьи не входит критический разбор всех концепций юридической ответственности, имеющих в советской правовой, в том числе и в уголовно-правовой науке, где проблеме ответственности придается относительно большее значение. Высказанные в литературе различные точки зрения относительно юридической ответственности изложены в литературе достаточно исчерпывающе и систематизированы довольно удачно /к, с. 7-42; 10, с. 497-523/. Мы ограничимся рассмотрением лишь двух концепций, представляющих в рамках настоящей статьи наибольший интерес потому, что на их примере хорошо видно, как различное понимание юридической ответственности влечет за собой разные концепции оснований этой ответственности.

Двумя наиболее распространенными концепциями юридической ответственности являются понимание ее как обязанности претерпеть неблагоприятные личные или имущественные последствия правонарушения или просто обязанности отвечать перед государством за совершение правонарушения. Согласно второй концепции юридической ответственности, это - осуждающая, отрицательная реакция государства на правонарушение, выразившаяся в применении к правонарушителю особых мер принуждения - наказаний, взысканий или мер имущественной ответственности.

Родоначальником первой из этих концепций был А.А. Пионтковский /20, с. 48-58/. Согласно этой концепции ответственность - это обязанность особого рода, мыслимая только в рамках правоотношения, в содержание которого входят как сама эта обязанность, так и корреспондирующее ей субъективное право требовать от обязанного лица претерпевания ответственности. Мы относимся к этой концепции критически /23, с. III-120/.

Коль скоро ответственность рассматривается как содержание правоотношения, возникает вопрос об участниках этого отношения. Мы полагаем, что субъектами правоотношений могут быть конкретные физические или юридические лица, в том числе органы государства. Следовательно, придерживаясь первой концепции, пришлось бы признать, что правонарушитель несет ответственность не перед государством, а перед государственными органами - следователем, прокурором, судом, исправительно-трудовым учреждением и т.д. Но в таком случае о едином правоотношении ответственности говорить нельзя, ибо по

мере движения производства по делу от одного органа к другому возникает уже новое правоотношение с иным субъектным составом. Поэтому неудивительно, что мнения сторонников первой концепции разошлись при решении вопроса о субъектном составе и моменте возникновения правоотношения ответственности. К тому же утверждение о том, что это отношение возникает в момент совершения правонарушения, не исключает вывода о наступлении ответственности и тогда, когда, например, преступник скрылся от следствия и суда либо вообще не был обнаружен.

Проблема не может быть удовлетворительно решена и тогда, когда субъективное право на наказание (*ius puniendi*) или применение других мер ответственности признается не за органами государства, а за государством, ибо на самом деле это "право" не является субъективным правом и включение его в содержание юридического отношения вряд ли правильно. На самом деле такое "право" является составной частью политической власти, подобно законодательной и исполнительной власти. Речь должна идти о другом — о задачах органов государства в борьбе с правонарушениями. Эти задачи не могут быть растворены в правах и обязанностях, образующих содержание правоотношений. При попытке подобного растворения оказывается, что "право наказать" преступника есть вместе с тем и обязанность управомоченного на то органа, а этой обязанности соответствует "право" преступника быть наказанным.

Понимание юридической ответственности как обязанности претерпеть ответственность, входящую в содержание правоотношения особого рода, должно быть отвергнуто и потому, что ответственность — не голое долженствование, необходимость ответственности, а ответственность вполне реальная, наступившая, перешедшая в действительность.

Но дело не только в этом. Было бы величайшей ошибкой пустить дело на самотек и утверждать, что ответственность — это последствие, автоматически наступившее вслед за правонарушением. Придерживаясь подобной конструкции, целенаправленная деятельность государственных органов по борьбе с правонарушениями оттесняется на задний план.

Придерживаясь этой концепции, не может быть отвергнут и следующий вывод. Советское право возлагает на граждан обязанность воздержаться от совершения правонарушений. В случае нарушения этой обязанности возникает обязанность претерпеть меры ответственности. Если эта новая обязанность выполнена,

с государством произведен полный расчет! В основе подобных рассуждений лежит по сути дела мысль о допустимости правонарушений ценой отбоя мер ответственности.

Нельзя также не заметить тавтологию при определении ответственности сторонниками критикуемой нами концепции. Ответственность, по их мнению, — это обязанность отдавать отчет о своем потивоправном поведении, обязанность отвечать. Поэтому вовсе неудивительно, что эта концепция не в состоянии раскрыть природу, сущность юридической ответственности. Действительно, при определении ответственности при помощи одних только прав и обязанностей, то есть исходя из самого права, невозможно дойти до материального содержания юридической ответственности.

Более надежной по сравнению с первой концепцией базой для учения об основаниях правовой ответственности служит вторая концепция, согласно которой суть ее заключается в отрицательной государственной реакции на правонарушение.

IV. Вряд ли можно сомневаться в том, что непременным условием плодотворного исследования оснований юридической ответственности является ясность в гносеологическом и методологическом значении учения об этих основаниях. К сожалению, этим вопросам советская правовая наука уделяет совершенно недостаточное внимание. Это объясняется, очевидно, тем, что основания юридической ответственности, как правило, сводят к основаниям вменения и спрашивают, когда, при наличии каких предпосылок возникает ответственность.

Несмотря на многозначность слова "основание", смысл термина "основание юридической ответственности" в советской юридической литературе за редким исключением не раскрывается. По мнению И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшина /28, с. 71-72/, тогда, когда речь идет об основании правовой ответственности конкретных лиц, этот термин употребляется по крайней мере в двух смыслах. Во-первых, на основании чего, какого правового акта лицо может нести юридическую ответственность, и во-вторых, за что оно может нести эту ответственность. В первом случае речь идет о юридическом, во втором — о фактическом основании ответственности. Наибольшее значение, как они полагают, имеет второе основание ответственности.

Другие авторы, в частности цивилисты, подчас говорят не об основаниях, а об условиях правовой ответственности /31,

с. 517, 520; 33, с. 518-520; 34, с. 484/, а представители общей теории права также об основаниях возникновения /39, с. 519/ и предпосылках ответственности /12, с. 13-15; 42, с. 366-367/. Несмотря на различную терминологию, под этими условиями или предпосылками подразумевается то же самое, что и под основаниями ответственности.

При всей условности терминов следует все же отказаться от обозначения определенного явления двумя терминами, один из которых больше подходит для обозначения какого-то другого явления. В данном случае термины "условия возникновения", а также "условия привлечения к ответственности" /34, с. 484/ более точны, если задать вопрос о том, за что, при наличии каких предпосылок привлекают к ответственности. Наличием именно этих условий и предпосылок определяется возможность вменения совершенного правонарушения данному субъекту.

Вполне понятно, что если ответственность отождествляют с правоотношением особого рода или признают ее содержанием этого отношения, элементами которого являются обязанность претерпеть неблагоприятные последствия правонарушения, и корреспондирующее этой обязанности субъективное право требовать такого претерпения, то важнейшее значение в качестве предпосылок ответственности или фактических ее оснований в вышеуказанном смысле имеют юридические факты, порождающие эти отношения.

В качестве юридического факта, порождающего правоотношение юридической ответственности, рассматривается либо состав правонарушения, либо сам факт совершения правонарушения. Несмотря на подчас довольно острые споры между сторонниками этих двух точек зрения, непримиримых расхождений между ними нет, как только имеется в виду двузначность термина, а также самого понятия "состав преступления" /28, с. 82-83/.

Еще А.А. Пионтковский обратил внимание на двузначность этого термина. Состав, по его мнению, - это, во-первых, юридическое понятие о преступлении и, во-вторых, "само преступное деяние, соответствующее признакам определенного состава преступления" /II, с. 89/.

Термин "состав преступления" в первом значении есть действительно синоним термина "понятие преступления". Введение нового термина взамен термина "понятие преступления" не имеет под собой веских оснований и приводит лишь к путанице. Поскольку понятие преступления имеет различные уровни - общее понятие и понятия об определенных группах (родах), а

также видах и подвидах преступлений, то и понятие "состав преступления" конструируется как многоуровневое. В частности, различают общий и родовой составы преступлений. Вместе с тем вполне закономерно напрашивается вывод и о наличии видовых составов или составов отдельных видов и подвидов преступлений, хотя этот последний термин встречается в литературе редко /26, с. 26-31; 53, с. 109. Это точка зрения высказана Х.Кадари/.

В реальной действительности, однако, существуют не эти разноуровневые понятия, а конкретные, уникальные преступления, признаки которых бесчисленны. Конкретные преступления подлежат непосредственному восприятию, хотя они в их существенных, отличительных чертах могут быть мысленно воспроизведены и при помощи разноуровневых понятий. И все же предмет и явление и понятия о них не тождественны и лежат в различных плоскостях. Недопустимо отождествление преступления как явления объективной действительности и понятия или состава преступления. Понятие преступления и состав преступления — не явления объективной действительности, а юридические абстракции, результат мыслительной деятельности, правовые категории /6, с. 26/, относящиеся к области сознания и существующие даже тогда, когда реально не было совершено ни одного преступления /36, с. 99/. Этот вывод может быть распространен на понятия о всех видах правонарушений вообще.

Закон устанавливает уголовную ответственность на уровне видов и подвидов преступлений, но непременно за совершение конкретных преступлений. Если в конкретном деянии имеются все признаки, необходимые для отнесения его к определенному виду или подвиду преступлений, то говорят, что это деяние содержит состав преступления. От этого конкретное преступление, однако, не превращается ни в понятие, ни в состав преступления. Конкретное преступление мысленно воспроизводится лишь при помощи понятия преступления на уровне его определенного вида или подвида, или что то же самое — при помощи понятия о составе определенного вида или подвида преступлений. Оно и понятно, ибо в уголовном праве именно эти уровни понятия преступления (состава преступления) имеют наибольшее практическое значение: ведь уголовный закон дифференцирует ответственность именно на уровне видов и подвидов преступлений /10, с. 534/.

Вполне понятно, что в литературе высказывается мнение о том, что основанием уголовной ответственности служит состав

преступления как понятие именно о видах или подвидах преступлений /например, 53, с. 94, 109, 119; эта точка зрения была высказана Х.Кадари/. По-видимому, этой же точки зрения придерживался и А.А. Пионтковский. Правда, отстаивая положение о том, что основанием уголовной ответственности является состав преступления, он говорит о составе как о юридическом понятии об определенном роде преступлений /II, с. 96/, но очевидно здесь допущена обмолвка, ибо на самом деле речь идет о составе определенного вида (подвида) преступлений.

Вряд ли можно, однако, серьезно говорить о том, что основанием уголовной ответственности является понятие преступления. Замена понятия преступления термином "состав преступления" здесь по существу ничего не меняет, а лишь прикрывает признание основанием ответственности понятия, допустим, содержательного понятия, но тем не менее абстракция, относящейся к области сознания.

Положение о том, что понятие не может служить основанием уголовной ответственности, выдвигаемое против формулы "состав преступления есть единственное основание уголовной ответственности", А.А. Пионтковский признает несправедливым /II, с. 90/. Между тем А.А. Пионтковский подразумевает под составом преступления не только само преступное деяние, но и понятие преступления, причем нам представляется, что преобладает именно это значение термина - "состав преступления".

В этой связи интерес представляет также точка зрения М.И. Ковалева, который продолжает отстаивать положение о том, что единственным основанием уголовной ответственности является состав преступления, причем не как понятие, ибо понятие состава - это абстракция, результат мыслительного отвлечения от ряда несущественных свойств, связей изучаемого предмета и выделения общих свойств, связей и отношений /9, с. 169, 191/, а как состав, существующий в реальной действительности. Вместе с тем он утверждает: "когда мы говорим о составе преступления, то имеем в виду конкретное преступное деяние /9, с. 169. Разрядка наша - И.Р./. В другом месте он прямо заявляет, что "основанием ... уголовной ответственности является только преступление, а точнее, его юридическое выражение - состав преступления" /9, с. 98/.

Итак, в понимании оснований уголовной ответственности

нет существенных различий между А.А. Пионтковским и М.И. Ковалевым. Их взгляды характеризуются определенной двойственностью и могут быть развиты в двух направлениях, причем признание основанием уголовной ответственности конкретного преступного деяния означает по существу отказ от рассмотрения состава преступления в смысле понятия о преступлении не только в качестве основания уголовной ответственности, но вместе с тем и юридического факта, порождающего правоотношение уголовной ответственности. Оно и понятно. Понятия не обладают качествами не только юридических фактов, но и основной ответственности. Другое дело преступное деяние как явление объективной действительности.

Признание правонарушения, в том числе преступления, юридическим фактом, порождающим правоотношение ответственности, и в то же время основанием этой ответственности получило в последние годы заметное распространение в различных юридических дисциплинах: в общей теории права /42, с. 367; 41, с. 328; 40, с. 414; 39, с. 514; I, т. I, с. 280, 283/; в науке советского гражданского права /33, с. 518; 32, с. 367; 21, с. 204, причем Н.С. Малеин отмечает, что, по мнению представителей науки гражданского права, противоправное действие как основание ответственности входит в состав правонарушения/; в науке советского административного права /29, с. 179; 30, с. 219/, а также в науке советского уголовного права /36, с. 179; 37, с. 33, 35; 5, с. 46-47; 10, с. 534-535; 28, с. 84-86/. Отстаивая эту точку зрения, В.С. Прохоров и некоторые другие авторы обращают внимание на то, что в случае признания основанием уголовной ответственности состава (понятия) преступления, ответственность лишается своей индивидуальности и обосновывается только ее видовой дифференциация /10, с. 533-535; 22, с. 22/.

У. В обычной речи под основанием понимают исходное начало или условие, предпосылку существования некоторого явления /8, с. 414/. В интересующем нас плане в качестве такого явления рассматривается юридическая ответственность.

Согласно традиционному пониманию оснований юридической ответственности, отстаиваемому И.С. Самощенко и М.х. Фарукшиным /28, с. 89-90/, наличием ее фактического и юридического оснований определяется закономерное повторение двух явлений - совершения правонарушения (фактическое основание) при наличии правовой нормы, устанавливающей за это деяние ответ-

ственность (юридическое основание), и наступления юридической ответственности на самом деле. Следовательно, основаниями юридической ответственности определяется, кто, когда, за что и какой ответственности подлежит. Совершение правонарушения сводится при этом к простому юридическому факту, порождающему правоотношение ответственности, в рамках которого возникает обязанность субъекта претерпеть правовой урон, а государство наделяется правом привлечь виновное лицо к ответственности.

Разумеется, без фактического и юридического оснований правовой ответственности не обойтись. Установление их безусловно необходимо для обеспечения беспрекословного соблюдения законности в деятельности органов, уполномоченных на применение мер ответственности, в частности органов, отправляющих правосудие. В то же время нельзя не заметить ограниченность и недостаточность фактического и юридического оснований правовой ответственности. Эти основания представляют собой лишь первоначальную ступень познания обоснованности конечного вывода. Они не отражают внутреннюю связь основания и обосновываемого в реальной действительности, при которой выделяются главные, наиболее существенные стороны обоих этих явлений — правонарушения и юридической ответственности, — показывается взаимосвязь этих сторон и дается объяснение необходимости их взаимообусловленности, раскрывается обусловленность существа юридической ответственности глубинным содержанием правонарушения. Поэтому вслед за констатацией наличия предпосылок правовой ответственности, то есть установления ее фактического и юридического оснований, возникает необходимость внутреннего обоснования ответственности. Ведь за утверждением, что совершение правонарушения (его состав) служит основанием юридической ответственности, закономерен вопрос, почему лицо, в деянии которого содержится состав правонарушения, должно нести юридическую ответственность перед Советским государством? Чем эта ответственность оправдана?

"... Для того, — писал М.С. Строгович, — чтобы признать то или иное утверждение достаточным основанием другого утверждения, необходимо, чтобы само это утверждение, служащее достаточным основанием, было истинным, а истинным мы его можем признать лишь тогда, когда и оно имеет свое достаточное основание" /48, с. 133. См. также 23, с. 133-134/.

Именно при таком подходе к проблеме оснований юридиче-

ской ответственности и обнаруживается ограниченность, недостаточность первой концепции ответственности для внутреннего ее обоснования. При внутреннем обосновании юридической ответственности следует руководствоваться следующими положениями:

Во-первых, правонарушение является деянием общественно опасным, причинившим вред правоохраняемым ценностям советского общества, и в частности, вносящим дезорганизацию в систему общественных отношений, совокупность которых составляет советский социалистический правопорядок; во-вторых, субъект правонарушения не был лишен возможности управлять своим поведением, воздержаться от совершения правонарушения; в-третьих, именно указанные обстоятельства вызывают отрицательную, осаждающую государственную реакцию, выражающуюся в применении к правонарушителю особых мер принуждения — мер ответственности; в-четвертых, юридической ответственности как отрицательной государственной реакции присуща специфическая целенаправленность, ее задачей является осуществление правоохраны.

Под вышеуказанным углом зрения вопрос о внутреннем обосновании юридической ответственности был нами поставлен в 1956 г. /24/, а концепция такого обоснования подробно изложена в монографическом плане в 1966 г. /23/. Во избежание повторений ограничимся в этой связи указанием, что в качестве объективного основания ответственности нами рассматривалась общественная опасность правонарушения, а субъективного — способность субъекта самому определять линию своего поведения.

В условиях нетерпимости к плюрализму нетрадиционных концепций судьба их подчас оказалась различной. Наша концепция не была подвергнута критике, скорее отношение научной ответственности к ней не определилось вообще. В других случаях нетрадиционные решения были беспощадно, порой несправедливо раскритикованы. Интерес с этой точки зрения представляет суровая критика в адрес Б.С. Утевского и др., пытавшихся преодолеть узость традиционной концепции оснований уголовной ответственности при помощи конструкции двух вин /50, с. 31-92/. Весьма показательным, что Н.С. Стручков совсем недавно признал право на существование концепции вины, разработанной Б.С. Утевским /49, с. 51/.

Понимание необходимости внутреннего обоснования юридической ответственности, отличного от традиционного, сугубо

юридической концепции, постепенно все же пробивает себе дорогу. Новая концепция либо сочетается, переплетается с традиционной, либо рассматривается как альтернативная.

В этой связи интересно отметить, что В.С. Прохоров, обращая внимание на неудовлетворительность, односторонность чисто нормативного понимания оснований ответственности /10, с. 528/, подчеркивает, что это менее всего технико-юридическая, а, напротив, мировоззренческая проблема /22, с. 21/. Н.Д. Дурманов наряду с традиционным пониманием оснований ответственности задает вопрос о философском ее обосновании /36, с. 19/, а Н.С. Малеин занимается выявлением оснований ответственности – социальных и юридических /21, с. 203-216/.

Философское, мировоззренческое основание ответственности усматривают в том, что человек совершил правонарушение, имея возможность выбора между противоправным и правопослушным поведением. Как известно, Ф.Энгельс указывал, "что человек только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной свободой воли" /13, с. 21/. Социальное же обоснование ответственности заключается в том, что правонарушение является деянием общественно опасным, причиняет социальный вред, дезорганизует правопорядок. Именно эти обстоятельства вызывают осуждение поведения субъекта и необходимость отрицательной государственной реакции в виде возложения ответственности на виновного с целью охраны правопорядка. Вышеуказанные обстоятельства, характеризующие правонарушение с различных аспектов, имеют первостепенное значение и с точки зрения обоснования ответственности. Соотнесение же этих оснований с составом правонарушения как юридической абстракцией по сути дела беспредметно.

Неудивительно, что и А.А. Пионтковскому не удалось обойти вопрос о философском обосновании ответственности. Ссылаясь на многочисленные высказывания классиков марксизма-ленинизма, он указывает: "Свобода воли в ее материалистическом понимании служит о с н о в а н и е м /разрядка наша- И.Р./ уголовной ответственности не только тогда, когда совершается умышленное преступление, но и тогда, когда преступление совершается по неосторожности" и продолжает: "Без такого (то есть материалистического) понимания свободы воли ответственность человека за свои поступки не может быть обоснована с позиции диалектического материализма" /II, с. 233-234/. Странно, однако, что вопросы философского обоснования ответ-

ственности А.А. Пионтковский рассматривает в разделе курса советского уголовного права, посвященном вменяемости субъекта преступления, тогда как учение об основаниях уголовной ответственности в целом включено в раздел о составе преступления /II, с. 87-98/.

М.И. Ковалев, как указывалось, присоединяется к мнению тех, кто основанием уголовной ответственности признают состав преступления, причем не как абстракцию, а как юридическое выражение преступления /9, с. 98, 191/. Основным же здесь, по его мнению, является вопрос, может и должен ли человек отвечать за свои действия, и если да, то на каком основании. Речь при этом, как он полагает, идет не о юридическом основании, а об этических и философских постулатах, дающих право ответить на этот вопрос утвердительно. Имея в виду этот аспект проблемы, он различает юридическое и этическое основания. Фундамент обоснования уголовной ответственности заложен, по его мнению, в свободе избежать антиобщественный, опасный для общества способ удовлетворения своих потребностей /9, с. 17/. К сожалению, концепция о двойном основании, в частности и об этическом обосновании ответственности не получила у него подробного развития.

Подводя итоги, следует обратить внимание на нестложную необходимость создания цельного учения о юридической ответственности, ее предпосылках, видах и внутреннем обосновании. Специального рассмотрения требует вопрос об основаниях ответственности в законе и в правоприменительной деятельности, о взаимообусловленности оснований и целей ответственности, о дифференциации ответственности в зависимости от общественной опасности правонарушения и степени свободы выбора варианта поведения в конкретном случае.

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

1. Алексеев С.С. Общая теория права. - М., 1981. - Т. I.
2. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. - М., 1976.
3. Братусь С.Н. Материально-правовой аспект гражданской юридической ответственности // Учен. зап. / Тартуский ун-т. - Тарту, 1987. - Вып. 765.
4. Варул П. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. - Таллин, 1986.

5. Герцензон А.А. Понятие преступления в советском уголовном праве. - М., 1955.
6. Грязин И.Н., Варул П.А. Некоторые методологические положения исследования юридической ответственности в условиях ускорения социально-экономического развития // Учен. зап. / Тартуский ун-т. - Тарту, 1987. - Вып. 765.
7. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. - Л., 1955.
8. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. Второе изд., испр. и доп. - М., 1975.
9. Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. - Свердловск, 1987.
10. Курс советского уголовного права / Отв. ред. Беляев Н.А. - Л., 1981. - Т. 5.
11. Курс советского уголовного права в шести томах: Часть Общая: Преступление / Ред. колл.: Пионтковский А.А., Ромашкин П.С., Чижиквадзе В.М. - М., 1970. - Т. II.
12. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (Теоретические проблемы). - М., 1981.
13. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. - Т. 21.
14. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. - М., 1970.
15. Пионтковский А.А. и др. Выступления на обсуждении книги А.Н. Трайнина "Состав преступления по советскому уголовному праву" // Социалистическая законность. - 1952. - № 9.
16. Пионтковский А.А. и др. Выступления в Институте права Академии Наук СССР // Советское государство и право. - 1952. - № 8.
17. Пионтковский А.А. Укрепление социалистической законности и основные вопросы учения о составе преступления // Советское государство и право. - 1964. - № 6.
18. Пионтковский А.А. Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. - М., 1964.
19. Пионтковский А.А. Основание уголовной ответственности // Советское государство и право. - 1963. - № II.
20. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. - М., 1961.
21. Правовая система социализма в двух книгах / Отв. ред. Васильев А.М. - М., 1987. - Кн. 2: Функционирование и развитие.
22. Прохоров В.С. Преступление и уголовная ответственность: Автореф. дисс. ... д.в.н. - Л., 1987.
23. Ребане И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок // Учен. зап. / Тартуский ун-т. - Тарту, 1966. - Вып. 182.

24. Ребане И.А. К постановке вопроса об основаниях правовой ответственности // Учен. зап. / Тартуский ун-т. - Тарту, 1966. - Вып. 44.
25. Ребане И. О разграничении видов правонарушений и юридических санкций по социалистическому праву // Учен. зап. / Тартуский ун-т. - Тарту, 1959. - Вып. 61.
26. Ребане И.А. Понятие преступления и состав преступления // Учен. зап. вузов Лит. ССР. - Вильнюс, 1981. - Т. XVI. - Вып. 1.
27. Ребане И.А. Проблемы совершенствования уголовного законодательства // Правоведение. - 1987. - № 5.
28. Самощенко И.С., Фарухтин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. - М., 1971.
29. Советское административное право / Под ред. П.Т.Василенкова. - М., 1961. - Т. II.
30. Советское административное право / Под ред. Козлова Ю. М. - М., 1985.
31. Советское гражданское право / Отв. ред. Смирнов В.Т., Толстой Д.К., Проценко А.К. - Изд. 2-е испр. и доп. - Л., 1982. - Ч. I.
32. Советское гражданское право / Отв. ред. Рязенцев В.А. - М., 1985.
33. Советское гражданское право / Отв. ред. Грибанов В.П., Корнеев С.М. - М., 1979. - Т. I.
34. Советское гражданское право / Под ред. Красавчикова О.А. - М., 1968. - Т. I.
35. Советское гражданское право / Под ред. Красавчикова О.А. - 3-е изд. - М., 1985. - Т. I.
36. Советское уголовное право: Общая часть / Под ред. Меньшагина В.Д., Дурманова Н.Д., Кригера Г.А. - М., 1969.
37. Советское уголовное право: Часть Общая / Под ред. Кригера Г.А., Куринова Б.А., Ткаченко Ю. М. - М., 1981.
38. Советское уголовное право: Общая часть / Под ред. Гришаева П.И., Здравомыслова Б.В. - М., 1982.
39. Теория государства и права / Отв. ред. Королев А.И., Явич Л.С. - Изд. 2-е, перераб. - Л., 1987.
40. Теория государства и права / Под ред. Марченко М.Н. - М., 1987.
41. Теория государства и права / Отв. ред. Курицын В.М., Иванова З.Д. - М., 1986.
42. Теория государства и права / Отв. ред. Васильев А.М. - М., 1986.
43. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. - М., 1941.
44. Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. - М., 1946.
45. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. - М., 1951.
46. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. - М., 1957.

47. Трайнин А.Н. Выступление на обсуждении книги "Состав преступления по советскому уголовному праву" // Социалистическая законность. - 1952. - № 9.
48. Строгович М.С. Логика. - М., 1949.
49. Стручков Н. Борис Самойлович Утевский: (К столетию со дня рождения) // Социалистическая законность. - 1967. - № 12.
50. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. - М., 1950.
51. Явич Л.С. Рецензия на книгу: Братусь С.М. Юридическая ответственность и законность. - М., 1976 // Правоведение. - 1977. - № 3.
52. Ребане И.А. О процессуальном аспекте уголовной ответственности // Учен. зап. / Тартуский ун-т. - Тарту, 1987. - Вып. 765.
53. Kadari H., Raal E., Rebane I. Nõukogude kriminaalõigus: Üldosa / Toimet. Kadari H. - Tln., 1963.

ОБ ИНСТИТУТЕ ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Н.С. Малеин

г. Москва

Право представляет собой систему норм, институтов, отраслей. Всякая система, включая правовую, характеризуется единством общего и особенного. Такая диалектическая связь присуща и отдельным структурам (подсистемам) права — его институтам, в том числе и институту ответственности. Все отрасли законодательства содержат предусматривающие ответственность нормы (конкретные или отсылочные), таким образом ответственность является общим правовым институтом. Отраслевые нормы ответственности имеют некоторые особенности, но все они характеризуются единством цели, функций, признаков, оснований.

При характеристике ответственности как общей категории права мы исходим из положения К. Маркса: "Наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушения условий его существования, каковы бы ни были эти условия" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 8. — С. 531).

Наказание — это и есть ответственность.

Поскольку речь идет о правовой категории, постольку очевидно, что наказание следует за нарушение таких условий жизни общества, которые имеют закрепление в правовых предписаниях и охраняются ими. Условия жизни общества, его интересы, интересы коллективов и граждан охраняются всей системой права, законодательством всех отраслей, а не только уголовным. Поэтому тот факт, что термины "наказание", "кара" применены только в уголовном законодательстве, совсем не означает, что обозначаемые ими понятия чужды другим отраслям. Всякая юридическая ответственность есть наказание как реакция на нарушение интересов, охраняемых правом любой отрасли.

Правовые предписания устанавливаются государством (его компетентными органами). Следовательно, наказание—ответственность есть реакция государства на нарушение правопорядка, установленного для нормального функционирования общества, реакция защиты условий его существования.

Ответственность в статике — норма объективного права, устанавливающая наказание; ответственность в динамике — при-

менение этой нормы в правоотношении, претерпевание наказания правонарушителем.

Сущность ответственности в наказании, каре правонарушителя, то есть в претерпевании (несении, ощущении) им неблагоприятных, отрицательных для него последствий, выражающихся в лишении его (ограничении) определенного блага. Применение каждой меры ответственности любой отрасли права (от лишения свободы до выговора) есть умаление личного блага правонарушителя — его чести и достоинства, социальное и юридическое осуждение его поведения, его как личности. В этом — общее для всего института ответственности.

Отрасли права, учитывая регулируемые ими отношения, субъектов, объекты посягательства, степень общественной опасности посягательства и другие обстоятельства, предусматривают различные (и сходные) меры ответственности, выражающиеся в наказании в виде ограничения свободы или занятия определенным видом деятельности, различные виды изъятия имущества (конфискация, штраф, возмещение ущерба) и др., то есть лишения не только личного, но и имущественного характера. Таким образом, ответственность как наказание, кара есть всегда лишение (ограничение) определенного блага, которое правонарушитель имел или мог бы иметь, если бы не преступил императивное правовое предписание. Там, где нет такого лишения, нет и наказания, то есть нет ответственности.

Следовательно, нормы, предусматривающие исполнение только обязанности (долга), возникающей, например, из договора (займа, купли-продажи и др.), не являются мерами ответственности даже при их принудительном исполнении при помощи государственных органов, поскольку исполняющий долг принуждением не лишается принадлежащего ему блага (в наших примерах он возвращает чужие деньги или за свои деньги получает имущественный эквивалент).

Бесспорно, что право немислимо без принуждения и для ответственности государственное принуждение — необходимый обязательный признак. Необходимый, но не единственный, не достаточный. Принуждение (но не ответственность) применяется не только при исполнении договорных обязательств (в приведенных выше примерах), но и во многих других случаях (нормы, предусматривающие такое принуждение, называют мерами охраны, в отличие от мер ответственности). Например, таможенный досмотр производится вне зависимости от желания пассажира, но здесь

принуждение не есть ответственность: последняя может наступить при нарушении таможенных правил (второе принуждение — кара, например, в форме конфискации вещи). Таким образом, без принуждения нет ответственности, но может быть принуждение без ответственности. Гиперболизирование признака государственного принуждения может привести к безответственности, то есть к подмене (замене) ее иной мерой, не содержащей наказания.

При определении юридической ответственности как наказания явно выявляются (и одновременно подтверждают наказательную сущность ответственности) ее карательная (репрессивная) и предупредительно-воспитательная — охранительная функции.

Репрессивная функция вытекает из самой карательной сущности ответственности, из принципа справедливости: за отрицательное деяние — отрицательное воздаяние. Вековая общественная практика свидетельствует о том, что через наказание (справедливое или даже жестокое) проблема искоренения правонарушений не решается. Но бесспорно и то, что угроза наказания все-таки предупреждает совершение какой-то части правонарушений. Взаимодействие репрессивной и превентивной функций обеспечивает охрану условий жизни общества в специфичной для права мере.

Статья 20 Основ уголовного законодательства гласит: "Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных...". Представляется, что определение наказания (то есть ответственности) как кары следовало бы дать не в негативной и второстепенной форме.

Ответственность имеет и компенсационную (восстановительную) функцию. В большей степени она проявляется в нормах гражданского, хозяйственного законодательства (возмещение причиненных убытков), законодательства дисциплинарного (материальная ответственность работников), природоохранительного и административного (взыскание штрафа, такс, ущерба), в меньшей — в уголовном праве (обязанность загладить причиненный вред, конфискация имущества в покрытие ущерба) и в других случаях, когда возможно за счет правонарушителя полностью или частично компенсировать ущерб от правонарушения.

Если ответственность есть наказание, принудительная кара, то для того, чтобы не быть произволом, она должна иметь обоснование.

Социальное основание ответственности определено в приве-

денном выше высказывании Маркса — необходимость защиты от посягательств на условия существования общества, на общественные и индивидуальные интересы, охраняемые правом, а значит, необходимость охраны правопорядка, без чего общество не может нормально существовать и развиваться.

Юридическим основанием ответственности является правонарушение — деяние, признаки которого установлены в законе как необходимые и достаточные для применения мер ответственности. Совокупность этих признаков образует состав правонарушения: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Учение о составе правонарушения разработано наукой уголовного права и воспринято (во всяком случае не встречает возражений) в административной и других отраслях, являясь таким образом категорией общей теории права. В теории гражданского права элементами состава принято считать следующие: противоправность действия (бездействия), вред, причинную связь и вину, составляющие объективную и субъективную стороны общепринятого состава. Это, конечно, не означает, что гражданские правонарушения безобъектны и бессубъектны.

Однако определение понятия правонарушения содержится не во всех отраслевых законодательствах, а лишь в уголовном и административном. В теории же существуют различные мнения. Все это в конечном счете приводит к недостаточной скоординированности оснований юридической ответственности, что отнесется прежде всего к субъекту и субъективной стороне состава правонарушения.

Так, субъектом уголовной ответственности в ряде случаев может быть лицо, достигшее 14 лет, гражданской — 15 лет, административной — 16 лет. И если четырнадцатилетний гражданин совершил, например, злостное хулиганство, он подвергается уголовной ответственности, но освобождается от гражданской, если своими действиями причинил вред здоровью или имуществу потерпевшего. Таким образом, с точки зрения уголовного права этот правонарушитель способен осознавать значение своих противоправных действий, а согласно гражданскому закону — не способен. Это очевидное противоречие должно быть снято исходя из общего понятия ответственности, ее основания (состава правонарушения), субъекта ответственности.

Более сложным и важным является вопрос о субъективном основании ответственности.

Некоторые представители науки гражданского права испове-

дуют теорию ответственности без вины. Исходя из названия ст. 90 Основ гражданского законодательства полагают, что такая ответственность прямо предусмотрена законом: "Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности". Но законом является не название статьи, но сама изложенная в статье норма, в которой, однако, говорится не об ответственности, а об обязанности возмещения вреда; ответственность и обязанность — не идентичные понятия (например, Госстрах обязан возместить убытки от страхового случая, но он не несет ответственности). К тому же терминология гражданского закона несовершенна: в ст. 553 ГК говорится об ответственности наследника по долгам наследодателя, хотя очевидно, что в данном правоотношении есть обязанность и нет никакой ответственности (до нарушения этой обязанности). Формальный довод в пользу ответственности без вины сам по себе недостаточен, тем более, если он не безукоризнен.

Что касается вопроса по существу, то сторонники безвиновной ответственности ссылаются на необходимость защиты интересов потерпевшего. Я тоже за такую защиту, но справедливую. Она может быть в большей степени осуществлена путем страхования гражданской ответственности, известной законодательству большинства стран, справедливо учитывающей интересы всех граждан. Защищать же интересы одного невиновного (потерпевшего) за счет другого невиновного (причинителя случайного вреда), во-первых, несправедливо и, во-вторых, такой порядок возмещения объективно возникшего вреда нельзя называть ответственностью; это юридическая обязанность, которая не предполагает осуждения обязанного, что совсем не безразлично как для него, так и для других.

На первый взгляд кажется убедительным следующее суждение: если причинитель не виноват, то потерпевший тем более не виноват, и, значит, первый должен нести ответственность перед вторым. Абсолютно неверное суждение: можно (и нужно) сравнивать степень вины двух виновных субъектов, но абсурдно сравнивать "кто больше не виноват" ("тем более не виноват"), "нуль вины" без сравнения равен "нулю вины".

При причинении вреда силами природы, животными также встает вопрос о каком-то варианте его компенсации, но не об ответственности (если при этом не было воздействия человека), поскольку отсутствует субъективный момент. По той же причине не несут ответственности за причиненный вред недееспособные, невменяемые лица, так как они не способны выбирать варианты

поведения (в данном случае безопасные). По этим же основаниям не может нести ответственности любое лицо, если оно причинило вред в таком варианте поведения, которому не было альтернативы. Ведь в совершении причинившего вред деяния субъект признается невиновным в том случае, когда установлено, что он не имел возможности поступить иначе, не причинять вреда, избежать его (в противном случае он виновен и ответственен).

В ситуациях причинения вреда недееспособными, невменяемыми, с одной стороны, и другими (невиновными) лицами, — с другой, различие лишь в том, что к первым (если они были признаны таковыми компетентными органами и законом) вообще неприменимы субъективное понятие вины и, значит, ответственности, а в отношении вторых суд в каждом конкретном случае устанавливает, что данный субъект в данных обстоятельствах не мог предотвратить вреда. Но в обоих случаях нет вины, а, следовательно, нет и ответственности.

Право, включая нормы ответственности, рассчитано на сознательное поведение. Там, где нет достаточного сознания (недееспособные, невменяемые лица) или где сознание бессильно (нет альтернативы избранию безопасного варианта поведения), там бессильно и право: оно не в состоянии стимулировать желательное поведение.

Итак, субъективный момент — вина есть принципиальное основание ответственности — социальное и юридическое. Без вины нет и не должно быть ответственности. Ответственность без вины — несправедлива. Это — произвол, от которого уже давно отказалось наше законодательство. Только в гражданском законодательстве осталась модель ответственности для определения судьбы случайно (без вины) возникших убытков, питающая концепцию безвиновной ответственности. Такое положение сложилось, очевидно, и потому, что в гражданском законодательстве не содержится норм, определяющих понятие гражданского правонарушения, основания гражданской ответственности, в том числе и вину. Эти положения должны быть включены в общую часть Основ и гражданских кодексов.

В условиях хозрасчета, самоокупаемости и самофинансирования предприятий (если они подлинны), уважения ценности личности и справедливости (действительных) все субъекты могут и должны отвечать только за свои собственные действия, совершаемые свободно и разумно. Нельзя отвечать без вины, равно как нельзя нести ответственность и за чужую вину.

У субъекта не может быть "чужого" сознания, а, значит, и "чужой" вины. "Чужая" вина - для кого-то "своя", он-то и должен отвечать за "свою" вину, то есть просто за вину.

Если в гражданское и хозяйственное законодательство будут внесены положения о понятии правонарушения, его составе, будут исключены терминологические неточности, введено страхование гражданской ответственности, то, очевидно, не останется места для концепции безвиновной ответственности.

Нормы различных отраслей права об ответственности могут иметь свои особенности, но лишь при условии, что эти особенности не противоречат единому общему понятию ответственности - ее сущности, цели, функции, основанию ответственности. Нормы, не обладающие этими признаками, сходные (например, некоторые меры охраны) или не сходные (регулятивные) с мерами ответственности, входят (образуют) в другие правовые институты. Принципиальные различия между ними нельзя утрачивать ни в теории, ни в законодательстве во избежание нарушения справедливости.

Социальное и юридическое основания самого института ответственности соответствуют справедливости. Но справедливыми должны быть и ее меры. Общий принцип справедливости - деянию должно соответствовать воздаяние применительно к ответственности - означает, что наказание (мера ответственности) должно соответствовать совершенному правонарушению. Однако проведение этого положения в законодательстве и практике затруднено объективными и субъективными причинами. Даже принцип талиона далеко не всегда позволял точно так же наказать нарушителя, как он "наказал" другого.

Идеальным с рассматриваемой точки зрения можно было бы признать возмещение вреда (ущерба, убытков) - мера, предусмотренная гражданским, хозяйственным, трудовым, природоохранительным и другими отраслями законодательства. Однако и эта мера применяется далеко не во всех случаях: нередко причинитель-гражданин фактически не в состоянии возместить причиненный вред в полном объеме (а иногда и предприятие, - например, Чернобыльская АЭС); не всегда предприятия предъявляют в арбитраж, суд иски об убытках к другим предприятиям, ссылаясь на трудность их доказывания (что, конечно, не соответствует действительности, поскольку, определяя прибыль, тем же методом можно рассчитать и размер убытков); ряд нормативных актов исключают право потерпевших на взыскание убытков (нормы об исключительной неустойке или ограничивают размер взысканий

убытков (например, с предприятий транспорта, связи, нормы, предусматривающие взыскание только положительного ущерба и др.). Представляется, что в новых условиях хозяйствования следует пересмотреть нормы, препятствующие взысканию убытков.

Что касается других мер ответственности всех отраслей законодательства, то они традиционны и вряд ли нужно "изобретать" новые, дополнительные (хотя это полностью и не исключено: например, возможно применение домашнего ареста, но и это уже когда-то было). Вместе с тем целесообразна оценка эффективности и гуманности действующего законодательства и практики со стороны специалистов всех отраслей. Сейчас можно сделать лишь некоторые замечания.

Представляется, что девальвирована такая мера ответственности как выговор: можно иметь десяток таких взысканий и продолжать развал работы, бесхозяйственность, злоупотребления, месть за критику и т.д. В подобных случаях вместо очередного выговора следовало бы значительно шире, чем сейчас, применять такую меру ответственности как отстранение от должности, что способствовало бы ускорению процесса перестройки, борьбе с бюрократизмом и другими застойными явлениями.

Можно было бы ограничить применение лишения свободы (как правило, только при наличии умысла) и резко сократить (или исключить) назначение смертной казни.

Справедливому назначению наказания служит индивидуализация ответственности. В уголовном праве это относительно определенные санкции ("от и до"); в гражданском — снижение размера возмещения вреда; в хозяйственном — снижение или уменьшение размера неустойки; в административном, трудовом и др. — возможность применения санкций различной степени тяжести и т.д. Индивидуализация ответственности с учетом конкретных обстоятельств и личности правонарушителя имеет свои пределы: за одно и то же правонарушение нельзя назначать резко различные по тяжести меры ответственности, ибо таким путем будет нарушен принцип равенства всех граждан перед законом.

Определение сущности ответственности через наказание, кару вовсе не означает "жестокости" такой концепции (только что были высказаны некоторые положения о смягчении мер ответственности).

Давно уже указывалось (Ч. Беккария и др.), что значение наказания обуславливается не его жестокостью, а неотвратимостью. Неотвратимость ответственности (как и ответственность

только за вину) – основополагающие категории института.

Неотвратимость означает, что ни одно правонарушение не должно миновать ответственности. Статистики всех правонарушений нет (она не ведется), но безусловно, что принцип неотвратимости нарушается и не только за счет латентности части преступлений. Общеизвестны колоссальные потери в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и в других сферах, и тем не менее виновные лица далеко не всегда привлекаются к ответственности. За срубленное (без разрешения) дерево, за хищение нескольких килограммов овощей виновные будут привлечены к ответственности, но нередко остается безнаказанной гибель миллионов кубометров леса, тонн зерна, овощей, гибель неустановленного оборудования, массовый выпуск брака, ненужной продукции и товаров, загрязнение рек, озер, морей, атмосферы и т. д. Причем многие из таких правонарушений известны коллективам предприятий, организаций, населению регионов, правоохранительным органам, и амнистия виновных способствует продолжению и повторению нарушений. Иногда ответственность юридическая заменяется партийной, что противоречит Уставу КПСС и Конституции СССР.

Считаю не соответствующим принципу неотвратимости ответственности освобождение от наказания в порядке массовых амнистий и помилования. Такие акции гуманны в отношении тяжелобольных, престарелых, а в остальных случаях целесообразнее ограничить применение лишения свободы и его сроки. Неотвратимость ответственности означает не только назначение наказания за каждое правонарушение, но и его исполнение в полном справедливом, гуманном объеме.

Принцип неотвратимости ответственности следовало бы закрепить не только в уголовном и хозяйственном законодательстве (обязательность применения наказания, взыскания неустоек), но и в других отраслях, при безусловном его соблюдении с тем, чтобы никто не мог надеяться на уклонение от ответственности (через взятку, круговую поруку, протекционизм, элитарность и т. д.) и чтобы ни у кого не создавалось мнения о ненаказуемости виновных. Неотвратимость ответственности, исключаящей жестокость, – справедливый принцип.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Я.Н. Шевченко

г. Киев

Развитие социалистических товарно-денежных отношений во многом должно определять содержание и направления развития гражданского законодательства, так как именно использованием товарно-денежной формы отношений вызвано само существование гражданского законодательства. Между тем в настоящее время положение таково, что оба общественных процесса — развитие товарно-денежных отношений, с одной стороны, и развитие гражданского законодательства, — с другой, существуют вне тесной взаимной связи, как бы сами по себе.

Гражданское законодательство (а в его основе лежат такие нормативные акты как Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и союзно-республиканские гражданские кодексы) регулирует общественные отношения, содержание которых в ряде случаев уже не отвечает действующим нормам гражданского права, а форма взаимоотношений лиц — участников этих отношений не укладывается в те правоотношения, которые обуславливают для них эти нормы.

Таким образом, гражданско-правовое регулирование и отношения, на которые оно призвано воздействовать (закреплять, развивать, стимулировать, способствовать возникновению), уже не соответствуют друг другу. Что из этого следует? Прежде всего, отмечается потеря эффективности и авторитета гражданско-правовых норм и, во-вторых, — отсутствие целенаправленного влияния на имущественные и связанные с ними неимущественные отношения, являющиеся предметом регулирования гражданского права, которое обеспечивало бы единство процесса развития этих отношений, а также их сбалансированность. В-третьих, следует отметить случайность и разрозненность нормативных актов, пытающихся регулировать далеко не простой процесс развития товарно-денежных отношений

при социализме в условиях по существу полностью сохранившегося каркаса хозяйственного механизма, который сложился в условиях преимущественного применения административно-командной системы управления народным хозяйством.

Правовое регулирование гражданской ответственности полностью отражает сложившееся положение в гражданском законодательстве. Одна из характерных черт этого регулирования — его противоречивость. Развитие товарно-денежных отношений предполагает развитие самостоятельности предприятий (объединений) и соответственно — их самостоятельную ответственность, в том числе и гражданско-правовую. Однако эта самостоятельность предприятий становится весьма проблематичной, если в вопросах снабжения, сбыта, оценки деятельности предприятий (объединений), использования прибыли и многим другим вопросам хозяйственной деятельности предприятия (объединения) прочно привязаны к своим вышестоящим центрам по отраслям. "Нужна совершенно другая система, — отмечал на XIX Всесоюзной конференции КПСС Л.И. Абалкин, — ... переход к экономическим методам регулирования экономических отношений" /3/.

В Основах, принятых в начале 60-х годов, уже были заложены те начала противоречий, которые в дальнейшем обозначились еще более четко и сущность которых состоит в том, что в практике общественных отношений так и не был решен вопрос о соотношении централизованного управления народным хозяйством и самостоятельной деятельности предприятий (объединений). Поэтому — то принятый и действующий в таких условиях нормативный акт и не мог быть иным.

В зависимости от состояния решения этих проблем решались и решаются свои, весьма сложные проблемы гражданской ответственности.

Если лицо самостоятельно, оно отвечает за выполнение обязательств и соответственно также несет гражданскую ответственность (что не одно и то же). Если же самостоятельность лица в выборе поведения максимально ограничена (плановым актом, инструктивным или иным ведомственным указанием и т.п.), то о какой свободе воли и свободе выбора поведения может идти речь? Тогда, разумеется, сама гражданская ответственность теряет изначально присущее ей содержание дополнительного обременения, ущемляющего права виновного нарушителя, и возлагаемого на него специальным государственным органом за упречное противоправное поведение. Осуждение лица-правонарушителя составляет сущность данного правового средства воздействия, ибо

ответственность — это не только правовая категория, но и правовой инструмент. Если правовой инструмент лишается сердцевины, эффективность его действия становится весьма сомнительной. Не исключено, что он может нанести вред, поскольку взыскание убытков или санкций без вины под флагом ответственности формирует совершенно определенную линию поведения лица — равнодушие к результатам своей деятельности и к выполнению договорных обязательств.

Насколько удачно институт гражданской ответственности передает содержание и сущность юридической ответственности в преломлении гражданско-правовых норм, предмета и метода регулирования гражданского права? Нельзя сказать, что правовое регулирование гражданской ответственности отличается четкостью, ясностью структурного выражения и концептуального содержания.

Волонтаристское игнорирование существования товарно-денежных отношений и их имманентности социалистическому строю, господствовавшее в период застоя, привело к тому, что по существу в гражданском праве возникло два вида гражданской ответственности, касающихся хозяйственной деятельности, — одна для граждан и другая — для социалистических организаций, хотя в основных нормативных актах гражданского законодательства это положение не нашло отражения. Однако это ничего не меняет: и постановления Совета Министров СССР, и постановления Советов Министров союзных республик, ведомственные нормативные акты отраслевых министерств установили те условия гражданско-правовой ответственности, которые отвечали требованиям существующего хозяйственного механизма, ориентированного на командно-административные методы. Да и сами отношения между хозяйственными организациями вполне соответствовали этому стилю и содержанию хозяйственной деятельности. В этих условиях договор — правовая форма и правовое средство регулирования отношений между лицами — утрачивал свои гражданско-правовые черты, а гражданско-правовая ответственность, которая по идее должна была бы основываться на договоре, соответственно более основывалась на бесчисленных инструктивных указаниях, содержащих зачастую мелочную регламентацию.

Нельзя сказать, что такое положение не нашло своего отражения в литературе. Так, например, Т.Е. Абова отмечала, что Основы гражданского законодательства, установив возможность неограниченного изъятия из принципа ответственности в полном объеме, "фактически создали легальную базу для обхода этого

режима. В хозяйственных отношениях господствующим оказалась иной принцип ограниченной ответственности" /1, с. 15/. Ю.Г. Басин указывал на то, что существующая практика хозяйственной деятельности невозможна без утверждения принципа безвиновной ответственности: "Широкое распространение безвиновной ответственности нарушителя хозяйственного договора — реальность практики, вполне оправдываемая потребностями укрепления хозяйственно-договорной дисциплины" /2, с. 64/.

Эти и подобные им утверждения, которые встречаются в литературе, по существу оправдывают то положение в народном хозяйстве, которое уже сложилось в предыдущий период.

Нечеткость принципиальных положений гражданского законодательства, его компромиссность, расплывчатость породили вывод, что безвиновная ответственность в хозяйственных отношениях якобы необходима. Иначе говоря, законодательство и сложившаяся практика, основанная на преувеличенном и не подтвержденном экономической необходимостью значении централизации в отношениях социалистических организаций (когда распространены были такие действия как корректировка планов, издание органами управления актов, освобождающих нарушителей от ответственности, неоправданное или запоздалое переложение заданий с одного предприятия на другое, наряду с явным отставанием работы транспорта, произвольным нарушением со стороны планирующих органов или вышестоящих организаций сложившихся или складывающихся договорных связей и т.п.), не получили в науке гражданского права однозначной отрицательной оценки. Между тем, именно такая оценка соответствовала бы позитивному развитию экономических отношений в социалистическом обществе, повышению эффективности хозяйственной деятельности, и она должна была бы быть одним из общественных факторов, способствующих утверждению в социалистическом обществе товарно-денежных отношений и соответствующих им принципов построения взаимоотношений социалистических организаций — сторон по договорам.

Цепочка: жесткая централизация управления хозяйственной деятельностью — законодательство, допускающее широкую возможность принудительного воздействия на социалистическую организацию-контрагента по договору независимо от ее вины, — командно-административные методы регулирования хозяйственной деятельности предприятий (объединений), при которых настоящее решение вопросов поставки, подряда на капи-

тальное строительство, развития или, наоборот, свертывания производства отдельных видов продукции, подбора поставщиков (покупателей) и т.п. решались без учета воли предприятий (объединений), задействованных в системе хозяйственных связей, привела к созданию такой объективной реальности, которая уже и не мыслилась иной в общественном сознании, несмотря на то, что необходимость товарно-денежных отношений прощивалась повсеместно (хотя при сложившихся обстоятельствах чаще всего в противоположном выражении).

"Сформулировавшаяся в 30-е годы упрощенная модель социализма не признавала присущее социализму противоречие между обществом как единым собственником и обществом как совокупностью ассоциированных собственников (индивидов, коллективов), каждый из которых имеет свою долю в производимом продукте", - указывает Л.С. Явич /9, с. 17/. Это непризнание привело к тому, что самые кардинальные вопросы хозяйственной деятельности предприятий (объединений) решались "за" них.

При таком положении, во-первых, концепция ответственности за вину в гражданском праве получила весьма своеобразное выражение - ответственности вообще-то за вину, но с возможным исключением, и, во-вторых, изменилось и само содержание вины социалистической организации - она стала пониматься и восприниматься не как психологическая категория (мог и должен был предвидеть отрицательное последствие), а как некая объективная поведенческая категория, отражающая предшествующее нарушению поведение (соответственно оцениваемое) социалистической организации. При этом понятно, что причинная цепочка, связывающая нарушение контрагентом своих обязанностей по договору с результатом, могла быть растянута до бесконечности и упречным по тем или иным основаниям могло быть признано поведение, предшествующее нарушению (еще вопрос, как оно было с ним связано, - прямо или косвенно). Б.И. Пугинский и Ю.Г. Басин считают, что в арбитражной практике доказывание вины социалистической организации сводится к установлению того, исчерпал ли исполнитель все возможности, которыми он располагал, для того, чтобы предотвратить нарушение договора /5, с. 150-153; 2, с. 63/. Таким образом, если последовательно проанализировать образовавшееся в науке гражданского права, законодательстве, правоприменительной практике и практике хозяйственной деятельности положение, то следует прийти к выводу, что институт вины в

современном гражданском праве в надлежащей мере не сложился: ему помешала вся существующая система управления народным хозяйством, он изначально не мог вписаться в утверждавшийся многие десятилетия хозяйственный механизм.

Значит ли это, что институт вины непригоден для правоотношений гражданской ответственности в народном хозяйстве, что он не может быть сформулирован четко и последовательно в Основах гражданского законодательства и гражданских кодексах союзных республик, или, наоборот, это означает, что ныне существующий и пока еще ощутимо не поменявшийся хозяйственный механизм непригоден для экономических отношений социализма? Представляется, что отрицательная оценка существующего в настоящее время положения в экономике была уже произведена на XXVII съезде КПСС и на XIX Всесоюзной конференции КПСС. "Структура экономики, — говорится в резолюциях XIX Всесоюзной конференции КПСС, — сохраняет в основном затратный характер ... вводимый новый экономический механизм пробуксовывает подчас из-за того, что в центральных ведомствах не выполняются должным образом соответствующие постановления партии и правительства. Серьезным препятствием интенсивному развитию экономики остаются уравнильность и иждивенчество" /6, с. 61-62/.

В этих условиях представляется предпочтительной теоретическая концепция института вины в гражданском праве (и в гражданском законодательстве) как базового института (а не рядового института, существующего среди других), потому что именно он направлен на индивидуализацию ответственности. Именно такой характер концепции логически вытекает из анализа взаимоотношений лиц в гражданском обороте, основывающихся на взаимном интересе, на приоритете тех общественных отношений, которые должны возникнуть в процессе гражданского оборота, связанного с оптовой торговлей.

Временным положением о порядке формирования государственных заказов на 1989 и 1990 годы, утвержденным 25 июля 1988 г., предусматривается постепенное — поэтапное расширение масштабов оптовой торговли средствами производства, перестройка ценообразования и финансово-кредитного механизма, совершенствование организационных структур отраслевого и территориального руководства, демократизация управления, развитие договорных отношений между предприятиями (объединениями). Это направление развития хозяйственного механизма свидетельствует о появлении нового его качества, так как состав

хозяйственного механизма образуют уже иные компоненты. В совокупности и сцеплении они составят уже иную целостную систему управления народным хозяйством. Чтобы успешно содействовать проведению радикальной экономической реформы, правовое регулирование гражданской ответственности должно соответствовать этому новому качеству хозяйственного механизма. Проблема места и значения вины как условия гражданской ответственности – это проблема не только правовой, но одновременно и социальной, политической и экономической базовой концепции.

Принцип ответственности за вину – кардинальный принцип любого вида юридической ответственности. Утверждать целесообразность так называемой безвиновной ответственности, подводить под содержание вины несвойственную не только вине как правовой категории, но и правонарушению как правовой категории концепцию "предшествующей вины" объективно означало бы мириться с тем правовым и хозяйственным механизмом в управлении народным хозяйством, который по существу доказал свою несостоятельность,

Нами уже обращалось внимание на то, что в зависимости от способа охраны существуют два правоохранительных института – средства защиты и ответственности. "В состав правонарушения, который служит правовым основанием для наступления ответственности, обязательно должна быть включена как элемент состава вина, т.е. психическое отношение лица к своему противоправному действию или бездействию в форме умысла или неосторожности. Учитывать же субъективные основания для применения государственно-принудительных мер, относимых к категории средств защиты, между тем совершенно не требуется" /8, с. 59/. Именно с помощью двух указанных институтов и возможно осуществление различных аспектов правовой охраны прав лиц – социалистических организаций и граждан. Но тогда необходимо совершенствование правового регулирования обоих этих институтов, а не "подведение" под институт ответственности в гражданском праве любых правоохранительных средств.

В связи с этим, представляется, в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, а также в гражданских кодексах должно быть проведено существенное совершенствование нормативного правоохранительного регулирования. Прежде всего следует отметить, что существующая система

расположения норм в Основах и ГК уже стала привычной, поэтому необходимость в ее изменении хотя и признается в определенной мере в литературе /7, с. 47-55; 4, с.56-62/, однако не настолько, чтобы изменить традиционную систему построения таких нормативных актов как Основы и кодексы. Между тем совершенствование законодательной регламентации проблем гражданской ответственности требует прежде всего выделения в общей части указанных нормативных актов самостоятельного раздела, где были бы сосредоточены общие принципиальные положения, касающиеся правового института гражданской ответственности, и отделения этого института от обязательственного права, ибо каждый из названных институтов имеет свое самостоятельное социальное назначение и свои особенности правового регулирования и играет свою самостоятельную роль в обществе.

В ст. 36 Основ - "Ответственность за нарушение обязательств" - указывается, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должником он обязан возместить кредитору причиненные этим убытки. Весь вопрос в том, как возмещать эти убытки - в порядке применения средств защиты или в порядке применения мер ответственности. При этих обстоятельствах становится очевидным, что название статьи неудачно, так как заглавие говорит об ответственности, а текст статьи подразумевает возмещение убытков и с помощью других правовых средств. То же самое следует сказать о ст. 90 Основ - "Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности". В этом случае также подразумевается возмещение наряду с виновным невиновного причинения вреда. Отмеченные несоответствия вовсе не случайны: они выражают все ту же концепцию наличия в гражданском праве безвиновной ответственности. В связи с этим необходимо, полагаем, усовершенствовать законодательную регламентацию вины как условия ответственности, содержащуюся в ст. 37 Основ.

Само определение применения вины (умысла и неосторожности) в качестве условия ответственности нуждается в изменении. Необходим иной принципиальный подход к этому условию как к базовому, поэтому из текста ст. 37 Основ следует исключить имеющиеся там оговорки относительно возможности ограничения применения вины как условия ответственности случаями, предусмотренными законом или договором.

Само понятие вины с его психологическими критериями

не нуждается в уточнении в гражданском законодательстве, но этого нельзя сказать о понятии средств защиты. Этого понятия в гражданском законодательстве вообще нет. Введение нового понятия "средства защиты" в Основы гражданского законодательства является принципиальным моментом формирования целого направления в гражданском праве, которое должно не только отразить возможные и фактически уже существующие случаи безвиновного возмещения вреда, но и способствовать упорядочению правил такого вида возмещения вреда по совершенно определенным правовым основаниям. Регламентация этих оснований должна быть четко разработана и указана в отдельных нормах Основ с тем, чтобы применение средств защиты было основано на законе и при применении необоснованно не нарушались законные права и интересы граждан и организаций.

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

1. Абова Т.Е. Совершенствование правового регулирования экономики // Гражданское право и экономика. - М., 1985.
2. Басин Ю.Г. Гражданское право и укрепление хозяйственно-договорной дисциплины // Гражданское право и экономика. - М., 1985.
3. XIX Всесоюзная конференция КПСС. Выступление тов. Абалкина Л.И. // Правда. - 30 июля 1988 г.
4. Коняев Н.И. Основы гражданского законодательства и пути их дальнейшего совершенствования // Советское государство и право. - 1988. - № 10.
5. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. - М., 1984.
6. Резолюции XIX Всесоюзной конференции // Коммунист. - 1988. - № 10.
7. Собчак А.А., Егоров Н.Д. Основы гражданского законодательства: проблемы совершенствования // Советское государство и право. - 1988. - № 10.
8. Шевченко Я.Н. Средства защиты в гражданском праве // Советское государство и право. - 1977. - № 7.
9. Явич Л.С. Экономика, право и управление (Общетеоретические вопросы) // Советское государство и право. - 1988. - № 5.

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Ю.Э. Райдла

г. Тарту

В политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXII съезду отмечается, что наше законодательство должно еще активнее помогать проведению в жизнь принципов социальной справедливости. "Неизменной задачей остается использование всей силы советских законов в борьбе с преступностью и другими правонарушениями, чтобы люди в любом населенном пункте чувствовали..., что ни один правонарушитель не уйдет от заслуженного (разрядка моя - Ю.Р.) наказания /I, с. 6I/. Полагаем, что эффективным рычагом осуществления принципа социальной справедливости является применение юридической ответственности, в том числе и гражданско-правовой, по принципу: отвечает только тот, кто виновен в нарушении норм права. Однако такой подход в исследованиях гражданско-правовой ответственности не является самым распространенным. В настоящей статье предпринимается попытка обосновать концепцию исключительно виновной гражданско-правовой ответственности исходя из двух аспектов: общетеоретических целей и социальных потребностей в условиях перестройки. Нетрудно заметить, что оба названных аспекта тесно взаимосвязаны.

При исследовании проблематики гражданско-правовой ответственности у нас, к сожалению, отсутствует возможность пользоваться общепризнанным определением понятия юридической ответственности. Существует обилие определений данного понятия. Некоторые авторы под правовой ответственностью понимают "собственное состояние личности индивида" /10, с. 96/, другие определяют ее как "обязанность давать отчет о своих действиях" /18, с. II/. Трактовка ответственности как обязанности давать отчет имеет внутреннюю точку соприкосновения с концепцией позитивной правовой ответственности, в которой обязанность отчета занимает центральное место. В последние годы концепция позитивной правовой ответственности получила довольно широкое распространение. Однако мы присоединяемся к тем авторам, которые считают ее непригодной для раскрытия сущности правовой

ответственности /15, с. 43; 6, с. 5-6; 9, с. 18/. Спорным является также определение понятия юридической ответственности как реализации санкции правовой нормы. Высказанное относится и к тем авторам, которые считают, что ответственностью является реализация только таких санкций, что предусматривают отрицательные последствия для правонарушителей. Спорность такого понимания сущности ответственности определяется, по нашему мнению, уже тем обстоятельством, что в литературе нет единого понимания сущности самой санкции. Следует также иметь в виду, что в санкциях правовых норм предусматривается не только применение мер ответственности, но, возможно, и других мер правового воздействия принудительного характера (например, мер защиты). Следовательно, понятие реализации санкции правовой нормы по объему охватываемых явлений шире понятия правовой ответственности.

Юридическая ответственность, по нашему мнению, является особым рода обязанностью. Содержание обязанности, являющейся ответственностью, заключается в необходимости для ответственного лица нести неблагоприятные последствия в виде различных лишений. При гражданско-правовой ответственности эти лишения носят имущественный характер, определяя тем самым характер гражданско-правовой ответственности как имущественной. Провозглашая ответственность обязанностью, мы понимаем последнюю как родовое понятие ответственности. Понятие обязанности шире понятия ответственности: не всякая правовая обязанность является ответственностью. Юридическая ответственность представляет собой лишь один из многочисленных видов правовых обязанностей, обладающий определенными отличительными характеристиками. Краткий анализ таких характеристик, по-видимому, поможет обосновать нашу трактовку сущности правовой ответственности, а также некоторые аспекты связи концепции юридической ответственности с перестройкой.

В юридической ответственности всегда выражается реакция государства на поведение лица, совершившего правонарушение. Характер этой реакции определяется в правовой норме. Государственная реакция на правонарушение, органически содержащаяся в юридической ответственности, в отношении к правонарушителю носит негативный характер. Данная негативная реакция воплощается в определенных мерах принудительного правового воздействия на субъекта, совершившего правонарушение. Эти меры называются мерами ответственности. Реакция государства относительно правонарушителя всегда сопряжена с государственным

принуждением. Принуждение, как и нормативность, свойственно правовой ответственности. Принудительность возможного исполнения свойственна всем правовым нормам, праву как таковому в целом. Но это вовсе не означает, что объективное право, с одной стороны, и правовая ответственность, — с другой, были бы даже условно отождествляемы. Невозможно отождествлять правовое регулирование в целом и ответственность как один из его институтов /12, с. 135/.

В законодательном плане ответственность выступает как вид и мера государственного принуждения /17, с. 155/. Связь ответственности с принуждением можно назвать односторонней. Она заключается в том, что без принуждения не существует юридической ответственности, но в то же время принуждение свойственно и другим правовым явлениям. Необходимо отметить, что принуждение не является целью правовой ответственности. Будучи содержательной характеристикой ответственности, принуждение одновременно служит средством и методом доведения ее до правонарушителя. При рассмотрении вопроса о реализации государственного принуждения в гражданско-правовой ответственности следует обратить внимание на один существенный момент. В гражданско-правовой ответственности государственное принуждение может реализовываться и без вмешательства государственных органов, то есть правовая ответственность реализуется в таком случае в добровольном порядке. Но это не означает, что при реализации ответственности в добровольном порядке принуждение не "содействует ходу событий". Государственное принуждение в этом случае выступает в потенциальной норме. Обязанный субъект (ответственное лицо) осознает, что в силу прямой возможности применения по отношению к нему государственного принуждения уйти от ответственности невозможно.

Правовая, в том числе и гражданско-правовая ответственность базируется на оценке поведения правонарушителя, а именно, на отрицательной оценке. Ответственность наступает только тогда, когда поведение лица вызывает нарекания. В случае безупречного поведения лица говорить о правовой, в том числе и гражданско-правовой ответственности представляется невозможным. Обусловливается это тем, что существенной характеристикой юридической ответственности является осуждение поведения и личности правонарушителя.

Осуждение как существенный признак уголовной и административной ответственности в литературе не оспаривается. В отношении гражданско-правовой ответственности многие авторы

считает, что она не обязательно сопряжена с необходимостью осуждения. На наш взгляд, такая точка зрения неприемлема уже в чисто методологическом аспекте: понятие юридической ответственности (в частности, ее сущностные признаки) с равным успехом должно распространяться на все ее виды. Кроме того, трактовка гражданско-правовой ответственности "вне связи с осуждением" неприемлема и с точки зрения эффективного и качественного обеспечения перестройки, что будет рассмотрено ниже.

В осуждении правонарушителя заключается одна из наиболее характерных черт реакции государства и общества на его поведение в случае виновного нарушения норм права. То обстоятельство, что в осуждении в значительной степени проявляется сущность юридической ответственности, дает повод некоторым авторам определять ее как "осуждающую оценку государства относительно неисполнения или ненадлежащего исполнения правонарушителем своих правовых обязанностей, выражающуюся в содержащихся в правовых санкциях наказательных мерах (штраф, лишение свободы и т.д.)" /7, с. 34/. Само осуждение и является оценкой, точнее, результатом оценивания. Если дело касается осуждения, то можно сказать, что поведению субъекта тем самым уже дана отрицательная оценка. Следовательно, в приведенном определении понятия юридической ответственности сама ответственность отождествляется с государственным осуждением. Представляется, что с методологической точки зрения при изучении вопросов ответственности акцентирование внимания на осуждении вполне обосновано. Спорным, на наш взгляд, является то, что феномен правовой ответственности в целом сводится к ее признаку — осуждению.

Будучи сущностным признаком юридической, в том числе и гражданско-правовой ответственности, осуждение одновременно является как ее социальным содержанием, так и целью. В последнем качестве осуждение преследует цель оказать на правонарушителя воспитательное воздействие, побудить его посредством возникновения у него негативных ретроспективных эмоций к соблюдению юридических норм в будущем. В ответственности всегда выражается порицание лица, совершившего правонарушение. Отрицательные последствия для лица, привлекаемого, например, к гражданско-правовой ответственности, заключаются не только в обязанности возместить имущественный вред, но и в осуждении этого лица /11, с. 183/. Следовательно, осуждение является как целью, так и результатом юридической ответст-

венности. В осуждении выражается базирующаяся на оценке поведения и личности правонарушителя негативная реакция государства в отношении виновного правонарушителя.

Юридическая ответственность всегда обуславливает для правонарушителя помимо осуждения и другие неблагоприятные, отрицательные последствия. В гражданско-правовой ответственности эти отрицательные последствия заключаются в имущественных лишениях. В материализованном виде гражданско-правовая ответственность заключается в сужении имущественной сферы правонарушителя. В имущественных лишениях правонарушителя в пользу потерпевшего выражается компенсационная функция гражданско-правовой ответственности, которую многие авторы считают самой главной функцией этого вида ответственности. Функции гражданско-правовой ответственности, несомненно, характеризуют ее сущность. Не сомневаясь в правильности подчеркивания важности компенсационной функции при раскрытии сущности гражданско-правовой ответственности, мы обращаем внимание на недопустимость переоценки ее значения. Гражданско-правовой ответственности присущи и другие функции - воспитательная, превентивная, стимулирующая, карательная. Они тесно взаимосвязаны и в своей совокупности характеризуют гражданско-правовую ответственность. В руководящих документах КПСС последнего времени неоднократно подчеркивалось решающее значение для дела перестройки соблюдения законности и укрепления правопорядка. В отношении укрепления правопорядка не меньшую роль, чем компенсационная функция, играют воспитательная и превентивная функции. Осуждение, будучи сущностным признаком ответственности, нацелено именно на воспитание правонарушителей и, тем самым, на предотвращение возможных правонарушений в будущем. Стало быть, для характеристики гражданско-правовой ответственности вполне обосновано выдвигание на первый план ее воспитательной и превентивной функций.

Итак, гражданско-правовая ответственность - это обязанность осуждаемого со стороны государства правонарушителя нести предусмотренные нормами права отрицательные (неблагоприятные) последствия за совершенное правонарушение, выражающиеся в лишении правонарушителя имущественных прав (благ).

Правовая ответственность трактуется нами как обязанность. Гражданские права и обязанности существуют только в рамках правоотношений. Мы не разделяем мнения, согласно которому субъективные права и обязанности могут существовать

и вне правоотношения. Будучи правовой обязанностью, юридическая ответственность тоже может существовать только в рамках правоотношения. Вне правоотношения юридической ответственности не существует. Для того, чтобы подчеркнуть данное обстоятельство, в научной литературе предложено именовать те правоотношения, в содержание которых входит гражданско-правовая ответственность, "правоотношениями по гражданско-правовой ответственности /8, с. 47/. Точка зрения, по которой гражданско-правовая ответственность существует только в правоотношении или что меры такой ответственности реализуются только в рамках правоотношений (по существу приведенные высказывания совпадают), в научной литературе разделяют большинство авторов. Однако далеко не большинство из них понимают под ответственностью обязанность. Относительно обоснованности взглядов, по которым ответственность существует только в рамках правоотношения, но в то же время не трактуется как особая правовая обязанность, возникают некоторые сомнения. В теории государства и права, а также в гражданско-правовой науке общепризнана точка зрения, согласно которой юридическое содержание правоотношения составляют субъективные права и правовые обязанности. Кроме указанных компонентов в юридическое содержание правоотношения ничего не включается. Да и невозможно включить, поскольку встречающая юридическая взаимосвязь участников правоотношения опосредуется только через их субъективные права и обязанности, корреспондирующие друг другу. Следовательно, у авторов критикуемого взгляда возникают некоторые противоречия с общей концепцией правоотношения: в содержании правоотношения наряду с субъективными правами и обязанностями "незаметно" появляется третий компонент - ответственность, отличающаяся по сущности от прав и обязанностей. Полагаем, что такое "скрытое" расширение понятия юридического содержания правоотношения с чисто субъективной целью выработать концепцию ответственности, неприемлемо. Относительно рассматриваемого вопроса, на наш взгляд, есть только два решения: либо обосновать концепцию ответственности вне связи с содержанием правоотношения, либо, признавая, что ответственность существует в рамках правоотношения, разработать концепцию ответственности как особой правовой обязанности. Согласно последней точке зрения, обязанность является субстанцией ответственности. Все вышеизложенные признаки ответственности существуют постольку, поскольку существует их "носитель" - особая юридическая обязанность. Именно благодаря

тому, что определенная правовая обязанность обладает указанными признаками, она и выступает в качестве ответственности.

Гражданско-правовая ответственность наступает в результате правонарушения. Правонарушение является основанием гражданско-правовой ответственности. Мы считаем, что ответственность наступает только при наличии полного состава правонарушения. При так называемых неполных, или усеченных составах правонарушений гражданско-правовая ответственность не возникает. Следовательно, мы считаем вину правонарушителя обязательным элементом правонарушения. Согласно нашей точке зрения, сущностной характеристикой ответственности является осуждение. Осуждению подлежат поведение виновного правонарушителя и его личность. Там, где нет вины, не может быть государственного осуждения. Нет осуждения, нет и ответственности. Стало быть, вне существования виновного противоправного поведения не существует и юридической ответственности.

Наша трактовка взаимосвязей между виной, осуждением и ответственностью сводится к концепции исключительно виновной ответственности, которая исключает существование так называемой безвиновной ответственности. Концепция исключительно виновной ответственности не нашла еще достаточной поддержки ученых-цивилистов. Большинство авторов допускает возможность существования и безвиновной гражданско-правовой ответственности. Для обоснования указанного взгляда используются различные теоретические конструкции, которые, в основном, охватываются следующими концепциями: концепция "вины с исключением" /2, с. 36-40/, концепция "двух начал" /19, с. 170-171; 3, с. 75/, концепция "вины и закона" /13, с. 117/. В конечном счете на обоснование безвиновной гражданско-правовой ответственности направлены и теоретические конструкции субъективного риска /14, с. 210 и др.; 4, с. 73-75/.

Аргументы, приводимые в литературе в пользу безвиновной ответственности, можно вслед за Н.С. Малейным разделить, в основном, на три группы: 1) ее якобы стимулирующий характер; 2) необходимость обеспечения имущественных интересов потерпевшего и 3) терминология закона, называющего обязанность по возмещению случайно причиненного вреда "ответственностью" /12, с. 155/. Приходится согласиться с автором приведенной группировки, что ни одна из этих групп аргументов не в состоянии обосновать ответственность без вины.

Сторонники конструкции безвиновной гражданско-правовой

ответственности чаще всего ссылаются на возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. Не останавливаясь на аргументах, приведенных Н.С. Малеиным против безвиновной ответственности /12, с. 155-161/, мы лишь отметим следующее. В конечном итоге все аргументы в пользу безвиновной ответственности сводятся к тому, что потерпевшему необходимо предоставить повышенную защиту от вредоносных последствий причинения вреда и при этом предполагается, что повышенную защиту потерпевшему можно предоставить только посредством гражданско-правовой ответственности. Можно согласиться с тем, что, например, при возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности, необходимо придерживаться приоритета интересов потерпевшего, то есть представлять потерпевшему повышенную защиту. При предоставлении приоритета интересам потерпевшего перед интересами безвиновного причинителя вреда мы исходим из того, что до причинения вреда от использования источника повышенной опасности благо извлекает его владелец - причинитель вреда, а не потерпевший. Но соблюдение принципа приоритета интересов отнюдь не означает, что оно должно осуществляться за счет ущемления интересов невиновного причинителя вреда. Признание существования безвиновной ответственности, например, владельца источника повышенной опасности, прямо ущемляет его законные интересы и тем самым противоречит гуманной сущности социалистического права. Для конкретного лица вовсе не безразлично, как трактуется его обязанность возместить невиновно причиненный вред, - ответственностью или нет. Ведь для человека ответственность всегда сопровождается осознанием порицания и осуждения его со стороны государства (а впоследствии и всего общества). Во внутреннем мире человека ответственность связывается с чувством наказанности, чем, в основном, объясняется воспитательное действие юридической ответственности. Однако воспитательное воздействие ответственности проявляется только тогда, когда человек осознает, что его наказали правильно и справедливо, то есть за виновно совершенное правонарушение. Исходя из вышеизложенного представляется, что безвиновная ответственность не играет стимулирующей роли в части лиц, могущих с определенной вероятностью оказаться невиновными нарушителями норм права. Концепция безвиновной правовой ответственности способствует становлению стереотипа мышления - старайся как можешь, все равно будешь отвечать и подвергаться осуждению как при виновном, так и при невиновном

причинении вреда, а, следовательно, нет смысла принимать дополнительные, необычные меры предосторожности. В хозяйственных отношениях соблюдение конструкции безвиновной ответственности ведет к снижению предприимчивости, ибо хозяйственники занимаются "перестраховкой" самих себя вместо того, чтобы изыскивать новые возможности оживления экономики как на уровне единичного предприятия, так и на общегосударственном уровне. Вряд ли можно такой ход мышления считать приемлемым для нашего общества, в особенности в условиях развернувшейся перестройки.

Анализируя пример с владельцем источника повышенной опасности, мы полагаем, что в защите от вредоносных результатов деятельности по эксплуатации источников повышенной опасности нуждаются и сами владельцы этих источников, несмотря на то, что случаи безвиновного причинения вреда составляют совсем незначительную часть от всего количества фактов причинения вреда таким источником. Один из способов защиты интересов владельцев источников повышенной опасности, по нашему мнению, и заключается в том, что их обязанность возместить невиновно причиненный вред не должна характеризоваться в качестве юридической ответственности. Тем самым невиновные причинители вреда не подвергаются осуждению и в то же время соблюдается принцип приоритета интересов потерпевшего, поскольку ему предоставляется возмещение и в случае невиновного причинения ему вреда.

Сторонники концепции безвиновной ответственности, по нашему мнению, исходят из необоснованного положения, заключающегося в том, что единственной надежной гарантией при возмещении вреда является его возмещение в порядке гражданско-правовой ответственности. Поэтому они отождествляют почти всякое возмещение причиненного вреда с ответственностью независимо от того, как был причинен вред, — виновно или невиновно. Однако нельзя упускать из виду, что возмещение вреда может кроме ответственности осуществляться и в порядке защиты субъективных гражданских прав. Вместо мер ответственности могут применяться меры защиты. Меры защиты применяются тогда, когда; например, законодательством предусмотрено возмещение невиновно причиненного вреда. Необходимо подчеркнуть, что гарантированность получения возмещения вреда для потерпевшего одинакова при применении как мер ответственности, так и мер защиты. Меры ответственности и меры защиты вместе взятые составляют меры охраны. Следовательно, и в рамках кон-

цепции исключительно виновной ответственности не возникает опасности, что невиновно причиненный вред остается возмещенным, если законодательство устанавливает обязанность его возмещения.

Каждая научная концепция независимо от того, является ли она сугубо теоретической или носит в основном практический характер, имеет выход в практику. Высказываемые учеными положения неизбежно находят отклик в повседневной жизни. Люди делают из высказанных научных положений свои выводы, что влияет на формирование стереотипов поведения. Научная точка зрения имеет косвенное регулирующее значение относительно их поведения, оказывая на них влияние через их правосознание. Поэтому в настоящее время, в условиях перестройки, особенно необходима конструктивность теории, ее непосредственная связь с потребностями практики /17, с. 27/. Учитывая вышеизложенное, нам кажется, что концепция исключительно виновной гражданско-правовой ответственности в состоянии оказывать положительное влияние на выполнение задач перестройки. Такое влияние проявляется, в основном, в двух направлениях.

Укрепление социальной справедливости и гуманизма социалистического общества. Привлечение любого лица к правовой ответственности унижает его достоинство и снижает его престиж. Уже в самом термине "ответственность" содержится для ответственного лица порицание. Поэтому нам представляется невозможным согласиться с точкой зрения, по которой и невиновный правонарушитель осуждается только потому, что по отношению к нему применяется государственное принуждение /5, с. 17/. Поскольку ответственность всегда сопровождается осуждением, то в случае привлечения к ответственности невиновного нарушителя норм права мы поступаем несправедливо. В результате применения мер ответственности снижается и оценка правонарушителя всей социальной средой. Привлекая невиновных людей к гражданско-правовой ответственности, мы в то же время в какой-то степени теряем их доверие к нашей правовой системе, поскольку осуждаем их без причины. Особенно важны эти проблемы в условиях перестройки. Ведь одной из самых главных ее задач является укрепление социальной справедливости на основе демократизации общества. Представляется, что концепция исключительно виновной ответственности содействует выполнению указанной задачи успешнее различных концепций безвиновной ответственности.

Человек, не являющийся юристом, при обычном ходе собы-

тий воспринимает право как целостную систему. Он не обращает особого внимания (кстати, иногда даже не зная, следует ли обращать) на структуру объективного права, разделение правовых норм по отраслям права. Таким же образом он относится и к другим правовым явлениям, в частности, к юридической ответственности, где он тоже не может провести точное разграничение между отраслевыми видами ответственности. Следовательно, в концепции безвиновной гражданско-правовой ответственности содержится потенциальная возможность для человека, не имеющего правовых знаний, истолковывать ее как безвиновную правовую ответственность вообще. Нельзя упускать из виду, что почвой для такого возможного хода мыслей является наличие в истории права случаев, когда наказывались люди, невиновно совершившие правонарушения (например, некоторые случаи в период коллективизации). Данное рассуждение не является обобщающей констатацией действительности в мышлении, ибо в действительности подавляющее большинство людей таким образом не рассуждает. Однако теоретическую возможность такого рассуждения необходимо иметь в виду. Представляется, что концепция исключительно виновной ответственности не допускает возможности изложенного рассуждения.

Развитие социалистической предприимчивости. В значительной части перестройка экономики основывается на всемерном развитии социалистической предприимчивости. Одной из гарантий предприимчивости может с большим успехом служить исключительно виновная ответственность. Предприимчивость всегда связана с риском, который является ее составным компонентом. Если последовательно поддерживать конструкцию субъективного риска как второго наряду с виной основания гражданско-правовой ответственности, то выходит, что предприимчивость (при этом невиновная) в какой-то степени порицаема. Мы не возражаем против того, что в хозяйственных правоотношениях необходима дальнейшая разработка проблемы вины /4, с. 68-71/, но это еще не означает принятия риска как субъективного основания ответственности. Риск - явление объективное. Он лежит в одной плоскости с опасностью. Риск и опасность - однопорядковые категории, отражающие объективные, реальные обстоятельства. В правовом понимании риск является началом возмещения невиновно причиненного вреда, если так установлено законодательством. Разумеется, у предприимчивости есть границы. Если предприимчивость оказывается не согласованной с другими общественными интересами (но не виновной) и объек-

тивно проявляется в ущербе для других членов общества, то такой ущерб должен быть возмещен. Однако возмещение (при невиновном причинении вреда) происходит не в порядке ответственности, а посредством защиты субъективных прав. Таким образом, предприимчивый человек, невиновно (случайно) причинивший вред, не осуждается, чем сохраняется почва для дальнейшего развития социалистической предприимчивости. Повышается чувство уверенности и защищенности у всех членов общества.

Некоторые сторонники концепции безвиновной ответственности подчеркивают, что система безвиновной гражданско-правовой ответственности оправдана лишь на определенном этапе развития общества и в процессе дальнейшего развития она должна уступить свое место другим формам возмещения невиновно причиненного вреда /16, с. 57/. Представляется, что с перестройкой потребность в переходе на исключительно виновную ответственность назревает значительно быстрее, чем при обыденном развитии общества.

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

1. Материалы XXV съезда КПСС. - М.: Политиздат, 1986.
2. Антимонов В.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. - М.: Госприздат, 1950.
3. Басин Ю.Г. Гражданско-правовая ответственность в хозяйственных правоотношениях // Известия АН Каз. ССР. Сер. общественных наук. - 1984. - № 4.
4. Басин Ю.Г. Субъективный фактор в основании гражданско-правовой ответственности за нарушение хозяйственной дисциплины // Актуальные проблемы гражданского права: Межвуз. сб. науч. тр. - Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1986.
5. Велякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда / Теория и практика. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986.
6. Братусь С.Н. Материально-правовой аспект гражданской юридической ответственности // Учен. зап. Тартуский гос. ун-т. - Тарту, 1987. - Вып. 765.
7. Варул П. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. - Таллин: Ээсти Раамат, 1986.
8. Варул П.А. Правоотношение по гражданско-правовой ответственности // Учен. зап. Тартуский гос. ун-т. - Тарту, 1984. - Вып. 679.
9. Варул П.А., Грязин И.Н. Некоторые методологические положения исследования юридической ответственности в условиях ускорения социально-эко-

номического развития // Учен. зап. / Тартуский гос. ун-т. - Тарту, 1987. - Вып. 765.

10. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. - М.: Юрид. лит., 1972.
11. Гражданско-правовое положение личности в СССР / Отв. ред. Малеин Н.С. - М.: Наука, 1975.
12. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. - М.: Юрид. лит., 1985.
13. Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. - Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1955.
14. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. - Дюшанбе: Ирфон, 1972.
15. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. - М.: Юрид. лит., 1971.
16. Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. - 1968. - № 1.
17. Собчак А.А. Правовое регулирование хозяйственной деятельности, - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981.
18. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973.
19. Яичков К.К. Система обязательства из причинения вреда в советском гражданском праве // Вопросы гражданского права: Сб. статей / Под ред. Новицкого И.Б. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1957.

ПЕРЕСТРОЙКА И ПРОБЛЕМЫ УСИЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ю.Х. Калмыков
г. Саратов

XXV съезд КПСС уделил значительное внимание проблемам укрепления экономической основы нашего общества - социалистической собственности /1, с. 39-41/. Среди комплекса мер, направленных на обеспечение надлежащего функционирования указанных отношений, важную роль призваны сыграть меры кратной ответственности, получающие в последнее время все большее распространение. Ясно, однако, что эта тенденция не может быть безграничной. В качестве основных критериев установления кратной ответственности должны считаться использование ее: а) в тех сферах отношений, которые связаны с реализацией дефицитной продукции; б) при причинении вреда наиболее важным материальным ценностям и народнохозяйственным объектам.

В некоторых сферах отношений кратная ответственность применяется еще недостаточно. В ограниченных пределах она используется, например, в ресурсосбережении, хотя все директивные документы нацеливают предприятия и другие хозяйственные органы на всемерную экономию материальных и денежных ресурсов. Известно, что снижение материальных затрат производства только на один процент дает экономию по стране в размере более восьми миллиардов рублей /6, с. 5/. Между тем, практика свидетельствует о том, что предприятия в погоне за валом по-прежнему мало внимания уделяют проблемам рационального расходования материальных ценностей, охране социалистического имущества. Не в полной мере стимулирует подобную деятельность и хозяйственное законодательство. Возможность взыскания в доход союзного бюджета двукратной стоимости перерасходованных ресурсов, предусмотренная постановлением Совета Министров СССР от 4 мая 1984 года "Об усилении ответственности за нерациональное использование материальных ресурсов" /2/, реализуется лишь в тех редких случаях, когда предприятия "попадают" в результате проверок, осуществляемых контролирующими органами.

Все это свидетельствует о достаточной обоснованности

предложения об установлении универсальной и автоматической обязанности предприятия вносить в бюджет кратную стоимость перерасходованных ресурсов, которую экономисты называют коммерческой ценой. Указанная система, несмотря на применение ее в настоящее время в ограниченных пределах, уже подтвердила свою эффективность. Так, в соответствии с Правилами пользования электрической энергией, утвержденными 6 декабря 1981 года, при перерасходе получателем суточного плана потребления электроэнергии с него взимается пятикратная стоимость электроэнергии. При определенных условиях такая же ответственность возлагается и на потребителя газа.

Интересно отметить, что перечисленные меры устанавливаются соответствующими ведомственными актами; очевидно поэтому речь в них идет только о санкциях, налагаемых на потребителя, и ничего не говорится об ответственности энергогазоснабжающей организации. Мы полагаем, что процесс использования системы кратной ответственности в области народного хозяйства: а) должен охватить не только энергетические, но и все другие наиболее важные ресурсы страны; б) их перечень должен быть установлен не на ведомственном, а на более высоком уровне, может быть, на уровне Совета Министров СССР; в) при нерациональном расходовании материальных ресурсов кратная стоимость должна взыскиваться не только с потребителя, но и с изготовителя (поставщика) продукции.

Следует еще раз подчеркнуть, что кратная ответственность должна носить выборочный характер. Основной критерий ее установления — это особая значимость тех или иных материальных ресурсов для народного хозяйства, для страны в целом. Нельзя, как думают отдельные авторы, закреплять ее в качестве общего правила, например, при кражах имущества /II, с. 4-5/, иных "обычных" правонарушениях. Она возможна лишь при хищении наиболее дефицитных и значимых материальных ценностей.

Если бы мы пошли по иному пути и установили кратную ответственность в качестве универсального правила, был бы нарушен принцип социальной справедливости. Закрепление повышенной ответственности во всех имущественных отношениях, привело бы к подрыву компенсационной функции гражданского права, к искажению главного его назначения — восстановлению положения потерпевшей стороны в первоначальное состояние.

Подчеркнем еще раз, что кратная ответственность должна устанавливаться только в тех случаях, когда речь идет либо об охране наиболее важных материальных ресурсов, либо при

посягательствах на присвоение дефицитных вещей. Руководствуясь изложенными выше соображениями, мы полагаем, что в целях усиления охраны государственной собственности кратная ответственность должна получить более широкое применение в таких важнейших отраслях народного хозяйства, как агропромышленный комплекс и транспорт, а также в области охраны окружающей среды. Для первых двух сфер это необходимо по следующим причинам: а) кратная ответственность здесь практически не используется; б) в названных отношениях более распространенными, чем где-либо, являются факты хищений и разбазаривания народного добра. В области охраны окружающей среды кратная ответственность применяется давно. Дело, однако, в том, что пагубное влияние человека на природу столь стремительно растет, что в целях усиления охраны окружающей среды возникает необходимость использовать ее в более широких масштабах.

В системе агропромышленного комплекса факты хищений, растраты, разбазаривания социалистического имущества получили особенно широкое распространение. Считается, что потери сельскохозяйственной продукции, в частности, зерна, здесь столь велики, что они могут быть приравнены к количеству той же продукции, ввозимой из-за рубежа. Иначе говоря, обеспечение полной сохранности зерна могло бы способствовать фактическому прекращению его импорта. Положение в рассматриваемой сфере отношений в последние годы оказалось настолько неблагоприятным, что Пленум Верховного Суда СССР вынужден был принять специальное постановление от 15 ноября 1984 года "О дальнейшем повышении роли судов в борьбе за сохранность социалистической собственности, укрепление государственной, договорной и трудовой дисциплины на предприятиях и в организациях агропромышленного комплекса" /4/.

Какие же нарушения ведут к наибольшим потерям в сельском хозяйстве? Их здесь немало, однако главными в этом смысле являются хищения зерна, скота и других животных, разукрупнение машин и сельскохозяйственной техники, присвоение дефицитных запчастей. Все это происходит на широком фоне бесхозяйственности и неорганизованности, порождающих, в свою очередь, условия и для разбазаривания народного добра и просто нерадивого к нему отношения.

Думается, что в силу сложившихся обстоятельств и чисто психологических факторов, применительно к агропромышленному комплексу в последние годы перестали говорить о необходимости рационального использования ресурсов, об ответственности

за нарушения установленных нормативов их расходования. Это произошло и потому, что действующие нормативные акты - постановление Совета Министров СССР от 4 мая 1984 года "Об усилении ответственности за нерациональное использование материальных ресурсов" /2/ и Инструкция от 30 октября 1984 года "О порядке применения мер ответственности за нерациональное использование материальных ресурсов" /5/ - почему-то не были распространены на предприятия агропромышленного комплекса. В названной Инструкции, например, говорится, что она "распространяется на государственные, кооперативные и другие общественные объединения, предприятия и организации, независимо от их ведомственной подчиненности, за исключением колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных объединений, предприятий и организаций" /5, с. 3/.

Непонятно, какими соображениями руководствовался законодатель, когда из сферы действия перечисленных актов исключал совхозы и другие государственные предприятия сельскохозяйственного профиля. Ведь режим имущества у совхозов такой же, как и у промышленных предприятий, на них сейчас распространяется Закон о государственном предприятии (объединении). Противозатратный механизм должен обеспечивать охрану общенародной собственности во всех сферах народного хозяйства, он не может иметь какие-то "свободные зоны". Система мер и отношений, объективно исключающая нерациональное ведение хозяйства, должна распространяться на все без исключения области экономики. В связи со всем вышеизложенным ограничения, содержащиеся в названных нормативных актах относительно государственных предприятий агропромышленного комплекса, должны быть сняты.

Среди трех важнейших объектов (скот и другие животные, зерно, запчасти, получаемые в результате разукрупнения машин), подлежащих повышенной охране, кратная ответственность установлена только за хищения лошадей и скота /9, с.298-299/.

Эта мера безусловно сыграла свою роль в борьбе за обеспечение сохранности социалистического имущества; она является эффективной и применительно к нашему времени, хотя в литературе отмечалось, что в вопросах регламентации рассматриваемых отношений необходимо соблюсти и единый подход, и определенную последовательность; "если совершенно хищение, например, поросенка, то ущерб возмещается в полуторном размере по закупочным ценам, а если украли индюка, гуся (весом даже

больше поросенка), то ущерб определяется в однократном размере по государственным розничным ценам (последнее сейчас ниже закупочных)" /10, с. 52/. В связи с тем, что в хозяйствах сейчас немало специализированных ферм и комплексов по выращиванию кроликов и птицы (кур, гусей, индюков и т.д.), справедливо ставится вопрос об установлении одинаковой (повышенной) ответственности за хищение как крупного рогатого скота, свиней, овец и коз, так и других животных. В первом случае ответственность является повышенной, так как определяется с применением коэффициента, а во втором - обычной, однократной. Подобная несогласованность должна быть устранена путем установления одинаковой, кратной ответственности за ущерб, причиненный общественному животноводству как таковому.

К числу серьезных нарушений в системе агропромышленного комплекса относится хищение зерна. Подобная оценка указанных действий обусловлена как особой значимостью самой продукции, так и тем, что какое-то ее количество пока приходится импортировать из-за рубежа.

Но значимость объекта охраны не предопределила эффективности самих мер охраны: в период страды зерно по-прежнему расхищается, оно используется правонарушителями для личного потребления, откорма своего скота, продажи посторонним лицам. Компенсация, определяемая по розничным ценам, фактически не покрывает затрат, производимых на выращивание урожая.

Словом, настала пора повысить роль правовых средств в обеспечении сохранности государственного и общественного имущества в системе агропромышленного комплекса. Если говорить о мерах гражданско-правового воздействия, то в случае хищения зерна - этого важнейшего и первостепенного продукта - уже нельзя ограничиваться обычной компенсацией причиненного ущерба. Если правонарушитель не возвращает похищенного зерна в натуре (как это предусмотрено постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 15 ноября 1984 года), он должен компенсировать ущерб в кратном объеме. Относительно пределов установления повышенной ответственности могут быть высказаны самые различные суждения. Мы полагаем, что при решении этого вопроса необходимо ориентироваться на уже существующие в агропромышленной сфере коэффициенты, в частности, на мясные продукты, и взыскивать с причинителя вреда трехкратную стоимость похищенного зерна.

Аналогичную ответственность целесообразно установить

при разукomплектовании сельскохозяйственных машин и обращении в свою собственность их деталей. Указанное правонарушение получило в последние годы столь широкое распространение, что бороться с ним обычными средствами стало невозможно.

Мы полагаем, что имущественная ответственность при незаконном присвоении деталей, полученных в результате разукomплектования сельскохозяйственных машин, должна выражаться во взыскании с причинителя вреда трехкратной стоимости этих деталей. В литературе высказывалось предложение о необходимости исчисления ее в трех- или пятикратном размере в тех случаях, когда разукomплектование происходит во время железнодорожной перевозки грузов /7, с. 127/. Но, во-первых, разукomплектование осуществляется на всем пути продвижения указанного имущества от изготовителя к потребителю. Конечно, если оно произошло по вине железной дороги во время процесса перевозки груза, ответственность нести в установленном порядке должна непосредственно дорога. Однако разукomплектование зачастую происходит в пунктах перевалки, местах хранения продукции, в хозяйствах, в которые поступала техника. Поэтому правило о кратной ответственности должно иметь универсальный характер и применяться на всех стадиях продвижения сельскохозяйственных машин к потребителю.

Во-вторых, указание о возможности взыскания в рассматриваемых случаях трех- или пятикратной стоимости ущерба несколько произвольно. При установлении размеров кратной ответственности те или иные цифровые величины не могут браться с потолка, они должны иметь определенное экономическое обоснование. Мы уже отмечали, что при решении этих вопросов мы ориентируемся на используемые в агропромышленном комплексе коэффициенты. С учетом сказанного, в случае присвоения деталей сельскохозяйственных машин, так же, как и при хищении зерна, ответственность должна выражаться в возможности взыскания с причинителя вреда трехкратной стоимости имущества.

Должна быть усилена борьба за обеспечение сохранности социалистического имущества при железнодорожных и иных перевозках грузов. Транспорт перевозит значительные материальные ценности. На железной дороге, например, в пути следования одновременно находятся грузы на одиннадцать миллиардов рублей. Убытки, возникающие в результате несохранности грузов в течение года, составляют примерно двадцать четыре миллиона рублей, в том числе в результате хищений — шесть миллионов триста двадцать две тысячи рублей. Причины столь крупных потерь

разные — это и недостатки материально-технической базы, и просчеты в организации самих перевозок, и пробелы в действующем законодательстве.

При железнодорожных перевозках не то что кратной — по существу нет даже обычной ответственности. Даже там, где нормы права предусматривают те или иные меры имущественного воздействия, они так интерпретируются дорогой, что от них практически ничего не остается.

На железной дороге вообще много нерешенных проблем. На протяжении десятилетий здесь не могут добиться реализации таких простейших предложений, как установка электронных весов, прогрессивных запорно-пломбировочных устройств, повсеместное ограждение контейнерных пунктов и грузовых дворов. Это меры организационного порядка. Примерно так же обстоит дело с использованием правовых средств охраны социалистического имущества. Устав железных дорог 1964 года содержит целую систему норм, либо ограничивающих имущественную ответственность перевозчика, либо исключаящих ее полностью. Он предусматривает и такие лазейки, которые предоставляют железной дороге возможность навязывать клиентуре крайне невыгодные для нее условия.

Не раз говорилось, например, о своекорыстном использовании дорогой правила, предоставляющего возможность осуществлять перевозку на особых условиях. Рассчитанная на исключительные случаи, эта норма все же получила чрезвычайно широкое применение только потому, что практически снимает с дороги ответственность за обеспечение сохранности груза в пути следования. Эту лазейку давно следовало закрыть полностью, исключив возможность осуществления перевозок на особых условиях.

Периодически подвергается критике и правило, устанавливающее презумпцию невиновности дороги для случаев, предусмотренных статьей 149 Устава железных дорог. Простая ссылка на обстоятельства, перечисленные в указанной норме права, освобождает перевозчика от ответственности за обеспечение сохранности находящихся в ее владении грузов. Необходимо согласиться с тем, что статья 149 Устава не соответствует новым условиям хозяйствования, ибо ставит дорогу в привилегированное положение: "настала пора заменить указанное правило новым с тем, чтобы оно воспроизводило общее положение, согласно которому ответственность лежит на должнике до тех пор, пока он не докажет свою невиновность. Надо установить

на транспорте единую презумпцию — презумпцию виновности перевозчика. При таком решении вопроса дорога заинтересованно будет относиться не только к доставке продукции в пункт назначения, но и к необходимости обеспечения ее полной сохранности" /8, с. 18-19/.

Не согласуется с требованиями перестройки и основное правило, определяющее ответственность перевозчика за утрату, недостачу или повреждение груза — она ограничивается действительной стоимостью утраченного груза или размерами суммы, на которую понизилась его стоимость. Выше уже отмечалось, что лишь подлинное самофинансирование в состоянии обеспечить становление и полноценное функционирование противозатратного механизма. Полный хозрасчет немислим без равной ответственности всех участников экономического оборота. Если промышленное предприятие возмещает своим контрагентам причиненные им убытки, то и его партнеры должны отвечать тем же. Словом, необходимо установить правило, предусматривающее ответственность железной дороги в полном объеме причиненных убытков.

В Уставе железных дорог есть и другие нормы, слабо обеспечивающие сохранность социалистического имущества. После всего изложенного вызывает удивление утверждение заместителя министра путей сообщения, что "в коренной перестройке Устава нет необходимости" /3, с. 32/. Мы же полагаем, что речь должна идти не об изменениях и даже не о коренной перестройке Устава, а о принятии совершенно нового нормативного акта. В нем необходимо отразить основные идеи хозяйственной реформы, предусмотреть систему мер, обеспечивающих надлежащее функционирование противозатратного механизма. В рамках старого акта это сделать невозможно, нужен новый Устав железных дорог.

Возвращаясь к вопросу о кратной ответственности, необходимо отметить, что она в ряде случаев используется и в транспортных отношениях. Но тот же Устав железных дорог предусматривает по существу символическую ответственность, когда речь идет о перевозчике, и вполне ощутимо, если нарушения допускают его партнеры. Так, в случае использования перевозимого груза для своих собственных нужд дорога возмещает ее стоимость в двойном размере; если же происходит повреждение вагона или контейнера на подъездных путях, допустившие это грузоотправители или грузополучатели уплачивают железной дороге штраф в размере пятикратной стоимости поврежденных частей вагона или контейнера.

Дорога использует для своих нужд обычно дефицитную продукцию и уплата даже двойной ее стоимости не в состоянии повлиять на экономическое положение транспортной организации. Очевидно, необходимо предусмотреть более высокую ответственность железной дороги (в размере трех- или пятикратной стоимости) как в указанных случаях, так и тогда, когда по ее вине происходит утрата, повреждение или хищение дефицитных материальных ценностей (импортных изделий, частей сельскохозяйственной и иной техники и т.д.). Конкретный размер кратной ответственности должны обосновать представители экономической науки; в любом случае ясно одно - она должна быть ощутимой для железной дороги. Только при таком решении вопроса можно надеяться на то, что дорога станет бережнее относиться к сохранности перевозимых ею грузов.

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

- I. Материалы 27 съезда Коммунистической партии Советского Союза. - М., 1986.
2. Об усилении ответственности за нерациональное использование материальных ресурсов: Постановление Совета Министров СССР от 4 мая 1984 г. // ОП СССР. - 1984. - № 16, - Ст. 93.
3. Обеспечить сохранность грузов (беседа со специалистами в области железнодорожных перевозок) // Хозяйство и право. - 1987. - № 8.
4. О дальнейшем повышении роли судов в борьбе за сохранность социалистической собственности, укреплении государственной, договорной и трудовой дисциплины на предприятиях и в организациях агропромышленного комплекса: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 15 ноября 1984 г. // Бюллетень Верховного Суда СССР. - 1985. - № 1.
5. О порядке применения мер ответственности за нерациональное использование материальных ресурсов: Инструкция от 30 октября 1984 г. // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. - 1985. - № 2.
6. Панченко М. Ресурсосбережение: стимулы и санкции // Экономическая газета. - 1987. - № 41.
7. Правовое обеспечение сохранности социалистического имущества (материалы круглого стола) // Советское гос-во и право. - 1983. - № 1.
8. Сазонов А.А. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности при железнодорожных перевозках грузов: Автореф. дисс. ... канд. юрид. н. - Саратов, 1986.
9. Сборник по законодательству для прокурорско-следственных и судебных работников. - Т. 3. - М., 1964.
10. Социально-правовые вопросы повышения эффективности сельскохозяйственного производства // Советское гос-во и право. - 1984. - № 7.
- II. Суховерхий В.Л. Совершенствование гражданско-правовой охраны социалистической собственности // Правовые и экономические меры борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. - Горький, 1981.

ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Е.А. Крашенинников

г. Ярославль

Конспектируя "Науку логики" Гегеля, В.И. Ленин писал: "Категории надо вывести (а не произвольно или механически взять) (не "рассказывая", не "уверяя", а доказывая), исходя из простейших основных ..." /5, с. 86/. Применительно к предмету нашего исследования это означает, что прежде чем приступить к анализу гражданско-правовой ответственности, необходимо выявить ее основание как то, из чего только и может быть выведено понятие ответственности.

Гражданско-правовая ответственность проистекает из своего основания. Оно включает в себя те условия, взаимодействие которых приводит к возникновению ответственности. К числу этих условий относятся а) охранительная гражданско-правовая норма, гипотеза которой указывает на правонарушение, а санкция - на охранительное гражданское право и охранительную гражданскую обязанность, возникающие при наличии предусмотренного гипотезой юридического факта; б) гражданская правоспособность потенциально ответственного лица, заключающаяся в его способности иметь регулятивные и охранительные гражданские права и обязанности; в) гражданское правонарушение, представляющее собой предусмотренное гипотезой охранительной гражданско-правовой нормы виновное неисполнение регулятивной юридической обязанности, с наличием которого санкция нормы связывает возникновение охранительного гражданского права и охранительной гражданской обязанности*.

При соединении всех перечисленных условий гражданско-правовая ответственность вступает в существование. Но так как она наличествует на стороне правонарушителя, у которого в результате взаимодействия элементов основания ответственности не возникает ничего иного кроме охранительной граждан-

* Подробное о гражданском правонарушении см.: 4, с. 4.

ской обязанности, то последняя и полагается основанием как гражданско-правовая ответственность. Таким образом, опосредствование ответственности через основание есть ее полагание в качестве охранительной юридической обязанности*.

Гражданско-правовая ответственность — это охранительная гражданская обязанность. Однако не всякая охранительная обязанность может быть отнесена к разряду ответственности. Гражданско-правовой ответственностью служит лишь такая обусловленная правонарушением обязанность, которая отвечает следующим признакам: во-первых, лежит на правонарушителе; во-вторых, влечет для него определенные лишения имущественного характера; в-третьих, опирается на возможность государственного принуждения правонарушителя к ее исполнению /6, с. 6—14/. Рассмотрим с точки зрения этих признаков различные виды охранительных гражданских обязанностей с целью выявления того, какие из них могут и какие лишены способности конституироваться в качестве гражданско-правовой ответственности.

Сообразно с дифференциацией охранительных субъективных гражданских прав соответствующие им обязанности распадутся на следующие две группы: 1) обязанности, корреспондирующие охранительным правам на совершение односторонних волеизъявлений; 2) обязанности, противостоящие иском правам.

Первая группа охранительных субъективных прав охватывает права, содержание которых представлено прежде всего возмож-

* Являясь следствием правонарушения, ответственность вступает в существование с момента его совершения и, следовательно, ничем иным, как обязанностью правонарушителя, быть не может. В этой связи трудно согласиться с С.Н. Братусем, который определяет юридическую ответственность как "состояние государственного... принуждения к реальному исполнению нарушенной обязанности" /2, с. 8/. Оставляя в стороне ошибочное предположение автора о возможности принудительной реализации нарушенной регулятивной обязанности, отметим только, что указанное им состояние, будучи производным от правоприменительного акта, не проистекает и не может проистекать из действительного основания ответственности. Это доказывает, что выставленное С. Н. Братусем определение ответственности является голым уверением и не обладает никакой необходимостью.

ностью совершения односторонних действий самим управомоченным лицом (отказ от договора ввиду его нарушения другой стороной, перевод неисправного плательщика на аккредитивную форму расчетов и т.п.). Отличительная особенность этих прав состоит в том, что, не обладая способностью подлежать принудительному осуществлению юрисдикционным органом, они всегда реализуются действиями самого управомоченного. В отдельных случаях их осуществление может опосредствоваться действиями третьих лиц, с которыми управомоченный находится в регулятивных правоотношениях. Так, например, право перевести неисправного должника на менее выгодную для него систему расчетов поставщик осуществляет при помощи банка. Но поскольку банк служит орудием деятельности поставщика, то и такого рода реализация в конечном счете является результатом односторонних действий, исходящих от управомоченного лица. Помимо правомочия на совершение положительных действий самим управомоченным рассматриваемые права включают в себя негативное правомочие требования, через которое право в целом сопрягается с корреспондирующей ему охранительной гражданской обязанностью. Сдерживание данной обязанности образует необходимость претерпевания правособязанным лицом односторонних действий управомоченного по защите своего регулятивного субъективного гражданского права или охраняемого законом интереса.

Из изложенного явствует, что юридические обязанности, корреспондирующие охранительным гражданским правам на совершение односторонних волеизъявлений, в силу самой их природы не могут быть исполнены под воздействием государственного принуждения. Тем самым отпадает возможность отнесения этих обязанностей к числу мер гражданско-правовой ответственности.

Во вторую группу охранительных гражданских прав входят исковые права, заключающиеся в возможности управомоченного требовать совершения известных действий от обязанного лица. С точки зрения фиксированных в них способов защиты исковые права подразделяются на установительные, преобразовательные и исполнительные правомочия, или притязания. Приглядимся поближе к этим правомочиям и корреспондирующим им охранительным гражданским обязанностям.

Каждое установительное правомочие (притязание наймодателя о признании лица утратившим право пользования жилым помещением, притязание собственника о признании за ним права

собственности на известное имущество и т.д.) заключается в возможности управомоченного требовать от суда подтверждения наличия или отсутствия определенных регулятивных гражданских прав и обязанностей. Указанное правомочие связывает своего носителя не с ответчиком, а с судом, так как признание существования или несуществования регулятивных прав и обязанностей как акт защиты охраняемого законом интереса истца в определенности его материально-правового положения может произвести только юрисдикционный орган. С другой стороны, фиксация в этом правомочии одного из материально-правовых способов защиты говорит о его гражданско-правовом характере.

Преобразовательное правомочие, как, например, право на расторжение договора, право на аннулирование ордера, право на оспаривание сделки и т.п., состоит в возможности управомоченного требовать от суда прекращения или изменения известных регулятивных гражданских прав и обязанностей. Рассматриваемое правомочие не может быть обращено к ответчику, ибо прекращение или изменение регулятивных прав и обязанностей как акт защиты охраняемого законом интереса истца в преобразовании его материально-правового положения производится не ответчиком, а судом. Вместе с тем оно имеет гражданско-правовой характер, о чем свидетельствует распространение на его отдельные виды давностных сроков /3, с. 156/.

Таким образом, установительные и преобразовательные правомочия сопрягают управомоченного не с ответчиком, а с судом как субъектом корреспондирующих им охранительных гражданско-правовых обязанностей. Но коль скоро носителем указанных обязанностей является суд, то уже в силу одного этого они неспособны конституироваться в качестве гражданско-правовой ответственности, так как последняя представляет собой обязанность, возложенную на правонарушителя.

Исполнительные правомочия заключаются в возможности управомоченного требовать совершения определенных положительных действий от обязанного лица (потенциального ответчика по иску о присуждении). Противостоящие исполнительным правомочиям охранительные гражданские обязанности могут быть исполнены под воздействием государственного принуждения и, следовательно, обладают одним из признаков, характеризующих гражданско-правовую ответственность. Однако далеко не каждая из

них приобретает статус ответственности: некоторые из этих обязанностей (в частности, предусмотренные ч. I ст. 449 и ч. I ст. 472 ГК РСФСР) остаются за пределами анализируемого понятия ввиду того, что обуславливаются иными, нежели правонарушение, юридическими фактами, а другие (например, обязанность исполнить обязательство в натуре - ст. 191, 221 ГК РСФСР, обязанность, корреспондирующая негативному притязанию - ст. 156 ГК РСФСР) - вследствие их несопряженности с имущественными лишениями для правонарушителя. Понятием "ответственность" охватываются только те обязанности данного вида, которым присущи все свойственные ей признаки. К числу таких обязанностей относятся: обязанность неисправного должника уплатить неустойку (ч. I ст. 187 ГК РСФСР), обязанность собственника, бесхозяйственно обращающегося с принадлежащим ему домом, передать дом в фонд местного Совета (ст. 141 ГК РСФСР), обязанность делинквента возместить причиненный вред (ч. I ст. 444 ГК РСФСР) и аналогичные им охранительные гражданские обязанности.

Будучи гражданско-правовой ответственностью, любая из перечисленных обязанностей корреспондирует исполнительному правомочию, которое заключается в возможности управомоченного требовать от обязанного лица совершения известных положительных действий (уплаты неустойки, возмещения вреда и т.п.). Отсюда явствует, что материальное содержание такого рода обязанностей всегда выражается в форме *facere* и не может принимать формы *pati*. В этой связи трудно согласиться с утверждением С.С. Алексеева, будто при возмещении убытков и уплате штрафов должное поведение правообязанного представляет собой сочетание *pati* и *facere* /I, с. 104/*.

* Скрытым основанием указанного тезиса является стремление С.С. Алексеева подвести гражданско-правовую ответственность под понятие юридической ответственности как "обязанности лица претерпевать меры государственно-принудительного воздействия за совершенное правонарушение в форме лишения личного, организационного или имущественного порядка" /I, с. 182/. Однако это определение, ориентированное на уголовно-правовую ответственность, к гражданско-правовой ответственности неприменимо, так как она может выражаться только в форме обязанности *facere*. При таком положении вещей определение ответственности через обязанность *pati* нельзя расценивать как общее, охватывающее все виды юридической ответственности. Определение же, которое не покрывает собой всех видов определяемого, не может быть правильным.

в другом случае содержание обязанности исчерпывается необходимостью совершения положительных действий. Что же касается претерпевания, то оно фигурирует здесь не в качестве формы должного поведения обязанного лица, а служит характеристикой состояния правонарушителя, которое наступает в результате реализации лежащей на нем обязанности *facere*.

Если в заключение свести воедино признаки гражданско-правовой ответственности, то ее можно определить как обладающую способность быть исполненной под воздействием государственного принуждения охранительную гражданскую обязанность правонарушителя, которая влечет для него лишения имущественного характера.

Использованные материалы

1. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. - Свердловск, 1964. - Вып. 2.
2. Братусь С.Н. Материально-правовой аспект гражданской юридической ответственности // Уч. зап. / Тарт. ун-т, 1987. - Вып. 765.
3. Крашенинников Е.А. К теории преобразовательных исков // Роль права в деле повышения благосостояния советских граждан в свете решений XXII съезда КПСС. - Тарту, 1987. - Т. I.
4. Крашенинников Е.А. Этюды о природе юридических фактов // Методологические проблемы теории юридических фактов. - Ярославль, 1988.
5. Ленин В.И. Философские тетради // Полн.собр. соч. - Т.29.
6. Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. - М., 1968.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ХОЗРАСЧЕТНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ПРЕДПРИЯТИЙ

Ю.Г. Басин
г. Алма-Ата

Ответственность в хозяйственных отношениях неразрывно связана с хозрасчетными интересами. Ответственность обеспечивает их защиту и восстановление (компенсацию) в случае нарушения. Хозрасчетные интересы нуждаются в ответственности, но и сами оживляют ее, переводят из потенциального в действенное состояние, выполняют функции ее пружины. Отсутствие в застойной экономике полного хозрасчета, приводившее к формализации хозрасчетных интересов и к их выхолащиванию, ослабляло стимулы применения ответственности. Пренебрежение к использованию рычага ответственности или ее неэффективность приводили, в свою очередь, к незащищенности хозрасчетных интересов.

Поскольку перевод предприятий на полный хозяйственный расчет, самоокупаемость, самофинансирование и самостимулирование означает включение в механизм хозяйствования хозрасчетных интересов трудового коллектива и каждого работника, со-размерно возрастает роль ответственности, усиливается необходимость научного анализа ее эффективности, поиски путей ее совершенствования.

В современных условиях хозяйствования нормативной моделью ответственности в качестве составного компонента более обширной нормативной модели полного хозрасчета предприятия служит прежде всего Закон о государственном предприятии (объединении). В части, не охватываемой положениями Закона, нормативная модель дополняется правилами более общих актов об ответственности в хозяйственных отношениях, — главным образом главы I Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. Правоведению целесообразно разработать также научную правовую модель полного хозяйственного расчета во всех его элементах, включая научную правовую модель хозрасчетной ответственности. Если подобная научная модель будет достаточно обоснована, она сможет служить ориентиром совершенствования нормативной модели.

Закон о государственном предприятии (объединении) постоянно оперирует термином "ответственность", придавая ему два значения. Во-первых, — обязанность соблюдать требования, предъявляемые к различным формам деятельности предприятия и ее результатам. В этом значении, например, в статье 2 (п. 5) говорится о том, что предприятие "несет всю полноту ответственности за соблюдение интересов государства и прав граждан, сохранность и приумножение социалистической собственности, выполнение принятых обязательств...". Сходные формулировки, уточненные применительно к конкретным видам хозяйствования, мы встречаем во многих других статьях Закона (II, I2, I5, I6, I7, I8 и др.). Во-вторых, — необходимость возместить ущерб, причиненный нарушением обязанностей по хозяйственным правоотношениям, выплатить штрафные санкции, установленные в качестве следствия нарушений, иными словами, — необходимость подвергнуться имущественному взысканию в пользу потерпевшей стороны за допущенное нарушение. Так, ст. I6 (п. 3) гласит, что "при несоблюдении договорных обязательств предприятие несет экономическую ответственность, возмещает в установленном порядке ущерб, нанесенный потребителю". Сходные положения — во многих других названных выше статьях.

Таким образом, "ответственность" в терминологии Закона — это и обязанность, и последствия ее нарушения, причем настолько тесно связанные, что нередко оба значения охватываются одним словом. Вот формула ст. I5 (п. 5): "Предприятие-отправитель несет ответственность за предъявление груза, простой и недогруз перевозочных средств, а транспортное предприятие — за срыв предусмотренной планом и договорами подачи транспортных средств для поставки или отгрузки продукции, за своевременную доставку грузов и их сохранность...". Такое двузначное понимание ответственности обычно для характеристики поведения в широком политическом, философском, социологическом плане. Для практической же юриспруденции ответственность имеет самостоятельную ценность только в связи с возможностью или необходимостью ее применения, что равнозначно привлечению к ответственности правонарушителя /I0, с. 307-3II; 5, с. 23-26, 3I-34/. В таком понимании мы и толкуем ответственность как инструмент обеспечения полного хозрасчета и защиты хозрасчетных интересов.

В Законе о государственном предприятии (объединении) нет четкого определения оснований применения ответственности, хотя в некоторых статьях и упоминается об ответственности

ти виновных работников. Опираясь на общие положения гражданского законодательства, можно сделать вывод, что таким основанием, как правило, служит вина хозрасчетного предприятия в нарушении хозяйственного обязательства. Но в комплексе хозяйственных связей, при многосторонней зависимости хозяйствующего субъекта от обеспечивающих его деятельность поставщиков, подрядчиков, смежников, перевозчиков и других хозяйственных партнеров общераспространенная трактовка вины как наличного или должного предвидения последствий собственных действий не обеспечивает полной и необходимой для устойчивого хозяйственного оборота защиты хозрасчетных интересов потребителей. Предприятие (объединение), предлагая свои товары или услуги, обязано гарантировать потребителю их предоставление даже в изменяющихся условиях производственно-хозяйственной конъюнктуры, не оправдываясь доказательствами собственной невинности в случае нарушения, как это стало обычным для многих нерадивых хозяйственников. Иными словами, — предприятие должно принимать на себя риск неисполнения или ненадлежащего исполнения хозяйственного обязательства без привычных ссылок на министерство, смежников, погодные условия и тому подобные обстоятельства. Целесообразность выйти за пределы вины во многих хозяйственных отношениях, строить ответственность на основании субъективного хозрасчетного риска, которое гарантирует более полную защиту интересов потребителей, уже отмечалась в правовой литературе /9; 4, с. 170-192; 2/. Особенно это важно для защиты интересов потребителей-граждан.

Следует заметить, что ответственность с основанием более широким, нежели собственная вина исполнителя, уже давно применяется во многих хозяйственных правоотношениях. Назовем два весьма распространенных варианта.

Первый вариант — ответственность в пределах гарантийного срока за недоброкачественное исполнение (купля-продажа, поставка, капитальное строительство, ремонт и т.п.). Здесь исполнитель отвечает за все дефекты, вытекающие из его действий, даже невинных. Ведомственные правила исказили, правда, формы гарантийной ответственности, сведя ее к бесплатному ремонту (об этом так много писали, что нет нужды повторяться), но суть ее достаточно отчетливо вытекает из предписаний самого закона. Например, статьи 42 и 48 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик устанавливают, что продавец (поставщик) недоброкачественных изделий в пределах гарантийного срока освобождается от ответственности лишь при

условии, что недостатки возникли вследствие нарушения покупателем правил пользования изделиями или их хранения. Собственная вина продавца (поставщика) во внимание, таким образом, не принимается.

Второй вариант - это ответственность за действия третьих лиц (ст. 38 Основ), то есть за нарушение исполнения, зависящего от поведения третьих лиц, "зависимая ответственность". Данная ответственность также достаточно хорошо известна, но необходимость усилить защиту интересов предприятий в условиях полного хозяйственного расчета требует вернуться к ее рассмотрению с новыми суждениями.

Статья 38 Основ применительно к хозяйственным обязательствам говорит об ответственности организации - участника хозяйственного договора за ненадлежащее исполнение, которое полностью или частично было произведено по ее поручению либо распоряжению другой организацией. Текст закона оказался чрезмерно скупым и был распространительно истолкован в практике его применения. Ответственность должника по договору за действия третьих лиц со ссылкой на ст. 38 Основ применяется не только тогда, когда договор нарушил фактический исполнитель (третье лицо), но и тогда, когда договор нарушил сам должник, однако нарушение было обусловлено неисправными действиями смежников должника или иных субъектов, от которых зависело исполнение.

В обоих случаях (и тогда, когда не справляются фактические исполнители, и тогда, когда не справляются субъекты, от которых зависит собственное исполнение должника) последний отвечает за поведение третьих лиц, даже если сам он оказался невиновным в нарушении.

Еще один весьма распространенный случай "зависимой безвиновной ответственности", находящийся вне пределов действия ст. 38 Основ гражданского законодательства, - за хозяйственно-договорное нарушение, допущенное должником вследствие необходимости исполнения административного распоряжения вышестоящей организации. Приказом министра прекращен или сокращен выпуск продукции, которую предприятие по договору обязано поставить потребителю; отменено плановое задание, по которому производилась поставка, получено распоряжение перебросить строителей на сооружение другого объекта и т.п. Обычное дело при административной системе управления экономикой. Арбитражная практика неоднократно подчеркивала, что подобные распоряжения, если они не исходят от органа, которому подчинен также

и потребитель, не прекращают его права требовать первоначального договорного исполнения. При неисполнении же должник несет ответственность, даже если он не виноват в нарушении.

Несмотря на то, что такая практика ориентировалась на защиту интересов потребителя, защита была явно недостаточной. Авторитет вышестоящего органа в условиях всеобщей административной связанности психологически оправдывает нарушение, вытекающее из директивного распоряжения. Некоторые нормативные акты к тому же узаконили административное вмешательство в договорное исполнение, введя понятие обязательного для исполнения приоритета (например, пункты 37, 89 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения 1981 года), хотя сами по себе подобные понятия несовместимы с сущностью договора. Приоритет возможен лишь на стадии заключения договора, в процессе же его исполнения все договорные обязанности должны быть для предприятия императивными. Приоритетность при исполнении договоров неизбежно делит их на обязательные и необязательные, что противоречит главной договорной идее — *res sunt servanda*.

Это положение нелишне помнить и сегодня, чтобы приоритетность государственного заказа не трактовалась как возможность обеспечить его исполнение за счет нарушения договоров, заключенных непосредственно с потребителями.

В современных условиях полного хозрасчета оправдательные ссылки на неисправность фактических исполнителей и смежников, на действия вышестоящих органов и т.п. не следует принимать во внимание; предприятие — нарушитель договора — должно нести перед потребителем полную ответственность, которая к тому же не освобождает от необходимости произвести реальное исполнение (ст. 16, п. 3 Закона о государственном предприятии (объединении)). Поэтому мы считаем целесообразным дополнить п. 5 ст. 2 Закона таким примерно положением: "При нарушении принятых на себя обязательств предприятие не вправе оправдываться ссылкой на перебой в материально-техническом обеспечении, неисправность смежников, распоряжения вышестоящих органов и тому подобные обстоятельства".

Однако последовательное проведение принципа "зависимой ответственности" предприятия за нарушение хозяйственного обязательства, более полно обеспечивающее защиту интересов потребителей, требует, в свою очередь, пополнения арсенала средств защиты хозрасчетных интересов предприятий-производителей, которые вынуждены отвечать за вину или за действия

третьих лиц. Ибо и в условиях перестройки экономики, и при переводе всех предприятий на полный хозяйственный расчет несомненно будут встречаться случаи и перебоев в снабжении, и нечеткой работы смежников, и неправильных административных актов.

Что касается неисправных фактических исполнителей, смежников и других хозяйственных партнеров, по вине которых предприятие-производитель привлечено потребителем к ответственности, то здесь определенная защита интересов предприятия, пострадавшего по чужой вине, возможна и в рамках действующего законодательства путем использования института регрессной ответственности.

Однако полной защите хозяйственных интересов как при прямой, так и при регрессной ответственности препятствуют многочисленные ограничения размера штрафных взысканий, которые установлены законом для транспортных, строительных, проектных, энергоснабжающих и других организаций. Предприятие, выплатившее значительную сумму неустойки по чужой вине, взыскивает с виновника, работающего в режиме ограниченной ответственности, лишь небольшую долю своих убытков. Такое же положение наблюдается и при привлечении названных организаций к прямой ответственности. Вот примеры, приведенные в газете "Правда". Объединение "Азот" сорвало поставки полистирола на экспорт, поскольку не получило контейнеров от Приднепровской железной дороги. Объединение выплатило почти 100 тыс. рублей штрафа, но с железной дороги взыскало 752 рубля—в 130 раз меньше. Из-за неподачи электроэнергии объединение понесло убытки, превышающие 2,5 млн. рублей, а "Днепроэнерго" возместило лишь 8,4 тыс. рублей /13/.

Принцип ограниченной ответственности предприятий и раньше подвергался научной критике, однако нормотворческие органы обращали на нее мало внимания, — напротив, наблюдалась тенденция расширения зоны применения подобной ответственности. Мы полагаем, что в условиях полного хозяйственного расчета, самоокупаемости и самофинансирования ограниченная ответственность неприменима, ибо ведет к перекладыванию результатов собственной плохой работы на хозяйственных контрагентов. До тех пор, пока она будет существовать, и хозяйственный расчет предприятий, к которым она применяется, и хозяйственный расчет их хозяйственных партнеров останется искаженным.

Но если ответственность, зависящая от действий других хозяйственных организаций, может быть компенсирована (в ряде

случаев - частично) за счет виновных, то ответственность за действия вышестоящих органов не возмещается ни в какой мере. Это в немалой степени содействует стремлению министерств, главков и других руководящих хозяйственных органов без конца вмешиваться в оперативную работу подведомственных предприятий и объединений. Слабые, чисто декларативные ограничения такого стремления, которые пытались установить прежде действовавшее законодательство (пункт 47 Положения о государственном производственном социалистическом предприятии; пункт 62 Положения о государственном производственном объединении, пункт 30 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 года "Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы" /7/ никогда по-настоящему не применялись.

Полный хозяйственный расчет с подобной практикой несовместим. Закон о государственном производственном предприятии (объединении) и принятые в его развитие основополагающие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР вообще отменяют систему директивного текущего планирования и запрещают вмешательство министерств и ведомств в оперативную хозяйственную деятельность предприятий (ст. 9 п. I Закона). Но запреты слабо доходят до верхнего управленческого этажа, и по-прежнему вышестоящие органы выдают предприятиям обязательные плановые задания, многократно их изменяют, игнорируя тот факт, что каждое изменение неизбежно содержит угрозу надлежащему исполнению уже заключенных договоров /12/. В случае же нарушения договоров министерства и ведомства остаются в стороне. Неправда ли, - знакомая картина: тот, кто командует, ответственности не несет, отвечает тот, кто вынужден исполнять.

В прошлом ученые-юристы предлагали меры, ограничивающие необоснованное вмешательство вышестоящих органов в оперативно-хозяйственную работу предприятий: признание актов вмешательства недействительными, взыскание убытков, вызванных подобным вмешательством, и т.п. Подготовленные проекты соответствующих законодательных актов так и не были приняты. Да и вряд ли их принятие могло что-либо изменить при системе административного управления экономикой, в условиях, когда обеспечение, показатели и оценка работы предприятия, назначение его руководителя, освобождение последнего от должности, его премирование и т.п. целиком зависели от усмотрения

вышестоящих инстанций. Положение коренным образом меняется при соединении полного хозяйственного расчета с демократией и самоуправлением, когда назначение и смещение руководителя зависят в первую очередь от трудового коллектива, а самооценка и самостимулирование предприятия вытекают из итогов надлежащего исполнения договоров и полученного хозрасчетного дохода, но не от места, которое отведут коллективу вышестоящие органы в списках передовиков и отстающих.

В данных условиях становится необходимой и реальной ответственность органов, действия которых привели подчиненные предприятия к убыткам, перед этими предприятиями. И статья 9 Закона о государственном предприятии (объединении) предоставляет предприятию право через арбитраж признавать неправомерным акт, изданный вышестоящим органом, и требовать возмещения убытков, причиненных предприятию в результате выполнения соответствующих административных указаний.

За счет каких источников министерства могут покрывать убытки? Полагаем, — из той части централизованных фондов, которая идет на социальные нужды и материальное поощрение работников министерства (ведомства). Можно не сомневаться в результативности подобной меры, особенно если выплаченные штрафные суммы будут перекладываться (в допустимых законодательством пределах) на конкретных виновных работников.

До введения полного хозяйственного расчета очевидной была слабая эффективность ответственности за нарушение хозяйственных договоров. На интересах работников виновной организации она почти не отражалась; у потерпевшей стороны явно не хватало стимулов привлечь нарушителя к ответственности. Напротив, преобладали антистимулы. Дело дошло до принуждения потерпевшего прибегать к ответственности /3; 1/. Закон о государственном предприятии (объединении) создал оптимальные условия для превращения ответственности в реальный рычаг укрепления договорной дисциплины. Статья 17 (п. 5) устанавливает норму принципиальной важности: "Возмещение предприятием убытков, причиненных другим предприятиям и государству, уплата штрафов, неустоек и иных санкций, установленных законодательством, производятся за счет хозрасчетного дохода коллектива". Таким образом, все штрафные платежи — это прямое сокращение той суммы средств, которая остается на собственные нужды предприятия и материальное поощрение коллектива (даже на оплату труда по второй модели хозрасчета). Здесь уж действительно платят из своего кармана.

Чтобы и пострадавшую от нарушения сторону стимулировать к максимальной активности, тот же пункт ст. 17 установил: полученные предприятием суммы возмещения ущерба и санкций направляются на увеличение хозрасчетного дохода предприятия. При таких условиях предельной заинтересованности во взыскании санкций и максимальной действенности их уплаты хозяйственный договор вполне может приблизиться к саморегулируемой системе, которая без внешнего вмешательства погашает возникшие возмущения. Неотвратимость ответственности за нарушения будет обеспечена значительно прочнее, чем это достигалось прежними средствами (возложение обязанности привлекать нарушителя к ответственности, наказание за непривлечение и т.п.).

Совершенствование хозяйственного механизма создает дополнительные меры усиления эффективности ответственности. В прошлом заинтересованность во взыскании санкций серьезно ослаблялась тем, что полученные от нарушителя деньги трудно было израсходовать на нужды производства и трудового коллектива, так как все ресурсы строго фондировались и занаряживались. Переход к безнарядной оптовой торговле и широкой хозяйственной самостоятельности возвращает денежным средствам их реальную ценность. Повышается заинтересованность нарушителя в добровольной выплате штрафных сумм, ибо при их принудительном взыскании через арбитраж размер санкций за некоторые нарушения наполовину увеличивается /8/. Упрощен порядок взыскания санкций.

Таковы факторы, повышающие значение ответственности за нарушение хозрасчетных интересов предприятий. Некоторые специалисты-практики опасаются чрезмерного обогащения предприятий за счет взыскания санкций с неисправных хозяйственных партнеров. Так, ответственный банковский работник Е. Харковец предлагает дифференцированно решать вопрос об отражении штрафов на хозрасчетном доходе предприятий с учетом конкретной отрасли хозяйства, действительной вины поставщика и ущерба, реально нанесенного потребителю /14, с. 4/.

Вряд ли подобное предложение заслуживает поддержки. Хотя сумма полученных предприятием санкций действительно может значительно превышать сумму выплаченных, нельзя забывать, что каждое взыскание — это следствие нарушения, вызвавшее трудности в работе хозяйственного партнера. Преодоление трудностей всегда требует затрат и усилий, что компенсируют взысканные с нарушителя штрафные суммы. Упрекать предприятие в их получении столь же несправедливо, как и сочувствовать пред-

приятно, выплачивающему санкции за плохую работу.

Нельзя также напрямую связывать суммы санкций, относимых на хозрасчетный доход предприятия, с реальным ущербом, который причинило нарушение договора. Известно, как трудно исчислить размер такого ущерба. Этим, собственно, и вызвано широкое применение нормативных неустоек и штрафов. Если же мы не будем относить взысканные суммы на хозрасчетный доход, ущерб, хотя и не доказанный по размеру, но всегда ощутимый для потерпевшего предприятия, останется невозмещенным, и интерес в привлечении нарушителя к ответственности будет утрачен, как это уже было в прошлом. Предписание Закона о государственном предприятии (объединении) в этой части в изменении не нуждается.

Существенное повышение уровня хозяйственной самостоятельности предприятия и усиление заинтересованности во взыскании санкций с нарушителя договора дают основание вернуться к старому спору о том, является ли привлечение нарушителя к ответственности правом или обязанностью потерпевшей стороны. Концепция "обязанности" /6, с. 52-53/ вытекала прежде всего из административной системы управления экономикой и вместе с вытеснением этой системы также, по нашему мнению, утратит свое значение. Привлечение к ответственности - это право предприятия, интересы которого нарушены ненадлежащим исполнением договора, и только оно должно решать, прибегать или не прибегать к данной мере защиты своих хозрасчетных интересов.

Широкая свобода, предоставляемая участникам хозяйственного договора в определении его содержания дает им возможность по взаимному соглашению предусматривать санкции за нарушение договорных обязанностей. Этот способ введения в договор неустоек, штрафов и иных взысканий, который и прежде допускался законом и применялся на практике, при полном хозяйственном расчете должен получить более широкое распространение /II, с. 57-58; 5, с. 44/, что требует некоторого уточнения текста статьи 17 Закона о государственном предприятии (объединении). Пункт 4 статьи говорит об отнесении на хозрасчетный доход трудового коллектива санкций, установленных законодательством. Следует добавить - "или хозяйственными договорами".

Использованные материалы

1. Басин Ю.Г. Гражданское право и укрепление хозяйственно-договорной дисциплины // Гражданское право и экономика. - М., 1985.

2. Басин Д.Г. Субъективный фактор в основании гражданско-правовой ответственности за нарушение хозяйственной дисциплины // Актуальные проблемы гражданского права. - Свердловск, 1986.
3. Басин Д.Г., Диденко А.Г. Имущественная ответственность и оперативные санкции в системе хозяйственного механизма // Правоведение. - 1984. - № 3.
4. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. - М., 1976.
5. Варул П.А. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. - Таллин, 1986.
6. Малейн Н.С. Неотвратимость и индивидуализация наказания // Советское государство и право. - 1982. - № 11.
7. Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. // СП СССР. - 1979. - № 18. - Ст. 118.
8. О повышении ответственности объединений, предприятий и организаций за выполнение договоров поставки продукции и товаров: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР // СП СССР. - 1986. - № 25. - Ст. 140.
9. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. - Душанбе, 1972.
10. Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. - М., 1987.
11. Собчак А.А. О механизме гражданско-правовой ответственности // Учен. зап. / Тартуский ун-т. - Тарту, 1987. - Вып. 765.
12. Торский В. Вопреки хозрасчету // Правда. - 1987. - 7 декабря.
13. Фенин Ю. Штраф в убыток // Правда. - 1987. - 7 декабря.
14. Харковец Е. Как "работают" штрафы? // Экономическая газета. - 1987. - № 49.

В ЗАЩИТУ ПРИНЦИПА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВИНУ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Т.И. Илларионова
г. Свердловск

В последние годы ряд цивилистов и сторонников теории хозяйственного права весьма активно защищает концепцию ответственности юридических лиц без учета их вины /3, с. 73-74; 6, с. 38/. Большинство из них считает, что применительно к юридическому лицу говорить о вине в ее традиционном понимании как социальной упречности воли некорректно, и они либо предлагают отказаться от принципа вины в хозяйственных отношениях, либо фактически заменяют категорию вины противоправностью /9, с. 67; 10, с.30; 6, с. 38 и др./.

Подобные взгляды связаны с недооценкой социальной ценности правового принципа ответственности за вину. Важнейшие функции этого принципа состоят в том, что на его базе, с одной стороны, в гражданском праве проводятся начала гуманизма, а с другой, — создается необходимый механизм пересечения субъективных истоков правонарушений.

Основная причина, вызывающая недооценку названного принципа, лежит вне права. Это неизбежный результат влияния экономических факторов на правовые подходы к решению вопросов юридической ответственности. Складывающиеся в течение десятилетий внутри предприятий (организаций) производственные и управленческие связи были сориентированы на отчуждение работника от средств производства, государственной собственности в целом, от формирования общих целей, задач предприятия, от определения путей их достижения (решения), т.е. от проспективной ответственности за общие дела, в том числе за состояние договорной дисциплины. Процесс отчуждения сказался на отношении работников к обязательственным связям предприятия: совершенное безразличие к деньгам организации ("мертвым", "безразличным" /8, с. 3/, полная незаинтересованность во взыскании убытков, которые подсчитываются в конце года, обезличиваются и практически сводятся к сумме разницы между взысканными и уплаченными неустойками; отсутствие побуждений ко взысканию неустоек. Даже отмеченные моменты отнюдь не способствовали формированию механизма персонализации ответ-

ственности за нарушение обязательств на самом предприятии, а в хозяйственных связях порождали скорее тенденцию ко взаимному амнистированию, чем к ужесточению притязаний.

Существующее экономическое положение не могло не отразиться на теории гражданского права.

Если проанализировать концепции юридического лица (в особенности государственного), начиная с теории государства как носителя прав и обязанностей этого субъекта до взглядов на юридическое лицо как на совокупность структурно-функциональных связей, образующих организацию, то приходится констатировать, что процесс отчуждения работников от правовой формы их участия в обороте просматривается довольно ясно. Правда, теория коллектива в своем первоначальном виде /5, с. 670; 4, с. 107/ оставляла место для учета социально-психологических моментов, но происходящие в экономике процессы не могли не сказаться и на ней.

Необходимость обоснования целостности и единства коллективного субъекта привело к некоторому преувеличению значимости структурно-организационной стороны социального образования в каждой из указанных теорий. Носителем прав и обязанностей объявлялась организация как нечто устойчивое по сравнению с коллективом, состав которого может меняться. Поскольку такое теоретическое абстрагирование правовой формы участия в обороте коллективного субъекта от конкретных членов коллектива в общем-то соответствовало характеру экономических связей, то создавались посылки для выводов о нецелесообразности искать вину — явление психическое у юридического лица — организационно-правовой формы коллективного образования.

Конечно, при любом подходе к поиску сути и носителя прав и обязанностей юридического лица коллектив в качестве людского субстрата не игнорировался. Вопросы единой воли юридического лица, не сводимой к воле одного работника или простой совокупности воли всех членов коллектива, постоянно находятся в центре внимания авторов. Но как только вопрос о единой воле организации переводится в плоскость ответственности этого субъекта срабатывает психологическая установка: единая воля социалистического юридического лица упречной быть не может /1, с. 131; 2, с. 72/. Снова теряется носитель вины.

Немудрено, что при такой теоретической трактовке юридического лица законодательное закрепление оснований до-

говорной и внедоговорной ответственности организаций оказались различными. Провозгласив принцип ответственности за вину в договорной и внедоговорной сферах, законодатель в институте обязательств по возмещению вреда отказался от категории юридического лица и четко указал, что ответственность организации возникает за вред, причиненный по вине ее работника при исполнении трудовых (служебных) обязанностей (ст. 88 Основ). Создается представление, что вина юридического лица в договорной сфере — это нечто иное, а поскольку в организации на первый план выступают структурно-функциональные связи отдельных звеньев коллектива, ее целевые установки всегда социально ценны, то дальнейший логический шаг в исследовании проблемы — отказ от категории вины применительно к юридическому лицу. Последний шаг объясняется также столь высоким уровнем требований к осмотрительности данных субъектов, что от психологических нюансов, как утверждают, можно отвлечься.

Защищая принцип вины в хозяйственных связях, его правовую и социальную значимость, следует вновь остановиться на аргументации положений о том, что, во-первых, юридическое лицо может быть виновно, а, во-вторых, конкретными составными вины социального образования является вина его работников.

Юридическое лицо — правовая форма признания определенным образом организованного коллектива правосубъектным, а это означает признание его не только правоспособным, но в первую очередь волееспособным, т.е. способным формировать единые целевые (волевые) установки, соответствующие задачам, которые он призван решать. Наличие единых волевых установок — необходимое условие деятельности всей организации и отдельных ее частей. Но волевые моменты деятельности организации не сводятся только к формированию общих целей, задач и к установкам относительно путей их достижения. На уровне волеизъявления, т.е. на уровне самой деятельности в ее разнообразных проявлениях, идет тот же процесс формирования волевых установок на конкретном участке. На этот процесс влияет множество факторов, в том числе уровень технологической и трудовой дисциплины, инициативность и компетентность работников, факторы их честности, контроля и т.д. Когда мы утверждаем, что социалистическая организация не может быть виновна, а затем отмечаем недисциплинированность, круговую поруку в коллективе, бесхозяйственность и групповые хищения государственной собственности, которые приводят к систематиче-

скому невыполнению планов, к припискам и т.п., мы тем самым противоречим себе: единая воля организации явно содержит упречные волевые установки.

Вина юридического лица — форма проявления социально порочных установок, определяющих поведение членов коллектива (в целом или в определенных звеньях) на том или ином участке производственной деятельности. Непродуманность действий и неосмотрительность при заключении договоров, самонадеянность при решении вопросов материально-технического обеспечения, пренебрежение к технологии, некомпетентность работников, отсутствие контроля за качеством входящего сырья и т.п. — все это на рынке выливается в неосторожном либо в сознательном (умышленном) ненадлежащем исполнении или неисполнении договорных обязательств.

Когда речь идет о вине коллективного образования, подразумевается, с одной стороны, наличие в коллективе таких социально нежелательных факторов, которые оказывают вредное влияние на социально-психологический настрой, волевые решения коллектива или его отдельных звеньев, с другой стороны, что соответствующие социально-психологические факторы проявляются в конкретном противоправном поведении юридического лица как стороны в договоре. До тех пор пока под виной будет пониматься только психическое отношение к действию и его результату, социальная ценность категории вины будет сведена до минимума. В категории вины социального образования должны фокусироваться социально-психологические причины правонарушения, характеризующие общее психологическое лицо коллектива, пораженного теми или иными пороками. Рассматривая вопрос о вине юридического лица, арбитраж, суд должен обсуждать именно эту сторону вины организации. Иначе бороться с правонарушениями невозможно. Следует отметить, что госарбитраж и суды нередко именно так и поступают: выносимые ими частные определения и предостережения основаны на выявлении отмеченного аспекта вины юридического лица. В указанном понимании вина организации не сводится непосредственно к вине конкретных работников и имеет относительно самостоятельное значение. Обычно, выявляя суть вины, практически все авторы указывают на то, что в конечном счете в ней находит прямое выражение ненадлежащее отношение субъекта к должному, к интересам других субъектов, государства, общества /II, с. 521/. По-видимому, при анализе вины юридического лица ее сущностный аспект следует подчеркивать в большей мере.

По указанию главка деревообрабатывающий завод внедрил в производство и стал выпускать особый вид древесно-стружечной плиты, используемой для покрытия полов в жилых домах (без каких-либо дополнительных материалов, например, линолеума). Контрагенты завода, получив продукцию и использовав ее по назначению, вскоре обнаружили, что ставить на плиты предметы, тяжелее 50 кг, нельзя. Заводу заявлены крупные суммы штрафов. В своих отзывах на иски завод ссылается на то, что на имеющемся у него оборудовании он не может изготовить плиты данного вида, однако главк обязал его внедрить их в производство. Очевидно, что в поставке некачественной продукции, т.е. в конкретном правонарушении, с максимальной ясностью обнаружилось те неблагоприятия, которые в немалой степени обусловлены отнюдь не объективными, а именно субъективными факторами. Приступая к производству плит, на заводе уже знали, что они не будут отвечать требованиям ГОСТа, но все же заключили договоры с контрагентами, т.е. выразили общую волю юридического лица на поставку плит определенных качественных характеристик. Практически контрагенты были введены заводом в заблуждение о его возможностях обеспечить их должной продукцией уже в момент заключения договора, т.е. при выражении общей воли юридического лица. Недобросовестность завода как стороны налицо. Ссылки на то, что несмотря на протесты, коллективу навязали производство этих плит сверху, дела не меняют. Это лишь свидетельствует о еще более глубоких субъективных причинах допущенных правонарушений.

На предложенном примере видно, как общие порочные установки, неумение и нежелание руководства отстаивать интересы предприятия, безынициативность других членов коллектива и многие иные субъективные моменты обусловили факт договорного правонарушения и проявились в вине завода — как сознательное пренебрежение определенными интересами контрагента.

Если при оценке поведения сторон встать на позицию тех, кто предлагает отказаться от категории вины юридического лица и исходить из факта правонарушения, то госарбитраж (суд) останется лишь регистратором фактов, он не сможет надлежаще осуществлять свои контрольные функции, а причины правонарушений не будут устанавливаться.

В то же время правонарушение юридического лица как стороны в договоре своими слагаемыми имеет правонарушения конкретных работников, ненадлежаще исполняющих свои трудовые, служебные обязанности. Именно в их действиях реализуются

социально полезные и порочные волевые установки, в них проявляется общий психологический настрой коллектива или отдельного звена, принимая форму вины работника в том или ином неправомерном поведении. Вина работников, своим поведением обусловивших неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, составляет конкретизированную психологическую основу правонарушения юридического лица. Этой основой обуславливается содержание вины коллективного субъекта: сознательное пренебрежение интересами контрагента при отпуске продукции третьим лицам в ущерб исполнению обязательств, небрежность при затаривании грузов, самонадеянность при заключении договора не обеспеченного материально-техническими ресурсами, и т.п. Преломляющиеся в ней пороки общей воли составляют суть вины юридического лица. В указанном смысле конкретными формами проявления вины коллективного субъекта является вина его работников. Вместе с тем отмеченные особенности существования и проявления общей и частной воли, в том числе с порочными установками, не дают оснований для перенесения центра тяжести и в вопросе об условиях ответственности организаций на вину конкретных работников и отказа от категории вины юридического лица, как это предлагает В.А. Ойгензихт /7, с. 103/.

Выявление психологической основы правонарушений коллективных субъектов – необходимое условие последовательного проведения в жизнь принципа ответственности за вину.

Социальная ценность данного принципа, как отмечалось, состоит в том, что он предполагает создание действенного механизма пресечения субъективных причин правонарушений. Механизм доведения ответственности до непосредственного виновника создает условия для коррекции его поведения в нужном направлении. В хозяйственных отношениях отмеченная функция принципа вины весьма существенна: невозможность доказать свою невиновность заставляет искать слабые субъективные стороны в организации деятельности предприятия и устранять причины нарушений.

"Очеловечивание" внутрипроизводственных связей означает прежде всего доведение перспективной ответственности за общие результаты деятельности до каждого участка и каждого работника, работа которых обезличивается в общем результате, но не становится от этого незначительной. Без возложения на каждого конкретного члена перспективной ответственности бесполезно создавать механизм ответственности за его прошлую

деятельность. Перспективная ответственность имеет своей основной заинтересованность в результате труда. Если этого нет, юридическая ответственность, доведенная до конкретного работника, вызывает совершенно определенную реакцию — недовольство, уход с работы по собственному желанию. Но и заинтересованность не может быть обеспечена только более справедливыми распределительными отношениями, которые заложены во второй форме хозрасчета. Необходима перестройка организации работы. В современных условиях арендный подряд и иные подрядные формы организации работы, не исключая подряда администрации, — наиболее рациональные способы повышения перспективной ответственности всех звеньев коллективного образования и отдельных работников. Соответственно будет отлаживаться и механизм доведения мер юридической ответственности до виновного звена коллектива и каждого работника, причем не останется места для обезличивания ответственности.

Принцип ответственности за вину служит проводником гуманизма в область юридической ответственности. Традиционные гражданско-правовые приемы распределения убытков на началах вины и риска случая, взыскание неустойки и лишение права только на началах вины явились результатом опыта поколений. Нельзя от субъекта требовать невозможного; возложение на него дополнительных имущественных обязанностей, если он в силу не зависящих от него обстоятельств не может надлежаще исполнить основные, утрачивает социальный смысл. Если предприятие нарушило договор невиновно, оно, как правило, само уже поставлено в неблагоприятные условия. Усугублять сложное положение предприятия путем отнесения на него всех имущественных утрат, возникших в сфере кредитора (другой стороны), а также взыскивать неустойку, т.е. строить ответственность на началах причинения, было бы противно общечеловеческим правилам договорного общения.

Проведение в товарно-денежных отношениях принципа причинения, ссылаясь на единый государственный "карман" или бесперспективность учета "нюансов" вины (в ее традиционном понимании) юридических лиц, не будет способствовать их надлежащему развитию. В условиях активизации товаропроизводителей (услугодателей, производителей работ), в основе деятельности которых лежат разные формы собственности (государственная, кооперативная, общественная, индивидуальная), проведение принципа причинения (не выполнил — плати) таит в себе опасность экономического вытеснения более слабого или начи-

нающего контрагента. Распространение этого принципа, например, на отношения арендного подряда, в которых одной из сторон является совхоз, а другой — арендатор — семья, кооператив, вряд ли способствовало бы экономическому процветанию арендатора.

Можно, конечно, отметить, что этот пример не вписывается в традиционные представления о хозяйственных связях. Однако различные принципы регламентации гражданско-правовой ответственности в зависимости от характера связи ставили бы одних и тех же субъектов в неодинаковое положение.

Построение ответственности на принципе вины в какой-то степени ограничивает возможности кредитора по восстановлению нарушенного должником права. Но принцип причинения создал бы для него несравненно большие выгоды, чем начала вины для должника. Ограничение возможностей потерпевшего кредитора в определенной степени уравнивается презумпцией вины, действующей в гражданском праве. На данном обстоятельстве следует заострить внимание, поскольку раздаются голоса, подвергающие сомнению справедливость такой презумпции*. Сочетание принципа вины и презумпции вины, с одной стороны, обеспечивает возможность учета затруднительного положения должника при его невинности, что ставит в невыгодное положение потерпевшего убытки кредитора, с другой стороны, — снимает с последнего обязанность доказывать вину должника: она предполагается, пока должник не докажет иное. Назвать такое распределение обязанностей и возложений несправедливым нельзя. Напротив, возложение на кредитора, права которого нарушены, обязанности доказывать не только факт возникновения убытков, но и вину должника, еще более ущемило бы его интересы. Как принцип причинения ставит должника в крайне невыгодные условия, так и презумпция невинности должника необоснованно ухудшила бы положение кредитора. Вряд ли правильно отказываться от существующего относительного равновесия в положении сторон в конфликтных ситуациях.

Фактическое равновесие поддерживается, в частности, трудностью доказывания контрагентом своей невинности. Высокие требования к предусмотрительности, продуманности решений и путей их реализации, к инициативности и т.д. вытекают

* Справедливость презумпции виновности в гражданском праве подверг сомнению В.А. Ойгензихт в своем выступлении на проходившей международной конференции по проблемам хозяйственного механизма (Москва, сентябрь 1988 г.).

из коллективного характера деятельности, обусловленности целей и задач интересами государства, общества, связаны с помощью государства. Но и эти требования не могут быть безграничными. В законе нет критериев неосторожности или умысла коллективного образования; в практике используются все заслуживающие внимания объективные и субъективные обстоятельства. Ясно, что отсутствие четких критериев делает процесс доказывания невинности непростым. Трудности усугубляются спецификой положения юридического лица как стороны договора. Ненадлежаще исполняя свои обязательства, субъект сознает неправомерность действий, предвидит возможность возникновения у кредитора убытков. Но отмеченные обстоятельства еще не свидетельствуют об умысле или неосторожности должника. Можно предвидеть неблагоприятные последствия и противоправность своих действий, но не иметь реальных субъективных и объективных возможностей предотвратить либо уменьшить их. В подобных ситуациях выработанные критерии виновности были бы полезны. В законе они могли бы быть закреплены в качестве деловых обыкновений.

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

1. Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права. - М., 1945.
2. Антимонов Б.С. Основания договорной вины ответственности социалистических организаций. - М., 1952.
3. Басин Д.Г. Гражданско-правовая ответственность в хозяйственных отношениях // Известия АН Казахской ССР. Серия обществ. наук. - 1984. - № 4.
4. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. - М., 1950.
5. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. - М.-Л., 1948.
6. Мамутов В.К., Один В.Я., Овсиенко В.В. Предприятие и материальная ответственность. - Киев, 1971.
7. Ойгензихт В.А. Юридическое лицо и трудовой коллектив. Сущность. Поведение. Ответственность. - Душанбе, 1988.
8. Почему дремлет госсектор? // Аргументы и факты. - 1988. - № 43.
9. Пугинский Б.И. Применение принципа вины при регулировании хозяйственной деятельности // Советское государство и право. - 1979. - № 10.
10. Пугинский Б.И. Правовые средства обеспечения эффективности производства. - М., 1980.
11. Советское гражданское право. - М., 1985. - Т. I.

РАЗМЕР И ПОРЯДОК ВЗЫСКАНИЯ НЕУСТОЙКИ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В.Л. Слесарев
г. Омск

На заседании Верховного Совета СССР в октябре 1987 года было указано, что в связи с массовым переводом предприятий на полный хозяйственный расчет возникает серьезная необходимость ускоренного пересмотра многих экономических санкций, введенных в периоды преимущественно административных методов управления народным хозяйством, разработки четкой концепции, позволяющей сделать экономические санкции действенным элементом хозяйственного механизма.

Как отметил в своем выступлении тов. С.А. Шалаев, в настоящее время действуют около 1200 экономических санкций за нарушение предприятиями тех или иных обязательств. И если экономические санкции за недопоставку продукции по договорам крайне важны и, возможно, что в новых условиях они должны быть еще более усилены, то многие другие просто противоречат здравой логике. Например, торговая организация при продаже обуви получает торговую скидку в свою пользу, составляющую 7,5 процента, а если по тем или иным причинам она вернет эту обувь обувной фабрике, то удержит с этой фабрики уже 30 процентов ее стоимости. Тов. С.А. Шалаев довел до сведения депутатов, что от трудовых коллективов поступает большое количество писем о несправедливости тех или иных штрафных санкций и о вызванных этим значительных потерях из хозрасчетных доходов, фондов /4/.

Экономические, статистические, социологические материалы полностью подтверждают положение о необоснованной дифференциации, несправедливости, в целом недостаточной эффективности действия экономических санкций в хозяйственных отношениях.

Конечно, вряд ли правильным будет утверждение, что главная причина неэффективности экономических санкций заключается в содержании санкций, в условиях и механизме их взыскания. Как известно, право не может быть выше экономики, зависит оно и от многих других факторов.

На наш взгляд, главным отрицательным фактором внешнего порядка, решающим образом влияющим и на эффективность экономических санкций, является крайне недостаточное использование товарно-денежных отношений в практике социалистического строительства. Недооценка товарно-денежных отношений неизбежно привела к необоснованному увеличению объема и значения субординационных отношений. Планирование и управление приобрели практически оперативный характер, доходя зачастую до степени мелочной опеки над основными товаропроизводителями — предприятиями и объединениями. Одновременно действия плано-управленческих органов как бы исключались из зоны критики, ответственности за допущенные дефекты в работе.

Неразвитость товарно-денежных отношений породила также отсутствие экономического соревнования товаропроизводителей, "карточное" материально-техническое снабжение, количественный и качественный дефицит продукции, диктат поставщика над потребителем, управленческого органа над поставщиком.

В этих условиях любые изменения в системе экономических санкций, вносимые в нее либо только предлагаемые, не могли вызвать коренных перемен в решении проблемы укрепления законности и правопорядка в хозяйственных отношениях.

Решения XXVII съезда партии, июньского Пленума ЦК КПСС (1987 года), Закон о государственном предприятии (объединении) во многом снимают необоснованные препятствия в использовании товарно-денежных отношений для ускорения социально-экономического развития страны.

Складывающиеся благоприятные внешние условия для действия экономических санкций как элемента товарно-денежных отношений позволяют сосредоточиться прежде всего на их внутренних проблемах.

Одной из актуальных, особенно обострившихся в условиях полного хозяйственного расчета и самофинансирования проблем, является вопрос о размере (объеме) штрафных санкций.

Формально размер неустойки в гражданском праве определяется двумя основными путями — установлением либо твердой денежной суммы, либо денежной суммы, исчисляемой в процентном отношении к стоимости неисполненного обязательства. По существу же на конкретную величину неустоек могут влиять, как отмечается в экономической и юридической литературе, два фактора: уровень компенсации взысканными санкциями причиненного кредитору ущерба и уровень репрессивного имущественного воздействия на неисправного должника.

Принимая во внимание, как правило, зачетный характер гражданско-правовых неустоек, оптимальным, казалось бы, следовало считать определение размера штрафных санкций объемом убытков, причиненных соответствующим правонарушением, поскольку это приведет к полной и взаимодополняющей корреляции восстановительного и репрессивного воздействия санкций. Очевидно, в этом случае противопоставление оценочной (компенсационной) и штрафной неустойки лишилось бы какого-либо значения, штрафная функция выражала бы отношение неустойки к должнику, а компенсационная — к убыткам кредитора /9, с. 103/.

Таким образом, с позиции комплексного, восстановительно-репрессивного характера штрафных санкций главной проблемой является вопрос приближения размера неустойки к причиняемым соответствующим правонарушением убыткам. Так, Р.А. Белоусов и В.И. Павлюченко отмечают, что некоторые санкции (например, штрафы за недопоставку продукции) исчисляются в определенном процентном отношении к ее стоимости. В результате на практике возникают ситуации, когда непоставка дешевых мелких деталей и комплектующих изделий, за которую изготовитель (поставщик) платит мизерный штраф, лихорадит крупное производство, вызывает значительный экономический ущерб. Поэтому размеры штрафов в подобных случаях следует поставить в прямую зависимость от нанесенного народному хозяйству или смежным производствам (потребителям) ущерба, включая неполученную прибыль /13, с. 19/.

По мнению Р.О. Халфиной, применение санкций в виде неустойки, благодаря своей определенности, является основной формой имущественных санкций. Однако необходимо, чтобы размер неустойки и условия ее взыскания были экономически обоснованы. В процессе совершенствования форм имущественной ответственности требуется приблизить размеры неустойки к размеру возмещения причиненных убытков /20, с. 107/.

До пределов, обеспечивающих возмещение убытков, предлагал повысить размер неустойки А.А. Травкин /19, с. 14/.

В.К. Мамутов считал, что поскольку санкции имеют компенсационное значение, постольку их размер должен устанавливаться на основе расчета среднего размера убытков /15, с. 45/.

К сожалению, возможности определения размера неустойки с учетом будущих убытков крайне ограничены. В большинстве же случаев объем убытков зависит от конкретной ситуации и "усреднению" не поддается /7, с. 23/.

Нельзя не учитывать и того, что многие правонарушения, за которые установлена штрафная ответственность, убытков не вызывают.

Таким образом, практика свидетельствует об ущербности подхода к неустойке как к заранее оцененным убыткам кредитора на случай неисполнения должником обязательства. Оценочная теория неустойки критиковалась и по принципиальным соображениям /10, с.119/.

Представляется, что действующая система экономических санкций, в том числе и неустойка, имеет в своей основе по крайней мере два показателя, влияющих на размер санкций, — степень (уровень) неисправности должника и значимость нарушенных общественных отношений.

Если степень неисправности должника определяется обычно суммой неисполненного обязательства, а также характером нарушения (формальное — обычное — грубое), то значимость нарушенных отношений выражается, как правило, в коэффициенте дифференциации санкций применительно к отдельным условиям хозяйственных договоров.

Указанные критерии размера штрафного воздействия имеют, на наш взгляд, серьезные недостатки. Первый из них выражается в том, что объем взыскания непосредственно не связан с уровнем, чувствительностью ущемления имущественных интересов предприятия-должника. В основном предприятия имеют различную прибыль, фонды экономического стимулирования, поэтому одинаковые по объему правонарушения лишь внешне вызывают равную по размеру ответственность. На самом же деле часть имущества предприятия, на которую обращается взыскание, а отсюда и уровень ущемления имущественных интересов неисправных должников, при одинаковой сумме неустойки, применяемой к различным организациям, могут отличаться качественным образом. Одна и та же неустойка может иметь разрушительное воздействие на маломощное предприятие и оказаться "незамеченной" предприятием-гигантом.

И если разрушительный характер воздействия штрафных санкций можно как-то предотвратить (в частности, установлением лимита средств, на которые обращается взыскание), то ситуация нечувствительности к санкциям устраняется лишь очередным повышением их размера. Между тем, беспредельное увеличение штрафных санкций приводит не только к неоправданной перекачке весьма значительных средств из одного государственного кармана в другой, но и к существенному в ряде случаев обогаще-

нию кредитора за счет должника.

Второй недостаток системы штрафных санкций, непосредственно связанный с их размерами, - множественность санкций. Если коэффициент штрафного воздействия определять спецификой нарушенного общественного отношения, то достигнутое количество разновидностей экономических санкций (1200) пределом не является.

Между тем дифференциация штрафных санкций в зависимости от характера нарушенных отношений вряд ли соответствует самой сути товарно-денежных отношений и их гражданско-правовой формы. Концепция приоритетов подвергается критике даже в экономической литературе. Так, Р.А. Белоусов и В.И. Павлюченко пишут: "Трудно согласиться с теми плановыми работниками и хозяйственниками, которые продолжают выделять из продукции, планируемой предприятиям, так называемую важнейшую. Имеется в виду то, что ее следует изготовить во что бы то ни стало, а остальное - по мере возможности. Появляется идеология приоритетов, которая на первый взгляд исходит из общегосударственных интересов. Но если подойти к этому вопросу более серьезно, то эта видимость исчезает. Разве в самолете, например, мотор важнее колес, а колеса важнее краски или резины для этой машины? Для сбалансированного и эффективного производства нужны не только металл, энергия, химия, но и многие миллионы так называемых мелочей" /13, с. 19-20/.

На наш взгляд, в основу определения размера неустойки, наряду со степенью неисправности должника, необходимо положить и объем его имущественного фонда, на который допускается обращение взысканий.

Подобное предложение, связывающее размер штрафных санкций с поощрительным фондом предприятия (объединения), уже высказывалось в литературе /21, с. 153/. Признается целесообразным ввести штраф-норматив, размер которого можно определить по формуле $S = \frac{\Phi_c \cdot 100 \cdot K}{M}$, где Φ_c - сумма поощрительного фонда, в пределах которого осуществляется стимулирование; M - максимальный объем нарушений; K - коэффициент дифференциации по тому или иному условию договора.

Следует подчеркнуть, что размер штрафа по этой формуле определяется не всей суммой поощрительного фонда, а его частью. Верхняя граница этого фонда обусловлена местом показателя деятельности предприятия как поставщика среди других стимулирующих показателей. Нижняя граница препятствует возможному перекрытию воздействия на фонды по данному показате-

лю за счет других стимулирующих показателей.

Максимальный объем нарушений определяется статистическим путем по одному из предшествующих периодов (в стоимостной форме). В данном случае ставится задача - достичь улучшения этого показателя по сравнению с существующим.

Коэффициент дифференциации позволяет учитывать в размере штрафа различия в степени требуемого стимулирования выполнения того или иного условия договора (срок поставки, ее комплектность, качество и т.п.), а также степень важности конкретных договорных связей (поставка продукции для пусковых строек, в районы Крайнего Севера и т.п.).

Несмотря на критику указанного предложения /6, с. 100/, ценность главного положения - соизмерения размера возмещения с объемом объекта взыскания, оспорить не удалось. Вместе с тем конкретная реализация данной идеи через соотнесение размера штрафных санкций с объемом поощрительного фонда не представляется нам бесспорной.

Дело в том, что предложенная конструкция базируется на принципе коллективной ответственности (объект взыскания - поощрительный фонд коллектива), который при наличии конкретных виновников в неисполнении договорных обязательств, очевидно, не в полной мере соответствует требованиям социальной справедливости.

Мы полагаем, что размер неустоек необходимо сопоставлять не с прибылью предприятия или его поощрительными фондами, а с заработной платой работников, ущемление которой - наиболее чувствительный и действенный фактор стимулирующего воздействия на конкретного виновника допущенного нарушения. Суммы штрафных санкций, выходящие за рамки указанного объема, не только не выполняют стимулирующей функции, но и оказываются практически формой безвиновной ответственности, как правило, большинства членов трудового коллектива.

Вместе с тем следует заметить, что существующий в настоящее время механизм реализации санкций не рассчитан на применение их в существенно уменьшенных размерах. Ответственность по цепочке предприятие - внутреннее подразделение - работник в силу своей многоступенчатости, неоперативности, отсутствия необходимых стимулов "перемещения" взысканных сумм приводит в лучшем случае к растворению индивидуальной ответственности в коллективной, но чаще - к фактической безответственности конкретных виновников /3, с. 157/. Единственная альтернатива - принцип персональной ответственности за допущенные правонарушения.

В юридической литературе высказывались различные предложения об индивидуализации гражданско-правовой ответственности в хозяйственных отношениях. Наиболее радикальна концепция, согласно которой в арбитражном процессе одновременно с разрешением споров между предприятиями необходимо устанавливать вину конкретных лиц и возлагать на них ответственность применительно к материальной ответственности рабочих и служащих. Например, Н.С. Малеин отмечает, что в настоящее время вопросы ответственности предприятий и имущественной ответственности конкретных виновных лиц данного предприятия настолько оторваны в своем решении друг от друга (временем, различной подведомственностью), что в подавляющем большинстве случаев второй вопрос остается нерешенным /II, с. 107/. Между тем, как считает автор, в конечном счете причины неисполнения обязательств, если они являются следствием вины предприятия, а не объективных обстоятельств, кроются в неправильных виновных действиях (бездействиях) тех или иных работников предприятия. Выяснения последнего вопроса и должно было бы стать главной задачей арбитража с точки зрения укрепления хозяйственной дисциплины, устранения и предупреждения правонарушений /I2, с. 5/.

Практически не этих же позициях стоит Е.В. Анисимов, полагающий, что при разрешении споров нельзя ограничиваться лишь констатацией фактов выявления недостатков, нарушений государственной дисциплины, закона. Необходимо устанавливать лиц, виновных в допущенных нарушениях, и вносить конкретные предложения по устранению выявленных недостатков /I, с. 78/. По мнению Ф.Л. Рабиновича, действия организации во исполнение договорных обязательств должны проверяться не отвлеченно, а через поведение работников, ответственных за выполнение данного обязательства. Коллективная материальная ответственность предприятия, организации как субъекта советского социалистического права должна вытекать из вины и ответственности его должностных лиц и работников. Поэтому вопросы об индивидуальной и коллективной имущественной ответственности за правонарушения в области хозяйства, когда это возможно по обстоятельствам дела, должны решаться одновременно, в одном арбитражном процессе /I6, с. 166/.

Справедливость данной концепции вызывает серьезные сомнения, и не столько потому, что может снизиться уровень гарантий законных интересов граждан /2, с. 9; 6, с. 103/, сколько с точки зрения возможности ее практической реализации. Про-

цесс чрезвычайно затянется, лишившись такого важного качества как оперативность; потребуются привнесение в деятельность арбитража многих элементов судебного производства. Кроме того, и это главное, выяснение причин и конкретных виновников неисполнения обязательств, принятие мер, способствующих устранению отрицательных факторов, — внутренняя функция предприятий и объединений. Вынесение еще и ее под внешний контроль, при наличии и иных административных инстанций, вряд ли соответствует духу демократизации в сфере хозяйственных отношений.

В литературе высказано, наконец, мнение о необходимости предоставить арбитражу (органам народного контроля) право налагать прямую ответственность за нарушение хозяйственных обязательств лишь на должностных лиц предприятий (объединений), которая, как предлагает, например, И.Н. Петров, заменит существующую систему штрафных санкций /17, с. 50; 5, с. 8; 8, с. 504; 14, с. 175/.

Основное возражение против предложенной идеи — невозможность замены ответственности хозяйственных органов ответственностью должностных лиц. Г.С. Гуревич, например, считает, что такая ответственность противоречит принципам хозяйственного расчета и эквивалентно-возмездному характеру отношений хозяйственных организаций. В частности, трудно предположить, чтобы сумма взыскиваемых с непосредственных виновников сумм способна была выполнить функции штрафных санкций, особенно когда дело касается поставки дорогостоящей продукции и товаров /6, с. 116/. По мнению других авторов, такая модификация ответственности нецелесообразна еще и потому, что при существующем разрыве во времени между нарушением и применением санкций, индивидуальных виновников, особенно на крупных предприятиях, трудно установить /21, с. 240/.

Не представляется возможным согласиться со всеми указанными замечаниями. Нельзя, например, безоговорочно принять тезис о подмене субъектов ответственности, поскольку вина юридического лица — это прежде всего вина его органа. Не противоречат высказанные положения и принципам хозяйственного расчета, так как речь в них идет не о компенсации ущерба, а о штрафной функции экономических санкций. Между тем стимулирование, например, своевременной поставки дорогостоящей продукции совсем не обязательно должно осуществляться суммами, многократно превышающими оклад должностных лиц.

Вместе с тем и указанная концепция не свободна от недо-

статков как теоретического, так и практического порядка. На наш взгляд, здесь недооценивается вина работников, не являющихся должностными лицами, как элемент вины юридического лица. Предлагаемый хозяйственный штраф, если он будет применяться наряду с действующей системой гражданско-правовых санкций, не снимет проблему эффективности последних. Замена же существующих гражданско-правовых санкций предлагаемой вряд ли возможна, поскольку не определен ни размер, ни стимулы этой меры. Например, И.Н. Петров говорил о целесообразности взыскания в бюджет той или иной незначительной суммы за счет виновного: сознание, что в случае допущения правонарушения обязательно последует взыскание в размере 10 рублей значительно более важно, чем предложение возможности с крайне малой степенью вероятности взыскания за те же нарушения 40-50 рублей. Причем, по его мнению, размер подлежащей взысканию суммы в каждом конкретном случае мог бы определять арбитраж исходя из установленных законом пределов, серьезности правонарушения и возможного круга виновных лиц /14, с. 176/.

По нашему мнению, такая практически абсолютно неопределенная санкция вряд ли способна сыграть существенную роль в укреплении договорной дисциплины. Кроме того, предлагаемое обращение этой санкции в доход государства фактически исключило бы кредитора из инициаторов заявления подобных требований, а установление "принудительных" стимулов для ее взыскания противоречило бы тенденции превращения хозяйственно-договорных отношений в саморегулирующуюся систему.

Мы полагаем, что размер и связанный с ним порядок взыскания неустоек может быть регламентирован примерно следующим образом.

Учитывая среднемесячный размер заработной платы населения страны, а также используя по аналогии установленный законодательством лимит фонда материального поощрения, облагаемого санкциями (20 процентов планового размера этого фонда), размер неустойки, взыскиваемой за нарушение хозяйственных обязательств, можно было бы определить в сумме 50 рублей. Данная неустойка должна взыскиваться арбитражем с руководителя предприятия, действующего в качестве органа юридического лица. Такое положение полностью соответствует ч. 1 статьи 28 ГК РСФСР, согласно которой юридическое лицо приобретает права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в пределах прав, предоставлен-

ных им по закону и уставу (положению).

Поскольку степень вины руководителя в невыполнении обязательства может быть различной, следует установить правило, согласно которому в месячный срок после вынесения соответствующего решения комиссия по непроизводительным расходам может до 90 процентов определенной к взысканию суммы возложить на конкретных виновников. Причем объем взысканий штрафных санкций с виновных лиц не должен превышать, на наш взгляд, 20 процентов их заработной платы. Суммы неустоек, превышающие эти пределы, должны обращаться на поощрительные фонды либо на хозяйственный доход в целом.

Нормативно-определенная неустойка в размере 50 рублей в процессе правоприменения может быть дифференцирована в зависимости от степени неисправности должника в сторону повышения или понижения.

Основанием для повышения неустойки, например, до 100 рублей, может быть грубое нарушение обязательств. Арбитражная практика, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 27 октября 1967 года, выработала условия такой ответственности, которые в принципе могут быть применены и в данном случае. Согласно инструктивному письму Государственного арбитража СССР от 28 декабря 1967 года грубым нарушением условий договора следует считать, в частности, неоднократное нарушение обязательств, причинение невыполнением обязательств существенного ущерба кредитуру и народному хозяйству, умышленное нарушение договора, а также непринятие стороной мер к предотвращению или уменьшению ущерба в связи с ненадлежащим исполнением обязательств /И8, с. 58/.

Таким образом, по сравнению с действующей системой повышенной ответственности предлагается взыскивать неустойки, исходя из их незначительности, в двукратном размере, с направлением взысканных сумм в пользу истца.

Согласно п. 16 того же инструктивного письма снижение арбитражем размера имущественных санкций может иметь место лишь в исключительных случаях, в частности, с учетом заслуживающих внимания интересов сторон, степени выполнения обязательств, причин ненадлежащего выполнения обязательств, незначительности просрочки в выполнении обязательств.

Поскольку случаи невыполнения обязательств должником, зависящие не только от его вины, но и от других факторов (действия кредиторов либо иных лиц, другие объективные обстоятельства), а также по сути формальные нарушения (незна-

тельность просрочки, устранение последствия до рассмотрения дела в арбитраже и прочее) имеют довольно широкое распространение, не следует, очевидно, трактовать право арбитража на снижение ответственности как исключительное.

На наш взгляд, предложенный размер неустойки и ее правоприменительная дифференциация могут быть закреплены в качестве общего правила для случаев нарушения хозяйственных обязательств, что не исключает в особых случаях и иной регламентации указанных отношений.

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

1. Анисимов Е.В. Роль арбитража в новых условиях хозяйственного управления // Сов. гос-во и право. - 1967. - № 2.
2. Быков А. Имущественные санкции и материальная ответственность работников // Сов. юстиция. - 1968. - № 9.
3. Варул П. Проблемы реализации договорной ответственности хозорганов через материальную ответственность рабочих и служащих // Правовое обеспечение договорной и трудовой дисциплины. - Вильнюс, 1984.
4. Выступление председателя ВЦСПС депутата Шалаева С.А. // Известия. - 1987. - 20 октября.
5. Гилькнер Е. Вина как условие ответственности по договору поставки // Советская юстиция. - 1966. - № 6.
6. Гуревич Г.С. Санкции за нарушение планово-договорных обязательств в народном хозяйстве. - Минск: 1976.
7. Ильина К.М. Непроизводительные расходы в производстве: Автореф. дис... канд. наук. - Минск, 1969.
8. Каллистратова Р.Ф. Государственный арбитраж (проблемы совершенствования организации и деятельности): Дисс. докт. юрид. наук. - М., 1972.
9. Краснов Н.И. Реальное исполнение договорных обязательств между социалистическими организациями. - М., 1959.
10. Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. - М., 1968.
11. Малеин Н.С. Об ответственности за неисполнение обязательств // Сов. гос-во и право. - 1965, - № 7.
12. Малеин Н. О личной имущественной ответственности за нарушение хозяйственных обязательств // Сов. юстиция. - 1968. - № 6.
13. Ответственность в системе управления (вопросы теории и практики). - М., 1987.

14. Петров И.Н. Ответственность хозорганов за нарушения обязательств. - М., 1974.
15. Проблемы ответственности хозяйственных органов в новых условиях планирования и экономического стимулирования промышленного производства. - Донецк, 1967.
16. Рабинович Ф.Л. Вина как основание договорной ответственности предприятия. - М., 1975.
17. Ринг М.П. Текст выступления // Учен. зап. / ВНИИСЗ. - 1966. - Вып. 7.
18. Систематизированный сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР. - М., 1983.
19. Травкин А.А. Неустойка в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1968.
20. Халфина Р.О. Право и хозрасчет. - М., 1975.
21. Экономические санкции и дисциплина поставок. - Киев, 1976.

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО НОВЫМ ДОГОВОРНЫМ ФОРМАМ ОБСЛУЖИВАНИЯ

Э.Л. Плом
г. Тарту

Качественно новые задачи развития обслуживания поставил XXУП съезд КПСС, требуя как можно быстрее создать современную сферу услуг, принять решительные меры для ликвидации резкой диспропорции между спросом на услуги и их предложением /1, с. 47/. Для осуществления указанных программных направлений уточнены и конкретизированы основные задачи - коренным образом улучшить качество услуг и культуру обслуживания населения, расширить сеть, совершенствовать организацию работы предприятий и учреждений сферы услуг /3, с. 53/.

Осуществление намеченных мер, направленных на улучшение качества и расширение ассортимента выпускаемых товаров, внедрение прогрессивных форм обслуживания и расширения услуг в торговле и общественном питании, в бытовом, жилищно-коммунальном, транспортном, туристском и др. обслуживании наряду с развитием отраслей народного хозяйства созданием и непосредственным занятием обслуживанием населения, требует создания и внедрения принципиально новых форм обслуживания и ряда организационных изменений. В качестве таких форм необходимо отметить прежде всего привлечение к оказанию услуг предприятий и организаций министерств и ведомств, независимо от их назначения и характера основной деятельности. В таком порядке выполняются заказы гражданам на строительные и ремонтные работы, на выпашку земель приусадебных участков, на ремонт и техническое обслуживание оборудования, на транспортные и другие услуги.

Хорошая перспектива открылась для развития и расширения услуг, предоставляемых гражданам на основе различных договоров. Так, в конце 1987 года в нашей республике работали 208 кооперативов обслуживания, которые в течение прошедшего года оказали различных услуг населению на сумму более 2,5 миллиона рублей 7/. Но дело не в цифрах и не в процентах выполнения плана и даже не в показателях темпа роста оказываемых платных услуг. До сегодняшнего дня никто не знает и не исследует объемов реальных нужд в различных услугах, которые пол-

ностью удовлетворяли бы потребности населения. Кооперативы обслуживания и все другие новые формы обслуживания населения развиваются, но, к сожалению, еще вяло и робко, вследствие чего в привилегированном положении продолжают оставаться организации (предприятия) обслуживания.

Нам представляется преждевременным утверждение о том, что в настоящее время эта монополия организации обслуживания в известной мере нарушена конкуренцией граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью в сфере бытового обслуживания, — так называемых "шабашников", что на практике приводит к падению спроса на услуги, предоставляемые организациями /4, с. 93/. Социалистические организации службы быта обладают определенной монополией на оказание соответствующих услуг гражданам и благодаря наличию необходимой материально-технической базы сохраняют свое привилегированное положение. При этом важным обстоятельством, служащим сохранению ими своих привилегий перед кооперативами обслуживания и гражданами, работающими на основе индивидуальных договоров, является в первую очередь то, что кооперативы и граждане работают на основе договоров при организациях обслуживания, причем последними осуществляется их материально-техническое снабжение. Организации сферы обслуживания поддерживают кооперативы и работу граждан на основе договоров лишь исходя из собственных интересов и собственной выгоды и лишь до тех пор, пока они не представляют реальной опасности, т.е. не становятся конкурентами. Так, министерство обслуживания получило по договорам на транспортное обслуживание, заключенным с владельцами личных автомашин, более миллиона рублей за год, при этом без каких бы то ни было затрат со своей стороны (если не учитывать работу, связанную с оформлением договора), а так называемые "частники" не имеют права останавливаться на стоянках для такси, они обслуживают пассажиров, так сказать, во второй очереди, то есть тогда, когда государственных таксомоторов на стоянке нет.

Из вышеизложенного вытекает ряд проблем между организациями обслуживания и кооперативами того же профиля или гражданами, оказывающими услуги на договорных началах.

В рамках настоящей статьи нас интересуют основные проблемы защиты интересов и прав потребителей услуг, то есть граждан. Исходя из интересов граждан необходимо отметить, что мы заинтересованы в том, чтобы предлагаемые нам услуги по количеству и спектру выбора удовлетворяли наши потребности и чтобы

мы имели возможность сами выбирать исполнителя нашего заказа исходя из таких важных моментов как материалы (сырье), срок исполнения, цена и др. Поэтому поддержку должны получить все предложения, направленные на расширение различных услуг, а также на создание и внедрение различных новых форм обслуживания. Таковыми являются, например, предложения А. Валма по развитию транспортного обслуживания. На основе внедрения закона об индивидуальном труде А. Валма предлагает пользоваться для таксомоторного обслуживания личными автомобилями и другими транспортными средствами в различных формах. Он предлагает такую форму обслуживания как индивидуальное такси (собственник индивидуального транспортного средства оказывает населению платные транспортные услуги на основе регистрационного свидетельства финотдела горисполкома), патентное такси (собственник автомобиля оказывает услуги на основе патента), договорное такси (основой является договор, заключенный между собственником машины и организацией обслуживания), кооперативное такси (владельцы собственных машин создают сообща кооператив), перевозка пассажиров по маршруту движения собственника машины (пассажиры пользуются машиной как маршрутным такси) и, наконец, использование собственных транспортных средств (легковой автомобиль с прицепом) для перевозки легких грузов (300-400 кг) граждан /9, с. 77-79/.

Практическое развитие получили и многие другие формы обслуживания. На договорных основах трудятся многие работники обслуживания, созданы различные кооперативы обслуживания и т.д. При этом следует отметить, что качество обслуживания населения значительно лучше в тех случаях, когда услуги оказываются работниками, обслуживающими граждан на договорных началах, или членами кооперативов обслуживания. Это свидетельствует в пользу развития новых форм обслуживания, актуализируя тем самым потребность в расширении оказываемых услуг и улучшении качества обслуживания.

Развитие и укрепление системы обслуживания позволяет полнее удовлетворять потребности населения в услугах. Но при этом появление и развитие различных новых форм обслуживания как положительный процесс должен гарантировать защиту прав заказчиков и обеспечивать регулирование отношений между заказчиком и исполнителем заказа в интересах обеих сторон. Для достижения намеченных целей необходимо установить хотя бы в принципе содержание возникающих между субъектами обязательств. Прежде всего встает вопрос о правах и обязанностях

заказчика и исполнителя заказа. К сожалению, все акты и другие материалы, касающиеся проблем создания новых форм обслуживания, ограничиваются лишь установлением хозяйственных и организационных моментов и регулируют в общем порядке отношения между кооперативами и индивидуальными работниками, с одной стороны, и организациями обслуживания, при которых они созданы или работают, — с другой. Отношения кооперативов и индивидуальных работников с заказчиками специально не регулируются и конкретно, как правило, не установлены.

Распространение правил обслуживания, нацеленных на регулирование отношений, возникающих между субъектами новых форм обслуживания, является недостаточным. Дело в том, что действующие нормативные акты, в частности, ведомственные, не охраняют имущественных прав граждан-заказчиков, вследствие чего в определенной части регулирование отношений в сфере бытового обслуживания в последние годы существенно ухудшилось. Если ранее в некоторых Правилах обслуживания была конкретно установлена, например, мысль об ответственности организации перед заказчиком, то "Единые правила" /2/ вопросы ответственности по существу обходят /5, с. 144-145/. Они устанавливают лишь принцип, по которому предприятие гарантирует соответствие качества выполненных бытовых услуг и работ требованиям действующей нормативно-технической документации, строгое соблюдение установленных сроков выполнения бытовых услуг и работ, сохранность принятых от заказчика вещей, материалов (п. 5.1 Единых правил). Однако, о чем неоднократно свидетельствовала практика, предприятия бытового обслуживания ничего подобного не гарантируют, вследствие чего гарантирование осталось лишь чистой декларацией. Поскольку "Единые правила" конкретной ответственности за нарушение вышеизложенного гарантирования не устанавливают, то никакой материальной ответственности предприятия практически не несут.

В связи с появлением все новых форм обслуживания вопрос об ответственности перед заказчиком приобретает особое значение в силу того, что услуги гражданам оказывает не социалистическое предприятие обслуживания (или предприятие народного хозяйства, для которого подобная функция носит побочный характер), а лишь маленький кооператив обслуживания или просто гражданин, работающий на основе соответствующего договора или патента. Их экономический потенциал неизмеримо меньше, а возможности гарантирования охраны имущественных прав заказчика явно неодинаковы. Из этого реально-экономического об-

стоятельства возникает вопрос о необходимости регулировать отношения между субъектом, оказывающим те или иные услуги, и заказчиком.

Дело в том, что распространение действия ведомственных и других законодательных материалов, регулирующих отношения по обслуживанию, в определенных случаях является лишь частичным, а порой и формальным решением проблемы защиты прав и интересов заказчика. Неоднократно доказывалось, что действующие правила и типовые договоры обслуживания во многом голословны и не содержат в себе необходимых для предприятия обслуживания обязанностей, а "Единые правила", как мы убедились выше, вопрос об ответственности принципиально обходят. Выясняется, что в 1985 году заказчики предъявили предприятиям системы обслуживания всего 762 жалобы, то есть в среднем 2,3 жалобы в адрес каждого предприятия за месяц. Естественно, что заказчики пишут заявления отнюдь не на каждый конфликт - многие из них регулируются в оперативном порядке /8, с. 93-94/.

Отношения кооперативов и индивидуальных работников со своими заказчиками требуют более полного и конкретного регулирования. Если в штатах предприятий обслуживания работают юристы, бухгалтеры, экономисты и другие специалисты, знающие правила обслуживания и способные понимать содержание различных правил, то мелкие кооперативы обслуживания такими специалистами не располагают, а индивидуальный работник является мастером по своей специальности. Поэтому необходимо разработать правила, которые регулировали бы отношения с заказчиками детально и в полном объеме. Важное место в этом должны занять вопросы ответственности сторон.

Можно отметить, что граждане иногда не представляют себе всех возможных последствий своей деятельности и не понимают своей ответственности по действующему законодательству. Так, например, граждане на договорных началах изготавливали фигурные свечи и продавали их на улице. При проверке выяснилось, что при изготовлении были нарушены элементарные требования - ввиду отсутствия дефицитных специальных красок использовали обычные краски, купленные в магазине. В процессе горения изготовленные таким путем свечи при определенной температуре выделяют ядовитый газ, опасный для человека. Нетрудно представить себе все возможные весьма тяжкие последствия изготовления на продажу таких фигурных свечей и сложность проблемы ответственности изготовителей перед постра-

давшими или даже перед их наследниками.

Отношения, возникающие между кооперативами обслуживания, индивидуальными работниками, оказывающими услуги, с одной стороны, и заказчиками, — с другой, необходимо рассматривать как обычные отношения подряда. Следовательно, все споры, возникающие между сторонами по исполнению заказа, и вопросы об ответственности сторон, разрешаются не по различным правилам бытового обслуживания, а соответственно по статьям ГК о договоре подряда (глава 30 ГК ЭССР). Кооперативы и индивидуальные работники выполняют заказы качественно и в установленные сроки, поэтому претензий против них пока не имеется. Являясь мастерами своего дела и не будучи непосредственно связанными с гонкой производственного плана, кооперативы и индивидуальные работники могут работать и выполнять заказы соответственно требованиям закона по договору подряда. Они не нуждаются в льготах, установленных разными ведомственными актами для предприятий системы бытового обслуживания. С другой стороны, ясность в отношениях, обеспеченная нормами ГК о договоре подряда, является определенной гарантией защиты интересов заказчика. Если исходить из статей ГК, определяющих порядок составления сметы, порядок выполнения работ из материала подрядчика или заказчика, обстоятельства, о которых подрядчик обязан предупредить заказчика, права заказчика во время выполнения работ и его права в случае нарушения договора подрядчиком, риск случайной гибели или порчи материалов и т.д., то его права и интересы охраняются в ходе выполнения заказа несомненно лучше, чем разными правилами обслуживания.

Практически было бы целесообразно создать возможность для ознакомления заказчиков с правами и обязанностями обеих сторон договора подряда. Это, несомненно, способствовало бы повышению чувства ответственности кооперативов и индивидуальных работников и являлось бы существенным гарантом привлечения клиентуры.

Но иногда отрицательные последствия могут наступить по случайным причинам. Правовое регулирование должно обеспечить защиту интересов заказчика и в таких случаях. В подрядных отношениях установлено, что подрядчик обязуется выполнить определенную работу на свой риск (ст. 355 ГК ЭССР), а риск случайной гибели или случайной порчи материалов несет сторона, представившая материал (ст. 362 ГК ЭССР). Таким образом, определена и применяется на практике ответственность сторон.

Вопрос об ответственности остро возникает в отношениях

по транспортным услугам. Статья 458 ГК ЭССР определяет, что организация и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (транспортные организации, собственники автомобилей и т.п.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если они не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Так возмещается вред сотнями собственников автомобилей, в том числе и таксомоторных предприятий как собственниками легковых автомашин. Вследствие этого вред возмещается полностью, в частности, и в случае повреждения здоровья или смерти потерпевшего. Нет сомнения в том, что имущественное положение транспортных и иных организаций обеспечит возмещение вреда всем потерпевшим — и пассажирам, и всем посторонним лицам. Но проблема возмещения вреда возникает в случаях, когда транспортные услуги оказываются собственниками личных транспортных средств на основе договора, заключенного с предприятием обслуживания или на основе приобретенного патента.

Договором собственник легкового автомобиля обязуется возить пассажиров, оказывая при этом услугу качественно и культурно, гарантируя надлежащее техническое состояние машины, выполнение правил уличного движения и т.д. Следовательно, он как собственник транспортного средства сам полностью несет ответственность за причиненный вред. Договор, заключенный с предприятием обслуживания, или выданный патент не изменяет статуса собственника машины, вследствие чего он сам несет ответственность перед пассажиром. С этим все ясно, но положение пассажира, пользующегося услугами такси транспортного предприятия или индивидуального собственника, явно неодинаково. В первом случае права и интересы пассажира при причинении ему вреда обеспечены и гарантируются имущественным положением юридического лица безусловно, в остальных случаях возмещение пассажиру нанесенного ущерба зависит от имущественного положения гражданина, транспортными услугами которого пассажир пользовался. Причинение вреда пассажиру в таких случаях происходит обычно в аварийных ситуациях, в ходе которых страдает не только пассажир, но и сам собственник машины, что выражается в повреждении его здоровья или даже в его смерти.

Потерпевший пассажир может оказаться в безвыходном положении, выражающемся в том, что либо ему не с кого требовать возмещения причиненного вреда, либо размер возмещения

ущерба уменьшается судом, который учитывает имущественное положение причинителя (ч. 2 ст. 462 ГК ЭССР). Ясно, что создав возможность собственникам личных автомашин оказывать населению транспортные услуги, закон должен предусматривать правовые гарантии для обеспечения прав и интересов граждан, пользующихся таким видом транспортных услуг, на таком же уровне и в той же мере, которые имеют место в аналогичной ситуации при пользовании обычными таксомоторами.

Каков же реальный выход? Кажется, что единственный выход из создавшейся ситуации — страхование гражданской ответственности собственников индивидуальных транспортных средств, если они пользуются своими личными машинами для перевозки пассажиров на основе договора или патента. Идея страхования гражданской ответственности собственников автотранспортных средств в советской юридической литературе отнюдь не нова, до сих пор она имеет своих сторонников и своих противников. В ряде социалистических стран имеется практика страхования ответственности. Суть такого страхования гражданской ответственности состоит в том, что потерпевшим в автодорожных авариях гарантируется возмещение вреда за счет фонда Госстраха, который формируется из взносов собственников автотранспортных средств /6, с. 189/. Возможность возмещения вреда за счет фонда Госстраха независимо от имущественного положения собственника автотранспортного средства как источника повышенной опасности в силе защитить имущественные права потерпевшего. Проблема целесообразности установления порядка страхования гражданской ответственности собственников индивидуальных транспортных средств отпадает и становится реальным требованием жизни для тех случаев, когда индивидуальная автомашина используется для перевозки пассажиров на основе договора или патента; страхование гражданской ответственности в названных случаях должно проводиться в обязательной форме. Обязательная форма страхования позволяет охватить всех собственников индивидуальных автомобилей, пользующихся своим личным транспортом для перевозки пассажиров на основе договора или патента.

Как показывает практика (хотя и кратковременная), собственники личных машин, которые занимаются перевозкой пассажиров на основе договора или патента, являются активными и внимательными шоферами и, как правило, автодорожные аварии с ними почти не происходят. Однако это обстоятельство не может служить основой для возражений против организации страхования гражданско-правовой ответственности, оно лишь является

гарантией рентабельности такого вида страхования для органов Госстраха. За органами Госстраха сохраняется несомненное право взыскивать со страхователя в случаях виновного причинения вреда в порядке регресса выплаченные потерпевшим суммы. Таким образом, страхование гражданской ответственности в данной обстановке приобретает образ страхования риска случайного невиновного причинения ущерба. В этом и заключается сочетание общественных и личных интересов граждан при применении новых форм обслуживания.

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

1. Материалы XXУП съезда Коммунистической партии Советского Союза. - М., 1986.
2. Единые правила бытового обслуживания: Утверждены приказом Министерства бытового обслуживания Эстонской ССР от 9 июня 1980 г. № 124 // Сов. право. - 1980. - № 5.
3. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года. - М., 1986.
4. Павлова Е.А. Законодательство о бытовом обслуживании населения и вопросы его совершенствования // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды ВНИИСЗ. - М., 1986.-Вып. 34.
5. Плом Э.Л. О защите прав граждан - заказчиков по договорам бытового обслуживания // Учен. зап. / Тартуский ун-т. - Тарту, 1987. - Вып. 782.
6. Шминова М.Я. Государственное страхование в СССР. Правовые вопросы. - М., 1987.
7. Mark A. Elvas räägiti teenindusest // Edasi.- 21.01. 1988.
8. Otema A. Tellijate poolt esitatavatest kaebustest // Elutarbelise teeninduse efektiivsus ja kvaliteet: Teaduslik-praktilise konverentsi ettekannete teesid. - Tallinn, 1987.
9. Valma A. Individuaalautode kasutamise yõimalusi transporditeeninduse kvaliteedi tõstmiseks // Elutarbelise teenindamise efektiivsus ja kvaliteet: Teaduslik-praktilise konverentsi ettekannete teesid. - Tallinn, 1987.

О СООТНОШЕНИИ ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ПРОТИВОПРАВНОСТИ ПО ДЕЛИКТНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

А.К. Губаева

г. Орджоникидзе

Одним из принципов деликтной ответственности является принцип генерального (общего) деликта, суть которого, как известно, состоит в предположении противоправности причинения ущерба до тех пор, пока причинивший вред не докажет обратного. Действие принципа генерального деликта законодательно обуславливает определенное соотношение общей и специальной противоправности как условий ответственности.

Положительная или отрицательная гражданско-правовая окраска совершенного деяния зависит от действия общих и специальных норм, запрещающих причинение имущественного вреда. С противоправности поведения можно судить с точки зрения нарушения объективного и субъективного права. Само нарушение субъективных гражданских прав при причинении имущественного вреда ведет к нарушению объективно-правовых запретов. Отсюда можно заключить, что существует два уровня противоправности. На уровне "субъективной" противоправности оказывается нарушенным субъективное право, а вместе с ним и соответствующее правоотношение. Нарушение правоотношения как охраняемого объективным правом общественного отношения предполагает переход ко второму уровню - противоправности "объективной".

На уровень "субъективной" противоправности обращалось внимание в науке русского гражданского права. Так, Д.И. Мейер утверждал, что "под нарушением права разумеется юридическое действие, направленное со стороны его автора к стеснению другого лица в осуществлении права" /3, с. 157/. Если право рассматривать как "достояние" отвлеченного субъекта" (то есть как элемент правоспособности), то такое право "недостигаемо для нарушения, а подвергается нарушению только осуществление права, в котором выражается внешнее его проявление" /3, с. 158/. Речь, как мы видим, идет о субъективном праве, существующем и реализуемом в правоотношении. По мне-

нию Мейера, противоправное действие, как и всякое другое юридическое действие, предполагает в деятеле волю, направленную к совершению действия, в виде умысла или неосторожности /3, с. 158/. Это утверждение неразрывно связано с основанием гражданско-правовой ответственности и касается двух понятий — противоправности и вины.

Гражданская противоправность может иметь место и при отсутствии вины, но вина без противоправности теряет юридическое значение. К примеру, А., управляя автомобилем "Москвич" в присутствии собственницы П., произвел столкновение с автомашиной "ВАЗ". Последняя, в свою очередь, столкнулась с автомашиной "Фиат", принадлежащей Х. В результате происшествия истцу Х. был причинен ущерб на сумму 924 руб. Решением суда было установлено "болезненное состояние" А. в момент причинения ущерба. Вследствие потери сознания А. автомобиль "Москвич" некоторое время оставался неуправляемым. Сама по себе констатация факта "болезненного состояния" не имеет юридического значения. Закон оперирует понятием невменяемости и определяет его с учетом не только медицинского, но и юридического критериев. Недостаточная полнота исследования обстоятельств, характеризующих виновность или невиновность А., объясняется тем, что в соответствии со статьей 454 ГК РСФСР лицом, ответственным за причинение ущерба, является П. как владелец источника повышенной опасности. Статья 454 ГК РСФСР устанавливает ответственность за причинение вреда независимо от вины. С позиции гражданского права причинение ущерба Х. является противоправным независимо от того, виновны ли П. как владелец источника повышенной опасности или А. как лицо, управлявшее автомашиной, в совершении этого противоправного деяния. Вина непосредственного причинителя ущерба могла бы иметь юридическое значение лишь в уголовно-правовом аспекте. Если же А. нарушил правила безопасности движения в состоянии невменяемости, то это исключает уголовную противоправность содеянного. В уголовно-правовом смысле причинение ущерба Х. будет юридически индифферентным обстоятельством.

В приведенном примере уголовно-правовой запрет не был нарушен, поскольку поведение А. при отсутствии его вины не характеризовалось уголовной противоправностью. Гражданская противоправность как элемент состава гражданского правонарушения, напротив, имеет место и при отсутствии вины, то есть и в тех случаях, когда гражданско-правовая ответственность наступает независимо от вины. Действия, невиновные в пред-

усмотренных законом случаях, являются противоправными именно потому, что за их совершение установлена гражданско-правовая ответственность. По мнению Г.К. Матвеева, наоборот, действия могут быть противоправными и не вызывать ответственности именно потому, что они не являются виновными /2, с. 22/. Оба утверждения правильны и взаимно дополняют друг друга, поскольку в первом противоправность понимается на "объективном" уровне, а в другом - на "субъективном".

Следует согласиться с тем, что вывод о противоправности поведения субъекта в известном смысле произведен от решения вопроса о причинении им вреда.

Состав общего деликта не содержит признаков, детализирующих гражданскую противоправность деяния, причинившего ущерб. Уровень "субъективной" противоправности содеянного определяется по его вредоносному результату /1, с. 18/, а "объективной" - по нарушению правового запрета причинять вред, сформулированному в общем виде. По нормам деликтного законодательства квалификация содеянного по противоправному действию имеет место только в тех случаях, когда ответственность за причинение ущерба предусмотрена специальными нормами о деликтной ответственности. Если закон конкретизирует противоправность поведения обстоятельствами, указывающими на субъектов причинения и способы последнего, квалификация осуществляется по признаку противоправности деяния. Юридическое значение, как правило, имеют все традиционные элементы состава правонарушения, но для точного установления элементов состава специального деликта в содеянном особое значение приобретает противоправность поведения (действия, бездействия).

Такое положение закономерно. Оно отражает важную особенность возникновения и развития гражданских правоотношений. Как известно, гражданские правоотношения могут возникнуть по основаниям, хотя прямо и не предусмотренным законом, но не противоречащим его духу и смыслу. Допустимо, что и права, и обязанности конкретных субъектов гражданских правоотношений также не предусмотрены гражданским правом. Поэтому защита таких "неформальных" субъективных прав в случае их нарушения осуществляется средствами деликтного права лишь после того, как они получают юридическое признание. Противоправность действий, причинивших ущерб, также характеризуется отсутствием "формальности". Под этим понимается, во-первых, отсутствие законодательной конкретизации деяний, нарушающих

субъективные права других лиц ("вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный организации", - вот как сформулировано основание ответственности за причинение вреда в части I статьи 444 ГК РСФСР); во-вторых, отсутствие полного перечня случаев управомоченности субъекта на причинение имущественного вреда ("вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению лишь в случаях, предусмотренных законом", - ч. 3 ст. 444 ГК РСФСР).

Уголовная противоправность, в отличие от гражданской, всегда связана с нарушением социальных запретов. И в этом смысле ей свойствен признак "формальности".

Противоправность как нарушение субъективного права конкретного лица определяет квалификацию содеянного. Под квалификацией понимается установление предусмотренных объективным правом признаков состава правонарушения в конкретном деянии. Правильная квалификация ведет к констатации объективного уровня противоправности. Это означает, что совершенное деяние как реальность соответствует тому юридическому варианту поведения, который нормой той или иной отрасли права запрещен. Таким образом, противоправность действий (бездействия), с одной стороны, является элементом состава правонарушения, а с другой, - установление и юридическое закрепление в содеянном взаимосвязанных элементов состава как целого позволяет судить о противоправности с точностью до определенной нормы права.

Предположение о противоправности причинения вреда может быть связано только с одной нормой, которая сформулирована в статье 444 ГК РСФСР. Прежде всего, причинение вреда предполагается общим деликтом, пока не будет доказано иное. Обстоятельства, конкретизирующие специальную противоправность деликта, не презюмируются. Например, при возложении ответственности по статье 445 ГК РСФСР должно быть установлено и доказано нарушение работником своих трудовых (служебных) обязанностей.

Принцип генерального деликта, на наш взгляд, включает в себя также предположение об ответственности непосредственного причинителя ущерба. По обязательствам из причинения вреда личности или имуществу в качестве должников могут выступать, кроме непосредственных причинителей ущерба, лица, ответственные за причиненный вред, и иные лица (например, государство, наследники). Конкретизация субъектов деликтного обязательства в гражданско-правовом праве характеризует

специальную противоправность причинения ущерба.

Характер противоправности определяет особенности деликтной ответственности с точки зрения ее сущности. Несмотря на то, что гражданско-правовая (в том числе и деликтная) ответственность не воздействует непосредственно на личность правонарушителя, она через имущественные лишения все-таки оказывает влияние на сознание, волю, поведение субъекта.

Наконец, в соответствии с принципом генерального деликта предполагается и альтернативная противоположность таких явлений, как противоправность и правомерность, когда речь идет о юридически значимых действиях.

Противоправность как элемент специального деликта гораздо уже противоправности, входящей в состав общего деликта, именно вследствие установления нормами права ее отличительных признаков. В этом смысле, в частности, можно поставить под сомнение характеристику ответственности по статье 454 ГК РСФСР как повышенной. По характеру и содержанию противоправности причинения ущерба ее можно рассматривать как ограниченную. Это касается и других специальных случаев деликтной ответственности.

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

1. Кофман В.И. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1961.
2. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. - М., 1970.
3. Русское гражданское право / Чтения Д.И. Мейера. - Пг., 1915.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА

П.А. Варул
г. Тарту

1. С точки зрения развития гражданского законодательства чрезвычайно важное значение имеет проводимая в настоящее время работа по обновлению и усовершенствованию "Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик" (далее: Основы). За этим этапом последует разработка новых гражданских кодексов союзных республик. Поэтому необходимо иметь ясное представление о том, какие исправления, дополнения и уточнения необходимо ввести в новые Основы и гражданские кодексы. Целью данной статьи является рассмотрение некоторых возможностей дополнения 12-й главы Основ и главы 41 ГК ЭССР (глава 40 ГК РСФСР), а также соответствующих разъяснений верховных судов.

2. Не регулируется с необходимой точностью вопрос об ответственности в случае, когда вред причинен совместно, причем по меньшей мере один причинитель вреда является несовершеннолетним, не достигшим 15 лет (малолетний). Здесь допустимы различные комбинации: причинителями вреда являются только малолетние, происходящие от одних или разных родителей*, вред причинен малолетним совместно с несовершеннолетним от 15 до 18 лет или с совершеннолетним. В Основах вообще не затрагивается вопрос об ответственности в случае причинения вреда малолетними и другими несовершеннолетними, а в гражданских кодексах, регулирующих этот вопрос, нет ответа на перечисленные выше случаи причинения вреда малолетними совместно или с их участием. Ст. 459 ГК ЭССР (ст. 455 ГК РСФСР) устанавливает солидарную ответственность в отношении лиц, причинивших вред совместно. Но малолетние, причинившие фактически совместно вред, не отвечают вообще, в том числе и не

* Здесь и далее под родителями подразумеваются и опекуны, и попечители, без специального упоминания об этом.

солидарно, а лица, которые согласно ст. 454 ГК ЭССР (ст. 450 ГК РСФСР) отвечают за причиненный малолетними вред, не могут рассматриваться как совместные причинители вреда, вследствие чего нет оснований для применения в отношении этих лиц ст. 459 ГК ЭССР (ст. 455 ГК РСФСР). Нет разъяснений и в постановлениях пленумов верховных судов. Так, рассматриваемая проблема вообще не затрагивается в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. "О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья"/II/, и в аналогичном постановлении Пленума Верховного Суда ЭССР от 27 мая 1987 г. /I2/, в некоторой степени ее касается постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 февраля 1967 г. /I3/. Такое положение явилось причиной разных судебных решений, а также споров в теории. Главной проблемой является в данном случае следующий вопрос: если причинителями вреда являются малолетние, происходящие от разных родителей, то по какому принципу должны отвечать родители, — по принципу долевой или солидарной ответственности? Тот же вопрос возникает при разграничении ответственности родителей и организаций, перечисленных в ч. 2 ст. 454 ГК ЭССР (ч. 2 ст. 450 ГК РСФСР). Большинство авторов считает, что родители малолетних причинителей вреда, происходящих из разных семей, должны были бы отвечать по принципу долевой ответственности /3, с. 108-109; 15, с. 358; 1, с. 77-78; 2, с. 81-82/, но высказывались точки зрения и в пользу солидарной ответственности /4, с. 82; 10, с. 18/.

На наш взгляд, правильнее было бы исходить из принципа долевой ответственности родителей. Родители отвечают за свое противоправное и виновное поведение, которое заключается в виновном ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию и надзору. Их нельзя рассматривать как совместных причинителей вреда, поэтому нет оснований для применения в их отношении солидарной ответственности согласно ст. 459 ГК ЭССР (ст. 455 ГК РСФСР). Но данный вывод все же не должен ограничиваться приведенным утверждением. Следует ответить по существу на вопрос: какая из форм ответственности правильнее и почему?

Если ограничиться формально-логическим анализом имеющихся правовых норм, то может возникнуть опасность, заключающаяся в том, что хотя вывод с точки зрения действующего законодательства и будет правильным, но само законодательство, возможно, нуждается в изменении — **установлении солидарной**

ответственности родителей. Соответствующее предложение вносит, например, А.П. Мамон, утверждая, что в данном случае следует установить солидарную ответственность тех лиц, чьими противоправными и виновными действиями обусловлен общий вредный результат, несмотря на то, что они и не являются совместными причинителями /10, с. 18/. В то же время следует отметить одну довольно распространенную неточность при обосновании долевой ответственности родителей в рассматриваемом случае. Так, согласно п. 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г., при причинении вреда совместными действиями нескольких несовершеннолетних, происходящих от разных родителей, ответственность родителей или попечителей перед потерпевшим должна определяться по принципу долевой ответственности /14/. Отсюда делается вывод механического характера: несмотря на то, что разъяснение касается родителей несовершеннолетних, достигших 15 лет, оно применимо к родителям малолетних причинителей вреда /6, с. 121; 1, с. 77-78; 2, с. 81-82/. Хотя постановление Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. согласно п. 27 постановления Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. считали утратившим силу, приведенное утверждение нуждается в принципиальной оценке, ибо здесь имеет место проблема теоретического значения. А именно: если причинителями вреда являются несовершеннолетние в возрасте 15-18 лет, то они отвечают за причиненный вред сами (ст. 455 ГК ЭССР, ст. 451 ГК РСФСР), если вред причинен ими совместно, то ответственность несовершеннолетних является солидарной (ст. 459 ГК ЭССР, ст. 455 ГК РСФСР). Ответственность родителей имеет дополнительный характер, является субсидиарной и вследствие этого должна представлять собой долевую ответственность. Существенное различие по сравнению с родителями малолетних состоит в том, что при причинении вреда малолетними возникает обязательство между потерпевшим и родителями малолетних, а при 15-18-летних несовершеннолетних - между несовершеннолетним и потерпевшим. Между родителями 15-18-летних несовершеннолетних и потерпевшим возникает обязательство, имеющее дополнительный характер, но оно не может приравниваться к обязательству, возникающему между родителями малолетнего и потерпевшим. Именно потому, что эти обязательства обладают разным значением, нельзя сделать вывод, будто долевая ответственность родителей 15-18-летних несовершеннолетних аналогична долевой ответственности родителей малолетних. На данное обстоятельство обратил вни-

мание Э.Я. Лаасик, который, в свою очередь, сделал отсюда вывод, заключающийся в том, что ответственность родителей малолетнего, которая в рассматриваемом случае находится на одном уровне с ответственностью самих 15-18-летних, должна была бы также быть солидарной /4, с. 82/. Но ответственность самого 15-18-летнего причинителя вреда и ответственность родителей малолетнего причинителя вреда никак не могут быть явлениями одинакового качества, т.е. они не могут рассматриваться на одном уровне, так как 15-18-летний сам является причинителем вреда и сам отвечает за причиненный вред, а родители малолетнего, не являясь причинителями вреда, отвечают за ненадлежащее воспитание и надзор. Именно то обстоятельство, что воспитание разных детей разными родителями, осуществление или неосуществление надзора за ними не может рассматриваться как совместная деятельность, является важным аргументом по существу против установления солидарной ответственности родителей. Солидарная ответственность должна бы предполагать определенную связь в поведении солидарно отвечающих лиц. А родители малолетних, причинивших совместно вред, зачастую только знакомятся в силу этого совместного причинения вреда. Поведение родителей в данном случае связано с причинением вреда через поведение своих детей, вследствие этого следует учитывать как характер поведения самих детей при причинении вреда (не вину), так и поведение родителей при исполнении своих обязанностей по воспитанию и надзору. Поскольку могут иметь место очень большие различия как в поведении самих детей, так и в поведении и вине родителей, то наиболее правильно - исходить из принципа долевой ответственности родителей. При этом доли возмещаемого вреда не обязательно должны быть равными между разными родителями*.

Если в причинении вреда малолетними помимо родителей виновны и организации, перечисленные в ч. 2 ст. 454 ГК ЭССР (ч. 2 ст. 450 ГК РСФСР), ответственность родителей и организаций следует определять также по принципу долевой ответственности. За отдельными исключениями /3, с. 107-108; 10, с. 18/, эта точка зрения является общепризнанной, она нашла

* В литературе было внесено и противоположное предложение /3, с. 108-109/, которое все же кажется неубедительным, так как важный смысл долевой ответственности как раз и состоит в возможности дифференцировать ответственность в зависимости от конкретных обстоятельств.

отражение и в п. 5 "б" постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 февраля 1967 г. /13/.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что Верховный Суд СССР должен был бы дать по этому вопросу следующее разъяснение: если вред причинен совместно малолетними, происходящими от разных родителей, то подлежащий возмещению родителями (опекунами) вред следует определять согласно принципу долевой ответственности. Тут также следовало бы привести принцип, указанный в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 февраля 1967 г. Эти дополнения нужно ввести в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. Там же одновременно следовало бы разъяснить, что в случае причинения вреда совместно малолетним и 15-18-летним несовершеннолетним, лица, приведенные в ст. 45 ГК РСФСР, и несовершеннолетний отвечают по принципу долевой ответственности, а дополнительно еще и родители несовершеннолетнего — субсидиарно по принципу долевой ответственности.

Не регулируется вопрос, когда вред причиняется совместно малолетним и совершеннолетним. Теоретически отвечать должны родители малолетнего (другие лица) и совершеннолетний на основании долевой ответственности. Правильнее было бы, по-видимому, возложить всю ответственность на совершеннолетнего.

Предлагаем взвесить возможность дополнения ст. 459 ГК ЭССР (ст. 455 ГК РСФСР). В данном случае мы предлагаем не точные формулировки, а лишь принципы, согласно которым в данной статье можно было бы установить следующие правила: 1) лица, которые отвечают за вред, причиненный другими лицами (ст. 454, 455, 456 ГК ЭССР; ст. 450, 451, 452 ГК РСФСР), отвечают при причинении вреда последними совместно по принципу долевой ответственности, за исключением родителей одного и того же малолетнего между собой; 2) если вред причинен совместно лицом, не достигшим 15 лет, и 15-18-летним лицом, то следовало бы предположить отсутствие вины родителей (других лиц) в части воспитания и надзора за малолетним, если не доказано обратное. Отсутствие вины в данном случае является основанием для освобождения от ответственности соответствующих ответственных лиц; 3) если вред причинен малолетним и взрослым совместно, то возмещение всего вреда возлагается на взрослого.

3. Юридически не регулируется вопрос о том, как должно состояться возмещение вреда и какова должна быть ответствен-

ность в том случае, если как причинителям вреда, так и потерпевшим является малолетний. Ответственность на стороне причинителя вреда в таком случае основывается все-таки на ст. 454 ГК ЭССР (ст. 450 ГК РСФСР), но проблема возникает в отношении потерпевшего. Вина потерпевшего, как известно, является основанием для уменьшения подлежащего ему возмещения или отказа в возмещении (ст. 462 ГК ЭССР, ст. 458 ГК РСФСР). Но в отношении малолетнего говорить о вине нельзя, согласно п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 февраля 1967 г., суд не вправе входить в обсуждение вопроса с вине потерпевшего, не достигшего 15-летнего возраста, за исключением тех случаев, когда причинение потерпевшему вреда связано с совершением им уголовного преступления, указанного в ч. 2 ст. 10 УК /13/. Однако возникает вопрос: в какой мере следует учитывать вину родителей малолетнего потерпевшего и других лиц, отвечающих за его воспитание и надзор? С точки зрения действующего законодательства, следует отметить, что их вину в данном случае нельзя учитывать в силу отсутствия соответствующих законных оснований. Ведь в ст. 462 ГК ЭССР (ст. 458 ГК РСФСР) говорится о вине лишь самого потерпевшего, а не о вине лиц, несущих за него ответственность; не касаются данной проблемы и разъяснения верховных судов. Тем не менее нельзя признать правильным и приемлемым такое положение, когда причиненный ущерб полностью подлежит возмещению родителями (другими лицами) причинившего вред малолетнего. Во многом случайностью является то, какой малолетний окажется потерпевшим, а какой - причинителем вреда. Интересы родителей малолетнего потерпевшего нуждаются в данном случае в правовой защите /2, с. 80/, причем это следует осуществить так, чтобы не ущемлялись и права потерпевшему /7, с. 12/. При этом высказывались различные предложения о том, что следовало бы предпринять в данном случае*.

Мы считаем, что в рассматриваемом случае следует применить смешанную ответственность родителей причинившего вред и потерпевшего. Но такая ответственность не может быть основана на ст. 462 ГК ЭССР (ст. 458 ГК РСФСР), критерием применения которой является сравнение вины потерпевшего и причинителя вреда. Но в данном случае вина малолетних отсутствует, и вину родителей, которые сами не являются причинителями

* Обзор соответствующих точек зрения см.: 1, с. 102-105; 5, с. 175-176.

вреда, по этой статье сравнивать неправильно. Для регулирования данной ситуации следовало бы установить новую правовую норму в рамках главы 41 ГК ЭССР (гл. 40 ГК РСФСР), которая ввела бы смешанную ответственность для родителей малолетнего потерпевшего, а также других указанных в ст. 454 ГК ЭССР (в ст. 450 ГК РСФСР) лиц и причинителя вреда. Это значит, что по принципу долевой ответственности будет определено, какая часть вреда, причиненного одним малолетним другому малолетнему, подлежит возмещению или когда вред вообще не подлежит возмещению. При определении подлежащего возмещению вреда следовало бы исходить из следующих критериев: 1) характер поведения самих малолетних, выяснив прежде всего причинную связь между поведением детей и причиненным вредом; 2) вина родителей и других указанных в ст. 454 (ст. 450) лиц в осуществлении надзора за детьми; в отношении воспитания (те, на ком лежит обязанность воспитания) следует предположить отсутствие вины при выполнении воспитательских обязанностей, за исключением случаев, когда доказано обратное. На основе этих критериев следовало бы сформулировать содержание соответствующей новой правовой нормы.

В рамках конструкции такой смешанной ответственности важно различать две стадии в возмещении вреда малолетнему потерпевшему: во-первых, до достижения им 15 лет и, во-вторых, после 15 лет. В первой стадии вред подлежит возмещению в связи с восстановлением здоровья. Поскольку обязанность содержания детей лежит на их родителях (других лицах), то родители потерпевшего, которые могут требовать меньшего возмещения, сами являются фактическими потерпевшими в гражданско-правовом смысле /3, с. 71-72; 8, с. 16/. Во второй стадии положение меняется вследствие того, что на основании ст. 469 ГК ЭССР (ст. 465 ГК РСФСР) вред подлежит возмещению и в связи с утратой или уменьшением трудоспособности. Здесь следовало бы дополнить ст. 469 ГК ЭССР (ст. 465 ГК РСФСР) указанием на то, что в случае, если подлежащий возмещению малолетнему потерпевшему вред уменьшен в связи с виной отвечающих за него лиц, то вред в виде его уменьшенной части подлежит возмещению в данном случае этими лицами. Данную возможность - требовать возмещения определенной части причиненного детям вреда от родителей - нельзя смешивать с правом нетрудоспособных несовершеннолетних детей получить от своих родителей алименты по ст. 82 и 90 КоБС ЭССР (ст. 67 и 76 КоБС РСФСР). В одном случае имеет место гражданско-правовое обя-

зательство, во втором - чисто семейно-правовое отношение. Прежде всего подлежит исполнению обязательство, после чего следует решать вопрос об алиментах.

Изложенный подход к вопросу о смешанной ответственности родителей (других лиц) малолетних причинителя вреда и потерпевшего среди представленных в литературе по этому поводу точек зрения больше всего совпадает с позицией Н.С. Малеина /8, с. 15-21; 9, с. 21-22/ и Л.Г. Кузнецовой /3, с. 66-73/, отличаясь в то же время от них существенно в целом ряде моментов*. Рассматриваемая смешанная ответственность была подвергнута серьезной критике /3, с. 109-113; 1, с. 104-105; 7, с. 11/. Ввиду того, что нашей целью, учитывая объем настоящей статьи, является формулировка по данному вопросу конкретного предложения по усовершенствованию законодательства, а не исчерпывающий анализ выдвинутых подходов, то мы ограничимся лишь следующим замечанием: авторы, критикующие данную смешанную ответственность и предлагающие взыскивать весь вред с причинителя полностью, а затем дать последнему возможность предъявить регрессный иск к родителям (другим лицам) малолетнего потерпевшего /1, с. 105-106; 7, с. 12/, по существу сами встали на критикуемую ими позицию, так как в действительности с точки зрения полученных и уплаченных сумм вырисовывается та же картина, что и при смешанной ответственности; различие заключается лишь в процессуальной стороне. Процессуальные проблемы, которые действительно возникают при рассматриваемой смешанной ответственности (родители не могут выступать в процессе одновременно представителями своих детей и соответчиками), должны быть устранимы с помощью процессуальных приемов (например, участие в процессе органов опеки и попечительства и т.п.).

* Так, например, трудно согласиться с утверждением Н.С. Малеина о том, что опекуны малолетних и детские учреждения отвечают солидарно с причинителем вреда и только родители отвечают по правилу смешанной ответственности /8, с. 18-19/, а также с утверждением Н.С. Малеина и Л.Г. Кузнецовой о том, что родители могут отвечать перед детьми из-за уменьшения или потери ими трудоспособности также и на основании норм семейного права, принимая во внимание обязательство родителей по уплате алиментов /3, с. 70; 8, с. 20/.

Опекуны и детские учреждения не могут рассматриваться как совместные причинители вреда наряду с действительным причинителем вреда, и поэтому нет оснований для солидарной ответственности /3, с. 71; 1, с. 105/, а гражданско-правовая ответственность не может реализоваться через алиментное обязательство, здесь все же имеют место правовые явления разного порядка.

В случае, если причинителем вреда является не другой малолетний, а лицо старше (в возрасте 15-18 лет или совершеннолетний), то положение принципиально меняется. В этом случае говорить об ответственности родителей (других лиц) малолетнего потерпевшего можно только в исключительных случаях, т.е. следует предполагать отсутствие вины родителей как в надзоре, так и в воспитании. Если же такая вина доказана, то в зависимости от обстоятельств здесь можно было бы дать суду право применять смешанную ответственность. В подобном случае вина родителей должна выражаться по меньшей мере в грубой неосторожности. Это правило надо также установить в предлагаемой нами выше новой правовой норме.

4. Согласно общепризнанным представлениям, ст. 455 ГК ЭССР (ст. 451 ГК РСФСР) предполагает, что в случае причинения вреда 15-18 летним (далее: несовершеннолетним) субсидиарно отвечают его родители или попечители, а не воспитательное учреждение, под надзором которого находится несовершеннолетний во время причинения вреда, так как ст. 455 (ст. 451) не говорит об ответственности ни одной организации, в противоположность статье 454 (ст. 450). Но в литературе неоднократно обоснованно обращалось внимание на то обстоятельство, что воспитательные учреждения, которые в полной мере осуществляют воспитание и надзор за несовершеннолетними, и прежде всего детские дома и школы-интернаты, в данном случае также должны были бы нести субсидиарную ответственность /3, с. 77; 15, с. 355-356; 1, с. 82-83; 2, с. 85/. В связи с этим предлагается ввести соответствующее дополнение в гражданские кодексы, расширив соответственно круг лиц, являющихся субъектами субсидиарной ответственности при причинении вреда несовершеннолетним. Существенное уточнение вносит тут К.Б.Ярошенко, обратившая внимание на то обстоятельство, что согласно ст. 127 КоБС РСФСР (ст. 148 КоБС ЭССР) детям /в том числе в возрасте 15-18 лет - П.В./, воспитание которых осуществляется полностью детскими учреждениями, опекуны и попечители не назначаются, а выполнение обязанностей опекунов и попечителей возлагается на администрацию данного учреждения. Отсюда автор обоснованно делает вывод, что ст. 451 ГК РСФСР (ст. 455 ГК ЭССР) в части ответственности попечителей следует толковать таким образом, что в роли попечителей могут выступать не только граждане, но и юридические лица, если последние осуществляют обязанности попечителей на основании закона /16, с. 51/. Исходя из формулировки ст. 455 ГК ЭССР

(ст. 451 ГК РСФСР) и ст. 148 КоБС ЭССР (ст. 127 КоБС РСФСР) можно действительно сделать вывод, что указанные в ст. 148 КоБС ЭССР (ст. 127 КоБС РСФСР) детские учреждения должны быть субъектами субсидиарной ответственности, предусмотренной ст. 455 ГК ЭССР (ст. 451 ГК РСФСР). Обязанность возмещать в дополнительном порядке (субсидиарно) причиненный несовершеннолетним подопечным вред следует также считать входящей в исполнение обязанностей попечителя при наличии необходимых для применения субсидиарной ответственности обстоятельств.

Согласно таким рассуждениям, в дополнении ст. 455 ГК ЭССР (ст. 451 ГК РСФСР) не было никакой необходимости, — достаточно было бы параллельного применения гражданского и семейного кодексов; чтобы применить субсидиарную ответственность и к упомянутым детским учреждениям. Все-таки думается, что в целях ясности дела и предупреждения разных возможных толкований (в ГК говорится о самом попечителе, а в КоБС — об исполнении попечительских обязанностей и т.д.) следует ввести исправление в ст. 455 ГК ЭССР (ст. 451 ГК РСФСР), — преобразовать первое предложение части второй данной статьи следующим образом: "В случаях, когда у несовершеннолетнего в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет нет имущества или заработка, достаточного для возмещения вреда, вред должен быть возмещен в соответствующей части его родителями, попечителями или организациями, которые выполняют обязанности попечителя в силу закона, если они не докажут, что вред возник не по их вине" (подчеркнуто предлагаемое дополнение).

Вина названных организаций выражается не только в безнадзорности, но и в неисполнении обязанности воспитания. Все же при решении вопроса о вине в отношении воспитания следовало бы учитывать время пребывания в данном воспитательном учреждении. Я.Н. Шевченко предлагает здесь в качестве минимального срока один год /3, с. 77/. Этот вопрос должен быть разъяснен верховным судом.

5. Требуется уточнения и ст. 456 ГК ЭССР (ст. 452 ГК РСФСР). В таком ее виде сейчас не обеспечивается в надлежащей мере защита интересов потерпевших. Л. А. Майданик и Н.Д. Сергеева справедливо отмечают, что если родители недееспособного не обладают средствами для возмещения вреда либо впоследствии умерли, или на момент причинения вреда у недееспособного не было опекуна, то вред, понесенный потерпевшим, может оказаться невозмещенным даже при достаточном имуществе

самого недееспособного. Следует согласиться с предложением авторов предусмотреть как исключение возможность требовать возмещения вреда полностью или частично за счет имущества самого недееспособного /6, с. 115/. Для этого следовало бы ввести соответствующее уточнение в ст. 456 ГК ЭССР (ст. 452 ГК РСФСР), указав, что применение такой исключительной возможности является правом суда, и отметив одновременно те критерии, при наличии которых у суда возникает такое право (материальное положение сторон, конкретные обстоятельства и т.п.).

6. Ст. 457 ГК ЭССР (ст. 453 ГК РСФСР) устанавливает ответственность за вред, причиненный гражданином, не способным понимать значения своих действий. На наш взгляд, эта норма не совсем удачна. Прежде всего возникает вопрос: почему в данном случае интересы причинителя вреда защищены лучше, чем интересы потерпевшего? Причинитель вреда, в случае, если он сам не привел себя в такое состояние употреблением алкоголя или наркотических веществ либо иным способом, освобождается от обязанности возмещения вреда без каких-либо оговорок. Причиненный потерпевшему вред в таком случае остается невозмещенным полностью. Думается, что такое игнорирование интересов потерпевшего отнюдь не находится в точном соответствии с общими принципами гражданского права, где на первом месте все-таки стоит требование возмещения причиненного вреда. Мы считаем возможным отменить ст. 457 ГК ЭССР (ст. 453 ГК РСФСР) как самостоятельную. В то же время нельзя отрицать, что пребывание в таком состоянии, когда причинивший вред не мог понимать значения своих действий или руководить ими, не должно иметь никакого значения. Данное обстоятельство можно было бы включить в качестве части третьей в состав ст. 462 ГК ЭССР (ст. 458 ГК РСФСР), где она являлась бы одним из факторов, дающим суду право уменьшить подлежащий возмещению вред или отказать в возмещении. Поскольку в этой статье и так уже собраны основания уменьшения размера возмещения вреда или отказа от возмещения (вина потерпевшего, учет имущественного положения причинителя вреда), то обстоятельство, приведенное в ст. 457 (453), подошло бы к составу этой статьи. Ч. 3 ст. 462 ГК ЭССР (ч. 3 ст. 458 ГК РСФСР) можно было бы сформулировать следующим образом: "Если вред причинен дееспособным гражданином в состоянии, когда он не мог понимать значения своих действий или руководить ими, то следует уменьшить размер возме-

щения или отказать в возмещении вреда. Это правило не применяется, если причинитель вреда сам привел себя в такое состояние употреблением алкоголя или наркотических веществ либо иным способом". Статью же 462 (458) можно было бы озаглавить "Основания уменьшения подлежащего возмещению вреда или отказа от возмещения". Естественно, допустима и возможность оставить все же ст. 457 (ст. 453), изменив просто ее содержание указанным выше способом, без внесения соответствующих изменений в ст. 462 (ст. 458).

7. В главе 12 Основ отсутствует статья, в которой учитывались бы особенности ответственности в зависимости от деликтоспособности причинителя вреда или потерпевшего, тогда как отсутствие деликтоспособности субъектов является важным обстоятельством, от которого зависят субъектный состав и содержание обязательства, вытекающего из причинения вреда. Отсутствие деликтоспособности причинителя вреда может рассматриваться в качестве особого условия возмещения вреда, так как особыми условиями рассматривается причинение вреда особым средством — источником повышенной опасности (ст. 90 Основ) или лицами, занимающими особое должностное положение (ст. 89 Основ).

Мы считаем, что в Основы следовало бы включить статью, которая устанавливала бы соответствующие общие принципы. За основу можно было бы взять нормы действующих гражданских кодексов (ст. 454—457 ГК ЭССР; ст. 450—453 ГК РСФСР), а также те предложения по дополнениям и исправлениям, которые сделаны в литературе по поводу содержания этих норм.

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

1. Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. — М., 1986.
2. Донцов С.Е., Маринина М.Я. Имущественная ответственность за вред, причиненный личности. — М., 1986.
3. Кузнецова Л.Г., Шевченко Я.Н. Гражданско-правовое положение несовершеннолетних. — М., 1968.
4. Лаасик Э.Я. Вопросы возмещения вреда, причиненного несовершеннолетним в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет или несколькими несовершеннолетними совместно // Уч. зап. / Тартуский ун-т. — Тарту, 1984. — Вып. 679.

5. Лаасик Э.Я. Возникновение обязательства вследствие причинения вреда другому лицу и при наличии вины самого потерпевшего в возникновении у него вреда // Уч. зап. / Тартуский ун-т. - Тарту, 1987. - Вып. 782.
6. Майданик Л.А., Сергеева Н.Д. Материальная ответственность за повреждение здоровья. - М., 1968.
7. Майданик Л., Стависский П. Значение вины родителей малолетнего потерпевшего в ненадлежащем за ним надзоре // Советская юстиция. - 1972. - № 9.
8. Малейн Н.С. Возмещение вреда при повреждении здоровья несовершеннолетних. - М., 1962.
9. Малейн Н.С. Возмещение вреда при повреждении здоровья гражданина, не достигшего 15 лет // Советская юстиция. - 1965. - № 10.
10. Мамон А.П. Обязательства из причинения вреда как средство защиты социалистической собственности: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - Томск, 1988.
11. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. "О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья" // Бюллетень Верховного Суда СССР. - 1986. - № 6.
12. Постановление Пленума Верховного Суда ЭССР от 27 мая 1987 г. "Об исполнении в судах законодательства, регулирующего возмещение вреда, причиненного повреждением здоровья" // Советское право. - 1987. - № 3.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 февраля 1967 г. "О некоторых вопросах, возникших в практике судов при применении норм ГК РСФСР, регулирующих возмещение вреда" // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. - 1967. - № 4.
14. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. "О судебной практике по искам о возмещении вреда" // Бюллетень Верховного Суда СССР. - 1963. - № 6.
15. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. - Саратов, 1973.
16. Ярошенко К.Б. Специальные случаи ответственности за причинение вреда. - М., 1977.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В.В. Бутнев
г. Ярославль

В советской правовой науке принято выделять правовое и фактическое основание ответственности. Под правовым основанием ответственности понимают нормы права, устанавливающие запреты определенного поведения и меры юридической ответственности за нарушение этих запретов. Фактическим основанием юридической ответственности является совершение правонарушения /16, с. 71-73/. Понятие гражданского процессуального правонарушения как основания гражданской процессуальной ответственности должно выводиться из общего понятия правонарушения.

Правонарушение обычно определяется как общественно опасное (или вредное) виновное деяние (действие или бездействие), нарушающее нормы права, за которые установлены меры юридической ответственности /10, с. 11; 16, с. 74/. Его понятие следует рассматривать в неразрывной связи со структурой правовой нормы, а также с категориями юридической обязанности, санкции и ответственности. Правонарушение является специфическим юридическим фактом, предусмотренным гипотезой охранительной нормы. Его совершение влечет возникновение особой разновидности охранительных правоотношений — правоотношения ответственности. Таким образом, правонарушение и ответственность неразрывно связаны между собой. Устанавливая юридическую ответственность за совершение деяния, законодатель тем самым признает данное деяние правонарушением. Такой жесткой связи нет между правонарушением и юридической обязанностью, правонарушением и санкцией правовой нормы.

Любая юридическая обязанность, предусмотренная диспозицией правовой нормы, обеспечена санкцией за ее неисполнение. Однако юридически неблагоприятные последствия неисполнения обязанности, указанные в санкции нормы, могут быть различными /12, с. 63; 13, с. 178, 181-182; 8, с. 42/. Наряду с мерами ответственности санкция нормы включает в себя юридически неблагоприятные последствия в виде принудительного исполнения ранее существовавшей обязанности (принудительное

взыскание долга, алиментов, принудительное освидетельствование лица и т.п.), признания юридической ничтожности действий, не соответствующих возложенной на субъекта обязанности, и т.п. Все изложенное полностью применимо к понятию гражданского процессуального правонарушения.

В советской правовой науке распространено деление юридически значимых действий на правомерные и противоправные действия (правонарушения) /1, с. 347/. Такое деление представляется излишне упрощенным. В действительности законодательству известны такие действия, которые не соответствуют требованиям регулятивных норм (то есть не являются правомерными), но в то же время не влекут применения мер юридической ответственности к лицам, их совершившим (то есть не могут рассматриваться в качестве противоправных действий, правонарушений). Поясним сказанное примерами из гражданского процессуального права. Подача искового заявления, не оплаченного государственной пошлиной, является нарушением порядка обращения в суд и влечет оставление такого заявления без движения (статья 130 ГПК РСФСР). Лицо, ходатайствующее о вызове свидетеля, обязано указать, какие обстоятельства может подтвердить свидетель, и сообщить суду его имя, отчество, фамилию и место жительства (ч. 3 статьи 61 ГПК РСФСР). Невыполнение данной обязанности влечет отказ в удовлетворении ходатайства о вызове свидетеля. Сторона, не исполнившая обязанности доказать основания своих требования и возражений (ч. 1 статьи 50 ГПК РСФСР), испытывает невыгодные последствия в виде неблагоприятного для себя судебного решения. Перечень примеров можно легко продолжить, поскольку они являются типичными для гражданского процессуального права.

У нас не вызывает сомнения, что обязанность совершения всех перечисленных и аналогичных им действий носит юридический характер. Эти обязанности закреплены гражданским процессуальным законом и обеспечены соответствующими процессуальными санкциями. Их неисполнение наносит ущерб не только самому обязанному лицу, но и интересам правосудия. Так, неисполнение обязанности по доказыванию препятствует достижению судом объективной истины; подача заявления, не оплаченного государственной пошлиной, посягает на экономические интересы государства. Любое нарушение процессуальной нормы создает "перебои" в механизме процессуального регулирования, затрудняет рассмотрение дела, а значит является общественно вредным. Однако законодатель, очевидно, полагает, что степень общественной опас-

ности (или общественной вредности) таких нарушений не настолько велика, чтобы придавать им статус противоправных действий, правонарушений и устанавливать меры процессуальной ответственности за их совершение.

Установление мер ответственности за нарушение юридической обязанности — прерогатива законодателя. Признание деяния правонарушением зависит от многих социальных факторов: его общественной опасности, степени распространенности, специфических особенностей внутренней политики на данном этапе развития государства и т.п. Приоритет в данном случае отдается не юридическим критериям и конструкциям, а потребностям реальной жизни. До недавнего времени ни у кого не вызывало сомнения, что участие в судебном заседании является правом, но не обязанностью участвующих в деле лиц. Обязательной могла быть признана только явка ответчика по алиментному делу. В случае неявки он мог быть подвергнут штрафу и принудительному приводу (статья 159 ГПК РСФСР). Во всех остальных случаях участвующим в деле лицам предоставлялось право участвовать в суде лично, через представителя или наряду с ним, а все обязанности по обеспечению явки участников процесса возлагались на суд. Предполагалось, что стороны сами заинтересованы в участии в судебном разбирательстве дела и дополнительного стимулирования их активности в этом не требуется. Многолетняя практика показала, однако, что неявка сторон без уважительной причины является наиболее распространенным основанием отложения дела на другой срок. Это приводило к нарушению сроков рассмотрения гражданских дел, к дополнительным затратам времени суда, свидетелей, добросовестных сторон процесса. Стремясь повысить авторитет правосудия, дисциплину и ответственность участвующих в деле лиц, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 года внес изменения в статью 157 ГПК РСФСР, предоставив суду право налагать штраф в размере до 30 рублей на участвующих в деле лиц, не явившихся в судебное заседание без уважительной причины, если их отсутствие повлекло отложение разбирательства дела. Таким образом, явка в судебное заседание стала обязанностью участвующих в деле лиц, а неисполнение этой обязанности стало рассматриваться в качестве правонарушения, влекущего ответственность в виде штрафа.

Одно и то же поведение может регулироваться нормами различных отраслей права. При этом одни отрасли права могут признавать это поведение правонарушением и предусматривать меры

ответственности за его совершение, а другие нет. Так, вынесение судьей незаконного решения может образовать состав преступления или дисциплинарного проступка и повлечь применение мер уголовной или дисциплинарной ответственности. В то же время вынесение незаконного решения не может рассматриваться в качестве процессуального правонарушения, поскольку нормы гражданского процессуального права не предусматривают за него мер процессуальной ответственности. В данном случае применяются правовосстановительные процессуальные санкции, меры процессуальной защиты в виде отмены незаконного решения.

Специфика гражданского процессуального правонарушения раскрывается через элементы состава такого правонарушения — объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Эти же элементы состава выделяются в работах по общей теории права, а также в последних работах, посвященных уголовно-процессуальной ответственности /II, с. 540; 6, с. 81; 3, с. 59/.

Объектом правонарушений в социалистическом обществе являются общественные отношения, регулируемые нормами права. Объектом гражданского процессуального правонарушения выступают гражданские процессуальные правоотношения, установленный законом порядок осуществления правосудия по гражданским делам. Однако сами гражданские процессуальные правоотношения неоднородны. Одни из них (регулятивные гражданские процессуальные правоотношения) опосредствуют нормальное течение процесса. Другие (гражданские процессуальные охранительные правоотношения) возникают вследствие нарушения регулятивных процессуальных норм и опосредствуют поведение субъектов процесса в конфликтной, аномальной ситуации /22, с. 6; 4, с. 107-110; 18, с. 86-87/. По мнению З.Ф. Ковриги, объектом процессуального правонарушения являются только охранительные правоотношения /6, с. 81/. Мы придерживаемся прямо противоположного мнения. Процессуальные правонарушения посягают на нормальный, обычный ход процесса, предусмотренный регулятивными процессуальными нормами. Охранительные правоотношения никак не могут нарушаться в результате правонарушения. Они, напротив, порождаются правонарушением как юридическим фактом. Таким образом, объектом гражданского процессуального правоотношения выступают регулятивные гражданские процессуальные правоотношения.

Эффективность применения мер процессуальной ответственности во многом зависит от четкости законодательного определения объекта процессуального правонарушения — тех процессу-

альных обязанностей, за нарушение которых установлены меры ответственности. В литературе справедливо отмечается, что меры ответственности устанавливаются за нарушение не любой юридической обязанности, а только обязанности, носящей императивный характер, или прямого запрета /9, с. 54; 10, с. 18/. В настоящее время суд далеко не всегда располагает сведениями о причинах неявки лиц, участвующих в деле, что затрудняет применение ч. 3 статьи 157 ГПК РСФСР. Представляется, что обязательность явки в судебное заседание должна быть прямо сформулирована в законе: "Лица, участвующие в деле, и представители, надлежащим образом извещенные о времени и месте судебного разбирательства, обязаны явиться в судебное заседание или своевременно известить суд о невозможности сделать это с указанием причины. В случае неизвещения, а также если причины неявки признаны судом неуважительными, суд вправе наложить на участвующих в деле лиц и представителей, а также на должностное лицо предприятия, учреждения или организации, по вине которого не была обеспечена явка представителя в судебное заседание, штраф до 30 рублей". Другими словами, целесообразно сформулировать статью 157 ГПК РСФСР аналогично статьям 65 и 70 ГПК РСФСР, предусматривающим порядок представления в суд письменных и вещественных доказательств должностными лицами социалистических организаций, не участвующих в деле.

При такой постановке вопроса становится излишним указание статьи 159 ГПК РСФСР о том, что по делам о взыскании алиментов суд может признать явку ответчика обязательной. Напротив, требует закрепления в законе право суда признавать необязательной явку участвующих в деле лиц по их заявлению или по собственной инициативе суда, аналогичное праву, предоставленному в настоящее время государственному арбитражу (п. 8 статьи 66 и статья 70 Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами) /14/.

Субъектом гражданского процессуального правонарушения может быть только субъект гражданских процессуальных правоотношений /17, с. 77; 21, с. 98; 2, с. 8/. Все субъекты гражданских процессуальных правоотношений могут быть разбиты на три основные группы: 1) суд и его должностные лица; 2) лица, участвующие в деле (к ним по своему процессуальному положению примыкают представители участвующих в деле лиц); 3) лица, содействующие правосудию (свидетели, эксперты, переводчики, понятые и т.п.) /20, с. 41, 42/. Как справедливо отме-

чает Э.И. Рудковский, отношение ответственности существует между субъектом ответственности ("кто отвечает") и инстанцией, которая предъявляет требования и перед которой отвечает /15, с. 28-29/. Инстанцией гражданской процессуальной ответственности выступает суд. Он руководит всем ходом процесса и обладает достаточными властными полномочиями для предъявления требований к остальным субъектам процесса и привлечения их к процессуальной ответственности в случае невыполнения этих требований. Субъектом процессуальной ответственности суд как орган правосудия быть не может.

Субъекты гражданских процессуальных правоотношений двух остальных групп в случаях, предусмотренных законом, могут быть субъектами процессуальной ответственности. Наряду со свидетелями, экспертами, переводчиками к субъектам процесса относятся органы милиции, производящие на основании определения суда розыск ответчиков (статья 112 ГПК РСФСР), понятие, в присутствии которых применяются меры по обеспечению иска (статья 134 ГПК РСФСР), не участвующие в деле социалистические организации и граждане, обязанные направить в суд или выдать по запросу суда имеющиеся у них доказательства (статьи 65 и 70 ГПК РСФСР), лица, содействующие исполнению судебного решения (статьи 371, 374, 375, 381, 386, 388, 391, 397-405 ГПК РСФСР) и другие /20, с. 37-41/. Эти лица выполняют определенную функциональную функцию, они призваны содействовать отправлению правосудия. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения своих процессуальных обязанностей они могут быть оштрафованы судом на сумму до 30 рублей (статьи 65, 70, 344 и 394 ГПК РСФСР).

Вместе с тем, есть возможность более эффективного использования инструмента процессуальной ответственности. Следует закрепить в законе обязанность участвующих в деле лиц являться в суд по вызову судьи в стадии не только судебного разбирательства, но и подготовки дела, обязанность ответчика представить письменные объяснения по делу по требованию судьи (статья 141 ГПК РСФСР), обеспечив их штрафными санкциями. Явка участвующих в деле лиц должна признаваться обязательной не только по делам искового производства, но и при рассмотрении дел в неисковых производствах, а также в кассационной инстанции, в стадии исполнения судебного решения и при пересмотре судебных постановлений в порядке надзора в случае вызова в суд надзорной инстанцией. В этой связи нуждаются в соответствующих изменениях статьи 234, 238, 242,

272, 299, 328, 204, 206, 207, 343 ГПК РСФСР и другие. Необходимо наделить суд правом налагать штраф на должностных лиц, препятствующих явке в судебное заседание участников процесса, несмотря на наличие у тех судебной повестки с вызовом в суд. Следует поддержать предложения об обеспечении статьи 225 ГПК РСФСР действенной санкцией в виде возможности наложения штрафа на должностных лиц, уклоняющихся от исполнения частных определений /19, с. 118; 5, с. 116-117/.

Вряд ли можно согласиться с В.Н. Шегловым, относящим к субъектам гражданских процессуальных правоотношений зрителей, присутствующих в зале суда, и лиц, оказывающих сопротивление действиям судебного исполнителя /20, с. 40-41/. Эти лица не выполняют никаких процессуальных функций. Единственная обязанность, возложенная на них, носит пассивный характер — не нарушать порядок в зале суда, не препятствовать действиям судебного исполнителя. Таким образом, гражданские процессуальные правоотношения с их участием могли бы строиться только как абсолютные правоотношения по типу отношений собственности. Такой подход противоречил бы основам теории гражданских процессуальных правоотношений. Итак, лица, присутствующие в зале, и лица, препятствующие действиям судебного исполнителя, не являются субъектами процесса, а, следовательно, к ним не могут применяться меры гражданской процессуальной ответственности. С нашей точки зрения, нецелесообразно регламентировать процесс привлечения их к ответственности в гражданском процессуальном кодексе. Ответственность за нарушение порядка в зале суда по своему характеру является административно-правовой. Ответственность за нарушение порядка в любом общественном месте должна наступать по статье 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях (за совершение мелкого хулиганства). Регламентация такой ответственности процессуальным законодательством могла быть как-то оправдана в случае, если бы процессуальное законодательство предусматривало повышенную, по сравнению с административным, ответственность за нарушение порядка в зале суда. Однако в настоящее время статья 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях предусматривает более суровые меры ответственности, чем статья 149 ГПК РСФСР. Ее санкция предусматривает штраф от 10 до 50 рублей, исправительные работы или административный арест на срок до 15 суток. Согласно статье 149 ГПК РСФСР суд может лишь наложить на правонарушителя штраф в размере до 30 рублей. Вряд ли это оправданная льгота, предоставляемая нарушителю порядка

судебного заседания по сравнению с аналогичными правонарушениями в других общественных местах. По нашему мнению, следует заменить в ч. 2 статьи 149 ГПК РСФСР фразу "суд вправе также наложить на граждан, присутствующих при разбирательстве дела, штраф в размере до 30 рублей" на следующую: "суд вправе также привлечь граждан, присутствующих при разбирательстве дела, к ответственности по нормам административного законодательства".

Аналогичную отсылочную норму содержит ч. 2 статьи 358 ГПК РСФСР: "В случае оказания сопротивления судебному исполнителю при исполнении решения судебный исполнитель в присутствии понятых составляет об этом акт и для устранения препятствий обращается за содействием к органам власти. Акт ...представляется судье для разрешения вопроса о привлечении к ответственности лиц, оказавших сопротивление судебному исполнителю". Такое решение вопроса законодателем представляется в принципе правильным. Однако действующее административное законодательство не содержит правового основания для привлечения виновного к ответственности, поскольку статья 165 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях предусматривает только ответственность за злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника милиции или народного дружинника при исполнении ими своих обязанностей по охране общественного порядка. Думается, назрела необходимость дополнения административного законодательства нормой, предусматривающей ответственность за злостное неповиновение распоряжениям должностного лица правоохранительного органа при исполнении им своих служебных обязанностей.

Проблемы субъективной и объективной сторон состава гражданского процессуального правонарушения находятся за рамками данной статьи и требуют самостоятельного научного исследования.

Использованные материалы

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права. - Т.1. - Свердловск, 1972.
2. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1981.
3. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальное правонарушение // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. - М., 1985.

4. Елисейкин П.Ф. Понятие, виды и структура гражданских процессуальных норм // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. - Ярославль, 1976.
5. Земченко Н.А. Роль ГПК РСФСР в предупреждении правонарушений // Проблемы совершенствования Гражданского процессуального кодекса РСФСР. - Свердловск, 1975.
6. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. - Воронеж, 1984.
7. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. - М., 1966.
8. Курьлев С.В. Санкция как элемент правовой нормы // Сов. гос-во и право. - 1964. - № 8.
9. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). - М., 1981.
10. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. - М., 1985.
11. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. - М., 1973.
12. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. - М., 1960.
13. Пиголкин А.С. Нормы советского социалистического права и их структура // Вопросы общей теории советского права. - М., 1960.
14. Правила рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами // СП СССР. - 1980. - № 16-17. - Ст. 104.
15. Рудковский Э.И. Свобода и ответственность личности. - Минск, 1979.
16. Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. - М., 1971.
17. Чечина Н.А. Связь гражданского процессуального права с институтом ответственности // Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. - Ярославль, 1977.
18. Чечот Д.М. Функции гражданского процессуального права // Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. - Ярославль, 1977.
19. Чуйков Ю.Н. Частное определение в гражданском судопроизводстве. - М., 1974.
20. Щеглов В.Н. Субъекты судебного гражданского процесса: Лекции для студентов. - Томск, 1979.
21. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. - Л., 1976.
22. Юков М.К. Структурно-сложное содержание гражданских процессуальных правоотношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Свердловск, 1972.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ
КАК ОСНОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
АКТИВИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА
В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

(Социологический аспект исследования ответственности
в управлении)

Е.А. Агеева
г. Ленинград

Отличительная особенность документов XXVII съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС - их обращенность к человеку. С человеком, человеческим фактором непосредственно связываются все намеченные задачи и планы в экономической и социальной сферах (в том числе и в государственно-правовой). Намеченная программа перестройки в области государственного управления начинается также с человека. По данным новосибирских социологов, в сельских районах 90% руководителей и 84% рядовых работников считают, что при иных экономических и организационных условиях они могли бы трудиться с большей эффективностью. По данным нашего опроса, проведенного сотрудниками Лаборатории проблем социального управления НИИ комплексных социальных исследований Ленинградского госуниверситета в системе Леноблисполкома, 59,6% опрошенных должностных лиц ответили на аналогичный вопрос положительно и лишь 10,4% считают, что лучше, чем сейчас, они и при иных условиях не смогут.

Выдвижение на первый план проблемы человеческого фактора в государственном управлении означает, в принципе, необходимость всестороннего изучения этой проблемы. Вместе с тем, следует учитывать, что человеческий фактор в рассматриваемой системе в его широкой социальной трактовке - явление настолько многоплановое и сложное, что не только не может сегодня в полном объеме исследоваться социологическими методами, но и вообще, как справедливо отмечается в литературе, трудно поддается определению /3/.

С этих позиций представляется теоретически оправданным и практически ценным исследование целенаправленного государственно-властного воздействия на управленческий персонал (в

особенности на должностных лиц) с целью выявления и активизации возможного управляющего потенциала последнего.

В связи с необходимостью сосредоточить внимание на одной из главных "болевых" точек государственно-властного воздействия на управленческий персонал в процессе государственного управления мы выделяем в качестве ключевого момента активизации человеческого фактора ответственность, рассматривая ее в качестве определяющего элемента в механизме детерминации управленческой деятельности должностных лиц.

Социологическое исследование проблемы ответственности должностных лиц в управлении возможно, на наш взгляд, лишь как исследование комплексное, основанное на изучении как социально-экономических и организационно-правовых аспектов, так и социально-психологических, личностных характеристик, определяющих ответственное поведение должностных лиц в их профессиональной деятельности.

В самых общих чертах комплексное социологическое исследование ответственности в государственном управлении должно охватывать, как минимум, следующий круг проблем:

1. Изучение ответственности как одного из основных факторов государственно-властного управляющего воздействия на профессиональную деятельность управленческого персонала.

2. Исследование ответственности (в том числе и юридической ответственности) как института управления.

3. Изучение особенностей действия механизма юридической ответственности в государственном управлении.

4. Выявление и исследование основных факторов, детерминирующих управленческую деятельность государственных служащих и особенно влияющих на ответственное поведение в их деятельности (главным образом, социально-экономических, организационно-правовых и социально-психологических).

5. Выявление и изучение реальных оснований ответственности должностных лиц в системе государственного управления. Исследование юридических оснований ответственности.

6. Формирование основных требований и рекомендаций (правовых и социально-психологических) к определению управленческих служебных обязанностей, за неисполнение (нарушение) которых должна быть установлена ответственность.

7. Выявление основных критериев оценки и профессиональных требований к управленческому персоналу, а также разработка научных рекомендаций по подбору и формированию резерва, обучению и повышению квалификации управленческого персо-

нала (в рамках действующего механизма ответственности).

Исходя из изложенных позиций ответственность в управлении может рассматриваться как способ активизации профессиональной управленческой деятельности государственных служащих, включающий в себя не только традиционные юридические, но и социально-экономические, организационные и социально-психологические факторы.

Как метод воздействия ответственность является одной из парных категорий в блоке: поощрение-принуждение (наказание). Известно, что мотивация поведения советского служащего формируется главным образом не под влиянием принуждения, а на основе понимания целей управления, уяснения и понимания норм, правил, границ служебного поведения. Однако нас в первую очередь интересуют содержание и назначение социального института ответственности, во многом детерминирующего служебное поведение управленческого персонала. Можно предположить, что именно в государственном управлении институт ответственности превращается из преимущественно карательного, правоохранительного в важнейший институт организации, государственно-целенаправленного воздействия на управленческий персонал с целью реализации возложенных на него функций управления.

В таком подходе заложена опасность возможной методологической ошибки, истоки которой коренятся в различиях подходов и взглядов на понятие ответственности. Исходным в нашем понимании является взгляд, в соответствии с которым ответственность (в любой ее предметной интерпретации) понимается по крайней мере как социальное принуждение (во всех его формах) к исполнению, соблюдению определенных социальных норм, правил поведения, служебных (управленческих) обязанностей, а не просто как чувство, осознание долга, простой стимул "хорошо исполнить дело" и т.п. Именно в этом заключается ее стимулирующий, организующий характер воздействия на процесс управления.

В связи с этим специального пояснения требует понятие управленческой обязанности, поскольку именно управленческая обязанность является, на наш взгляд, основным звеном механизма ответственности в управлении. Следует прежде всего отметить, что само понятие обязанности (управленческой, должностной и т.п.) в управлении носит достаточно неопределенный и неоднозначный характер. Это во многом определяется тем обстоятельством, что в сфере государственного управления наря-

ду с управленческими отношениями, имеющими административно-правовую форму, в рамках которых права и обязанности субъектов этих отношений сформулированы как юридические со всеми вытекающими отсюда юридическими особенностями, большая часть управленческих отношений регулируется либо с помощью юридических актов, в которых права и обязанности субъектов управления устанавливаются в самом общем виде, лишенных каких-либо юридических признаков, так, что их практически трудно отграничить от функций и задач управления, либо эти отношения вообще не имеют юридического оформления.

Иначе говоря, права и обязанности субъектов управленческих отношений реализуются не столько в правоотношениях, сколько вне их, однако почти всегда в рамках административных или даже административно-правовых отношений. Поясним это положение примерами. 9 декабря 1987 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление, посвященное весьма актуальному и сложному вопросу управления — перестройке работы местных Советов народных депутатов Липецкой области и системы их управления в условиях ускорения социально-экономического развития в соответствии с постановлением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 25 июля 1986 года /1/. Постановляющая часть этого правового акта содержит пять статей (при этом статья 2 состоит из 8 пунктов). Юридический анализ названного постановления свидетельствует о том, что оно не содержит ни одной правовой нормы, а также ни одного правового предписания, которые были бы рассчитаны на какой-либо юридический результат, вызвали бы какие-либо юридические последствия в управленческой деятельности адресатов этого правового акта. Это типичный пример регулирования управленческих отношений в юридической форме, когда управленческий правовой акт не несет никакой правовой нагрузки и поэтому не влияет на структуру правоотношений субъектов управления.

Другой пример также демонстрирует характер предписаний, содержащихся в данном случае в решениях исполкомов местных Советов народных депутатов. Лабораторией проблем социального управления НИИ комплексных социальных исследований Ленинградского госуниверситета в соответствии с программой исследования управленческой деятельности местных Советов был проведен контент-анализ содержания текстов решений исполкомов Бокситогорского районного, Новгородского и Ленинградского областных Советов народных депутатов. Всего этим методом бы-

ло проанализировано 1881 решение.

Анализ этих правовых актов показал, в частности, что решения, создающие какие-либо организационно-правовые предпосылки для текущей управленческой деятельности системы управления, должностных лиц этой системы, устанавливающие или изменяющие конкретные управленческие обязанности этих субъектов управления и т.п. по Новгородскому и Ленинградскому облисполкомам составили лишь 20%, по Бокситогорскому райисполкому — соответственно 7,8%.

Оставляя в стороне самостоятельный, хотя и весьма острый в управленческой практике, вопрос об эффективности регулирующего, управляющего воздействия подобных правовых актов, отметим лишь то обстоятельство, что понятие управленческих обязанностей в государственном управлении не совпадает с понятием юридических обязанностей субъектов управленческих отношений, что, в свою очередь, непосредственно связано с интересующей нас проблемой ответственности в управлении, особенно в том случае, если ее рассматривать как фактор активизации деятельности управленческого персонала.

Анализируя управленческие обязанности, следует также учитывать, что характер (например, статусных должностных обязанностей) как с социологической, так и с юридической точки зрения проявляет свою управляющую ценность главным образом в динамике, в процессе конкретной профессиональной деятельности управленческого персонала, во взаимодействии с другими субъектами управления, которые являются своего рода потребителями (говоря современным языком) результатов этой деятельности, причем наделенными определенными правами как субъекты управления.

Удовлетворение этих прав возложено на соответствующие органы государственного управления и их должностных лиц, а обязательность определенных управленческих действий последних должна обеспечиваться государством.

Мы исходим из возможности и необходимости изучения закономерностей самого процесса формирования статусных, должностных обязанностей субъектов управления (в частности, должностных лиц) на основе существующих социологических процедур анализа управленческой деятельности, функций управления, обязательности служебного поведения должностных лиц и т.п. В свою очередь, понятие ответственности в государственном управлении основано на включении в него принуждения (в том числе правового) как атрибутивного свойства всякой управлен-

ческой обязанности. В связи с этим принуждение в государственном управлении необходимо рассматривать не только на правовом, но и на социально-экономическом и психологическом уровнях.

При таком подходе механизм ответственности в управлении должен изучаться не только в традиционном для этой сферы общественных отношений "вертикальном" срезе: ответственность нижестоящих (подчиненных) субъектов управления перед вышестоящими, но также и на уровне равно- и нижестоящих субъектов управления, включая ответственность должностных лиц перед гражданами.

В условиях перестройки и демократизации управления такая постановка вопроса особенно актуальна. В литературе даже высказывается в связи с этим мнение о необходимости разработки уголовно-правовых и административно-правовых "мер наказания за бюрократизм" или принятия специального закона по борьбе с бюрократией и коррупцией /2, с. 73/. Представляется, что принятие еще одного закона по совершенствованию управления мало что изменит в управлении, поскольку сам механизм бюрократии еще требует специальных исследований.

Исходя из изложенного подхода к пониманию управленческой обязанности с учетом имманентно присущего ей государственного принуждения, механизм обеспечения должностных, в частности, обязанностей включает возможность применения различных форм государственного принуждения в случае неисполнения, нарушения обязанности независимо от положения в иерархии управления того субъекта, чьи права нарушены в результате неисполнения управленческой обязанности. Предлагаемый подход приобретает особую практическую значимость в современных условиях, поскольку действующий в государственном управлении механизм ответственности, по общему признанию, не гарантирует надлежащего исполнения управленческих обязанностей всеми субъектами управления даже в тех случаях, когда эти обязанности имеют правовую основу. Особенно это касается субъективных прав граждан в управлении.

Как показывают социологические исследования, управленческий персонал в своей профессиональной деятельности в значительной степени не ориентирован на неуклонное выполнение всего объема возложенных на него служебных обязанностей, особенно в отношении граждан, а также ниже- и равностоящих субъектов управления.

Поскольку в государственном управлении активизация че-

ловеческого фактора связана не только с юридической ответственностью, но в целом с институтом социальной ответственности, поэтому и социологическое исследование должно быть ориентировано на выявление всех основных факторов, детерминирующих ответственность управленческого персонала в процессе профессиональной управленческой деятельности.

Прежде всего ответственность рассматривается как элемент должностного статуса (применительно к должностным лицам), поскольку характер, объем и вид ответственности зависит прежде всего от таких характеристик, как компетенция государственных служащих, объем их властных полномочий и иных организационно-правовых гарантий реализации управленческих функций (соответствие объема полномочий характеру обязанностей, соразмерность целей, задач и функций управления по должности, организационное, ресурсное и информационное обеспечение функций и обязанностей и т.п.). Традиционное исследование ответственности далее идет по схеме: социальное и юридическое закрепление в рамках организационно-правового статуса основных функций и обязанностей по должности, выделение оснований ответственности, установление санкций, в том числе и юридических.

Как известно, при таком подходе за рамками исследования остается, по существу, сам механизм детерминации ответственного поведения служащих и, соответственно, способы и методы активизации их профессиональной деятельности по выполнению возложенных на них обязанностей. С этой целью, на наш взгляд, необходимо наряду с прочими факторами исследовать процесс формирования определенного типа личности в зависимости от усвоения ею конкретных социальных и социально-профессиональных норм в рамках существования отдельных социально-профессиональных групп служащих, изучение степени осознанности, усвоенности и способов реализации ответственности как социальной нормы в должностном и профессиональном поведении управленческого персонала. По мере углубления социально-психологического подхода к исследованию ответственности должностных лиц в управлении возможно исследовать ответственность как свойство личности (изучение структуры личностных свойств, проявляющихся в реальном поведении и т.п.).

Нетрадиционный подход к исследованию ответственности в государственном управлении позволит, на наш взгляд, установить зависимость ответственности от организационно-правовой определенности должностных, статусных характеристик, от уров-

ня профессиональной квалификации государственных служащих, от степени понимания, усвоенности и возможности реализации служебных обязанностей, что, в свою очередь, позволит более полно представить механизм детерминации служебного поведения управленческого персонала в системе управления.

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

1. О работе Советов народных депутатов Липецкой области по выполнению Постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР "О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС": Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1987. - № 51. - Ст. 1731.
2. Перестройка в правовой системе, юридической науке, практике: Материалы конференции // Советское государство и право. - 1987. - № 11.
3. Туманов Г.А. Человеческий фактор государственного управления // Советское государство и право.-1986. - № 10.

ВОПРОСЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

И.М.М. Орго
г. Тарту

В последние годы большое внимание уделяется проблемам социальной справедливости. Тема социальной справедливости трактуется в многообразных связях и в контексте различных сфер жизни. Демократизация общества немислима без обеспечения социальной справедливости для своих членов. Несправедливость и произвол не были "привилегией" одних лишь прошлых времен - периода культа личности и так называемых застойных лет. С дефицитом социальной справедливости мы сталкиваемся и в настоящем, где он ощущается в командной по сути практике административно-ведомственной политики. Для содействия социальной справедливости многое следует предпринять и нашим судам, дабы руководствоваться ею в своей практике.

В настоящей статье анализу будут подвергнуты лишь некоторые положения судебной практики в связи с материальной ответственностью рабочих и служащих, которая, по мнению автора, нуждается в преобразовании именно исходя из принципов социальной справедливости.

1. Общеизвестной истиной является обязанность рабочих и служащих возместить причиненный их действиями или бездействием предприятиям, учреждениям либо организациям прямой действительный ущерб в случае, если имеют место следующие три условия: 1) ущерб должен быть причинен в результате противоправного поведения работника; 2) между противоправным поведением работника и причиненным ущербом должна присутствовать причинная связь и 3) работник должен быть виновным в причинении ущерба /5, с. 275/. Если хотя бы одно из перечисленных условий отсутствует, применение к работнику материальной ответственности не допускается.

Эти общие требования действуют и в том случае, когда работник несет полную материальную ответственность на основе договора об индивидуальной или коллективной материальной ответственности. Различие заключается лишь в том, что в общем

случае администрация должна доказать вину работника в причинении ущерба. Если работник взял материальные ценности на хранение на основе письменного соглашения, то при причинении ущерба его вина предполагается. Работник освобождается от ответственности, если он оказывается способным доказать, что ущерб возник по не зависящим от него обстоятельствам /6, с. 59/.

Однако эти общие положения зачастую помещают работников, несущих на основе договора полную материальную ответственность, в достаточно сложную ситуацию. Приведем несколько конкретных примеров из судебной практики.

И.К. работал кладовщиком на Таллинском холодильнике. С ним был заключен договор о полной материальной ответственности. В его обязанности входила отправка мяса организациям, в том числе и в другие союзные республики. В вагоны был погружен, а затем отправлен в путь очередной груз с мясом. При приемке мяса был оформлен соответствующий акт, согласно которому в трех вагонах была зафиксирована недостача на общую сумму 3787 рублей. Поскольку акты о приемке груза были оформлены с соблюдением всех необходимых требований, Таллинский холодильник удовлетворил претензии грузополучателя и представил в народный суд иск о взыскании причиненного холодильнику ущерба с кладовщика. Кладовщик уверял, что невиновен в недостаче, ибо мясо было загружено в вагоны в полном соответствии с накладными. Погрузка осуществлялась в присутствии комиссии, которая проверяла соответствие груза документации. Комиссией также был составлен акт соответствующего содержания. Акт зафиксировал, что отправка оговоренного груза была произведена согласно действующим требованиям /1/.

Аналогичные судебные дела обсуждались в нашей республике различными судами /2/. Недоразумения имели место преимущественно при перевозках мяса и мясных изделий. Претензии к Тартускому мясокомбинату предъявлялись различными холодильниками и соответствующими организациями других союзных республик, в связи с чем Тартуский мясокомбинат предъявил против своих кладовщиков иск на сумму 2956 рублей. Однако и здесь груз отправлялся в присутствии комиссии и количество отправляемого мяса и колбасы зафиксировано было актами /3/.

В ряде аналогичных дел народные суды не удовлетворяли исков, возбужденных предприятиями и организациями против кладовщиков, но эти решения опротестовывались и в большинстве случаев причиненный ущерб приходилось все же возмещать кладовщикам /4/.

Встает вопрос: каким образом в подобной ситуации работник может доказать свою невиновность в причинении ущерба. Если работниками организации-грузополучателя должным образом оформлен акт о недостатке, что подтверждается и проверкой составления акта, то организация-грузоотправитель обязана удовлетворить претензию. Правда, представитель отправителя может выехать на место и присутствовать при приемке товара, но если мясо и мясные продукты часто приходится отправлять в другие республики, то присутствие представителя грузоотправителя при каждой приемке груза практически нецелесообразно. Направление представителя организации-грузоотправителя для присутствия при приемке груза входит в компетенцию администрации и не зависит от кладовщиков.

"Испарение" дефицитных продуктов - мяса и мясных продуктов - может осуществляться как на железной дороге, так и на станции назначения. Соответствующие органы пока еще не в состоянии выявить всех хищений. В подобной ситуации нельзя считать правильным, что суд не учитывает акта, составленного при отправке товара, тогда как акт, составленный при получении груза, служит основанием для назначения материальной ответственности /4/. Суд в аналогичных случаях должен весьма основательно рассматривать вопрос. Не будучи в состоянии установить истинные причины недостачи, суд должен иметь право оставить иск предприятия без удовлетворения. Администрация может по крайней мере применять различные пути для выяснения истинных причин недостачи. Единственное "спасение" для кладовщика - отправка груза в присутствии комиссии. Если соответствующий акт составлен по всем правилам, то он должен приниматься во внимание наравне с актом, составленным при приемке груза.

2. Возражение вызывают и некоторые судебные решения об ответственности членов бригады, с которой заключен договор о коллективной материальной ответственности. В соответствии с трудовым договором о коллективной материальной ответственности подлежащий возмещению ущерб распределяется между членами бригады пропорционально их тарифной ставке (месячному окладу) и фактически проработанному времени в период от последней инвентаризации до дня обнаружения недостачи. Бригада освобождается от ответственности лишь в двух случаях:

- 1) когда доказана невиновность работников в причинении ущерба;
- 2) если будет установлен конкретный виновник (виновни-

ки) причиненного ущерба из числа членов данного коллектива (бригады) /9/.

При обнаружении недостачи и при исследовании связанных с ней обстоятельств зачастую невозможно определить, что конкретно обусловило недостачу. В то же время в поведении бригадира материально ответственной бригады обнаруживается состав должностной халатности, т.е. состав преступления, наказуемого по ст. 162 УК ЭССР. Должностная халатность усматривается в невыполнении или ненадлежащем выполнении должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившем существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан.

Судебная практика пошла по тому пути, что в том случае, когда бригадир материально ответственной бригады признается виновным в должностной халатности, материальная ответственность признается лишь за ним по той причине, что ущерб причинен действиями работника, содержащими признаки уголовного наказуемого деяния (п. 3 ч. I ст. 128 КЗоТ ЭССР). Остальные члены бригады от ответственности освобождаются /II, с. 56-57/.

Если бригадир материально ответственной бригады своим поведением создал ситуацию, при которой остальные члены бригады не могут соответствующим образом хранить сданное на хранение имущество и прочие материальные ценности, выдавать их, вести учет и т.д., то в таком случае описанная выше судебная практика может быть полностью акцептирована. Но обстоятельства не всегда складываются именно таким образом. Халатное отношение бригадира к своим обязанностям не всегда формирует для прочих членов его бригады такую ситуацию, при которой они не в состоянии корректно выполнять свои обязанности. Если бы остальные члены бригады выполняли свои обязанности добросовестно и ответственно, информировали бы администрацию о нарушениях бригадиром порядка и о его халатном отношении к хранению материальных ценностей, то во многих случаях причинение ущерба можно было бы предотвратить. Предписания трудового договора о коллективной материальной ответственности предусматривают, что члены бригады обязаны делать все от них зависящее для хранения материальных ценностей и предотвращения ущерба, информировать администрацию обо всех обстоятельствах, могущих послужить причиной причинения ущерба /9/. При наличии недостачи во многих случаях можно констатировать халатность и безответственность не только в поведении бригадира, но и в поведении и отношении к своим

обязанностям всей бригады. В таких случаях бесосновательно освобождать членов бригады от материальной ответственности. Если халатность по отношению к своим обязанностям остальных членов бригады (помимо бригадира) доказана, то ответственность на основе договора о коллективной материальной ответственности следует применять в отношении всей бригады, несмотря на то, что к уголовной ответственности за должностную халатность привлечен бригадир. В противном случае чувство ответственности и добросовестность членов бригады рыхляются, что в конечном счете может даже привести к злоупотреблениям со стороны членов бригады. Подобная судебная практика особенно опасна в настоящее время, когда многие промышленные изделия и продовольственные товары стали дефицитом. Члены бригады, зная, что материальной ответственности в первую очередь подлежит именно бригадир, могут использовать это знание в корыстных целях. В некоторых случаях такая практика даже способствует хищениям.

3. Согласно ст. 224 КЗоТ ЭССР, суд обязует должностное лицо, виновное в незаконном увольнении работника или переводе его на другую работу с явным нарушением закона, возместить ущерб, причиненный предприятию (учреждению, организации) в связи с оплатой восстановленному работнику за вынужденный прогул или за время выполнения нижеоплачиваемой работы. Из этого же положения вытекает также, что суд возлагает на должностное лицо такое обязательство в том случае, если увольнение или перевод на другую работу осуществляются с явным нарушением закона. Прямым действительным ущербом в рассматриваемых случаях является средний заработок за время вынужденного прогула или разницы в заработной плате за время выполнения нижеоплачиваемой работы.

Кто в части рассматриваемого вида ответственности подразумевается под должностным лицом? При комментировании ст. 224 КЗоТ ЭССР была принята точка зрения, согласно которой ответственность в размере трех месячных окладов несет должностное лицо, по распоряжению (приказу) которого работник был незаконно уволен или переведен на другую, нижеоплачиваемую работу /10, с. 430/. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. "О применении судами законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора" (п. 25) также говорится о должностном лице, по распоряжению которого работник незаконно уволен или переведен на другую работу /7/.

Пленум Верховного Суда РСФСР в своем постановлении от 21 марта 1978 года точнее определил понятие должностного лица в этом конкретном смысле /8; 6, с.143/. По названному последним постановлению, ответственность в размере до трех месячных должностных окладов несут лишь те должностные лица, которые имеют право принимать на работу рабочих и служащих, переводить их на другую работу и увольнять. Стало быть, этот вид ответственности прежде всего распространяется на директоров предприятий, руководителей учреждений и организаций. Прочие должностные лица несут ответственность в размере трех месячных должностных окладов лишь в том случае, если им было дано право принимать на работу рабочих и служащих, переводить их на другую работу и увольнять с работы.

Виновным должностным лицам материальная ответственность назначается не в каждом случае восстановления, а лишь при явном нарушении закона. Примерный перечень явных нарушений закона приведен в постановлении Пленума Верховного Суда СССР. Этот перечень достаточно обширен. Однако суд может считать явными нарушениями и прочие нарушения установленных в трудовом законодательстве предписаний.

Практика знает случаи, когда юристконсульт незаконно визирует проект приказа об увольнении (увольнение беременной женщины, увольнение по инициативе администрации без разрешения профсоюзного комитета, увольнение молодого специалиста без согласия соответствующего вышестоящего органа и т.д.). Несмотря на чрезвычайно безответственное выполнение юристконсультом своих трудовых обязанностей, материальную ответственность при восстановлении работника на работе несет все же директор, подписавший приказ об увольнении.

В последние годы трудовое законодательство претерпело значительные изменения. Изменения и дополнения произойдут и в дальнейшем. Это - требование жизни. С изменениями, происходившими в законодательстве, на предприятиях и в организациях, должна быть в курсе прежде всего юридическая служба. Если от руководителей организаций и предприятий требовать знания юридических подробностей и нюансов, то какие же задачи должны выполнять работники юридических служб? Поэтому никак нельзя согласиться со сформировавшейся судебной практикой, при которой оплата труда, начисленная за время вынужденного прогула работника, с явным нарушением закона уволенного с работы или переведенного на другую работу и восстановленного на прежней работе органами, решающими трудовые

споры, должна быть компенсирована предприятию только должностным лицом, по распоряжению которого произошло противозаконное увольнение или перевод на другую работу. Ответственность должен нести тот работник, по вине которого рабочий или служащий был уволен или переведен на другую, нижеоплачиваемую работу с явным нарушением закона. Если в ходе обсуждения вопроса окажется, что работники юридической службы изложили руководителю предприятия или организации неправильное суждение, то материальная ответственность должна быть применима относительно виновных в причинении материального ущерба лиц, а не в отношении должностных лиц, которыми формально был подписан соответствующий приказ об увольнении или переводе на другую, нижеоплачиваемую работу. В противном случае окажется проигнорированным то обстоятельство, что материальная ответственность может быть применима лишь при наличии виновного поведения. И в данном вопросе судебная практика нуждается в перестройке.

Использованные материалы

1. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-3/76 1985 г.
2. Гражданские дела Верховного суда ЭССР № 2-3/72 1985 г.; № 2-2/294 1984 г.; № 2-2/553 1986 г.; № 2-3/68 1983 г.; № 2-2/469 1983 г.
3. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-3/15 1986 г.
4. Гражданское дело Верховного Суда № 2-2/294 1984 г.
5. Комментарии к законодательству о труде / Спец. ред. М.Е. Панкин. - М., 1987.
6. Пискарев И.К., Шеломов Б.А. Положение о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию: Комментарий. - М., 1988.
7. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. "О применении судами законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора" // Бюллетень Верховного Суда СССР. - 1984. - № 3.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 21 марта 1978 г. "О вопросах, возникающих в судебной практике при применении ст. 215 КЗоТ РСФСР" // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. - 1978. - № 6.
9. Типовой договор о коллективной (бригадной) материальной ответственности: Утв. Госкомтрудом и Секретариатом ВЦСПС от 14 сентября 1981 г. // Бюллетень Госкомтруда СССР. - 1982. - № 1.
10. Eesti NSV töökoodeks: Kommenteeritud väljaanne / Koost. J. Mäll. - Tallinn, 1978.
11. Orgo I.Т. Тööliste ja teenistujate materiaalne vastutus. - Tartu, 1986.

**ПОНЯТИЕ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ
ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ**

Д.А. Пыльд

г. Тарту

Дисциплинарная ответственность представляет собой вид юридической ответственности, которая, в свою очередь, является видом социальной ответственности. Для определения последней и ее отдельных видов следует выявить такой существенный признак, который наличествовал бы во всех частях целого. При этом необходимо иметь в виду, что ответственность есть одно из средств регуляции человеческого поведения.

I. В исследовании ответственности многими авторами применяется аксиологический подход, согласно которому инвариантное содержание во всех видах социальной ответственности состоит в определенной оценке, а поэтому данная оценка, выраженная в определенных мерах, и есть сама ответственность /5, с. 23; 22, с. 121; 23, с. 14; 29, с. 251; 33, с. 232; 34, с. 18-19/. При этом одни авторы связывают ответственность только с отрицательной оценкой, а другие - одновременно как с отрицательной, так и с положительной. Но так или иначе, ответственность связывается с применением экстраординарной оценки за экстраординарное деяние.

В то же время в литературе по аксиологии различаются не только полярные (положительные и отрицательные), но и нейтральные (нулевые, безразличные) оценки /9, с. 24-26/. И, по-видимому, не вызывает сомнения, что полярной оценки заслуживает аномальное деяние в виде заслуги^ж или проступка, а нейтральной (нулевой) - деяние, не являющееся ни заслугой, ни проступком. Нейтральную оценку обуславливают критерии (основания) применения полярных оценок. Конечно, если признать, что всякое неотрицательное поведение, в том числе и ординарное соблюдение норм минимально требуемого поведения, заслуживает положительной оценки, то нейтральным оценкам действительно нет места. Но это не так. Б.М. Баранов правильно

^ж Заслуга - это поступок, превосходящий обычные требования, выражающий наиболее ответственное отношение человека к своему долгу /11, с. 73/.

пишет, что выполнение обязанности есть необходимый минимум требуемого поведения, что оно должно требоваться безусловно, как должное, что поощрять есть смысл только за заслугу /4, с. 38 и 40/. Однако применение нейтральной оценки не означает безразличного отношения к объекту оценки. Это свидетельствует об отсутствии основания применять экстраординарные оценки, о нормотипическом поведении объекта оценки. Поэтому нейтральная оценка часто выступает хотя и пассивным, но все же регулятором поведения.

Следовательно, если признать, что ответственность выступает в виде как положительной, так и отрицательной оценки, то вполне логично предположить, что существует также нулевая (нейтральная) ответственность в виде нулевой (нейтральной) оценки. Перефразируя распространенный среди сторонников положительной ответственности контраргумент против понимания ответственности только как негативного явления /3, с. 65/, можно утверждать, что нулевая (нейтральная) ответственность настораживает правоведов только потому, что она не согласуется с привычной трактовкой ответственности лишь как определенного экстраординарного последствия деяния. С таким положением вряд ли можно согласиться.

В литературе ответственность связывается со свободой воли человека как сторонниками положительной ответственности /14, с. 65/, так и авторами, признающими право на существование только за негативной ответственностью /34, с.18/. Представители обеих дискутирующих сторон часто ссылаются на известное реферирование Ф. Энгельсом относящегося ко времени лютеранской и кальвинистской реформации положения о том, что "... человек только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной свободой воли..." /37, с. 82/.

Рассмотрим, соответствует ли этому принципу положение о том, что ответственность существует в виде как положительной, так и отрицательной оценки. При этом необходимо иметь в виду, что в данном контексте Ф. Энгельс связал действительную свободу воли с отсутствием внешнего принуждения, сильно влияющего на самостоятельность выбора варианта поведения, и противопоставил ее формальной (юридической) свободе воли. Ведь рассматривая буржуазный институт брака, он различает действительную и формальную свободу воли и обращает внимание на то, что "... слишком хорошо было известно, как получалось это согласие и кто фактически заключал брак" /37,

с. 82/. Здесь невозможно не сослаться на А.П. Черменину, которая пишет: "В теории утвердилось, что человек должен быть призван к ответу и отвечать за то, что он сделал сам, самостоятельно, добровольно, намеренно, и за то, что он предвидел как результат своих действий. Иными словами, мера вменения в вину связывается с мерой добровольного поведения, то есть со свободой человека" /36, с. 134/.

Представляется, что известная связь, согласно которой за совершение безнравственного деяния вместе с уменьшением свободы воли его субъекта обязательно уменьшается и степень отрицательной оценки до применения нейтральной оценки за не-свободное деяние, не имеет аналога при применении положительных оценок. Ведь в заслугу может вменяться и отказ от совершения безнравственного деяния под принуждением к последнему. В таком случае, несмотря на ограниченность свободы воли поведение может оцениваться и особо положительно. Но в то же время нельзя отрицать возможность применения особо положительной оценки к лицу, имеющему заслугу в условиях подлинной свободы воли. Тем более, что в этих условиях возможность правильного выбора в силу множества вариантов усложнена. По-видимому, не вызывает сомнения и вывод о том, что в случае принуждения человека к положительному деянию степень положительной оценки его поведения уменьшается с уменьшением свободы воли, что при отсутствии свободы воли положительное деяние может оцениваться нейтрально. В последнем случае вообще нет заслуги, так как ее субъективная сторона отсутствует. В таких случаях свойство личности, требующее принуждения к общественно полезному деянию или приводящее к отказу от добровольного совершения такого деяния, в определенных условиях может оцениваться отрицательно.

Напрашивается вывод: при применении положительных и отрицательных оценок подход к свободе воли неодинаков в силу действия здесь различных правил. Применяемая в условиях отсутствия свободы воли субъекта деяния нейтральная оценка также вряд ли является регулятором человеческого поведения.

Думается, что коренное различие между положительной, отрицательной и нейтральной оценками, то есть их различные связи со свободой воли субъекта деяния, различия в основаниях (критериях) их применения и их функциях, не позволяет рассматривать применение всех этих оценок в плане привлечения к ответственности. Тем более, что представление о нулевой ответственности кажется нам более чем странным хотя бы потому, что

нейтральная оценка далеко не всегда выполняет функцию регуляции человеческого поведения. Она не обладает такой функцией при оценивании деяния, совершенного в условиях полного отсутствия свободы воли, и его "автора", например, в случае совершения деяния недееспособным вследствие слабоумия. Поэтому представляется несостоятельным также положение о том, что вопрос о положительной ответственности — это вопрос конвенции.

Руководствуясь изложенными соображениями, мы солидарны с авторами, признающими, что ответственность есть только негативное явление и что положительная оценка, выраженная в позитивных санкциях, составляет качественно отличный способ регуляции человеческого поведения в виде поощрения.

2. Учитывая оговоренное выше понимание социальной ответственности, мы согласны с М.Х. Фарукшиным в том, что "коренным существенным свойством юридической ответственности является государственное осуждение правонарушителя" /34, с. 19/. По нашему мнению, другие признаки, то есть определение законодательством мер ответственности, порядка, оснований и последствий их применения, исключительно ретроспективный и внешний характер, государственное принуждение к соблюдению правопорядка, выполнение роли средства правового регулирования, лишь характеризуют отдельные аспекты юридической ответственности. При этом распространенное утверждение, согласно которому юридической ответственности присуща принудительность, то есть что применение ответственности не зависит от воли и желания правонарушителя /13, с. 134; 24, с. 44/ свидетельствует о специфике юридической ответственности. И.А. Ребане обоснованно указывает, что принудительность есть имманентное свойство всех видов внешней ответственности /22, с. 122/.

3. Особую проблему составляет вопрос специфики дисциплинарной ответственности.

Известно, что дисциплинарная ответственность предусмотрена нормами различных отраслей права, что специального дисциплинарного права не существует. В данном контексте можно согласиться с выводом о том, что и дисциплинарной ответственности как единого вида юридической ответственности не существует /10, с. 22/, что она составляет комплексный правовой институт, который охватывает нормы и отношения, характерные для нескольких отраслей права /6, с. 184/.

Однако определенные общие признаки между отдельными видами дисциплинарной ответственности, несомненно, есть, что позволяет рассматривать ее как самостоятельный подвид юридической ответственности, установленный нормами нескольких отраслей права. И все же единство в понимании критериев выделения дисциплинарной ответственности из числа других видов юридической ответственности отсутствует.

Общеизвестным и бесспорным признаком дисциплинарной ответственности служит то, что ее меры могут применяться только к членам определенного организационно оформленного коллектива.

Обычно неотъемлемым свойством дисциплинарной ответственности считается служебное или какое-либо иное внутриорганизационное подчинение (например, по учебе, по несению лишения свободы) объекта ответственности ее субъекту (инстанции). В этом плане необходимо обратить внимание на обоснованное замечание Г.И. Гуляева о том, что судьи не подчинены дисциплинарной коллегии, которая вправе налагать на них дисциплинарные взыскания /7, с. 69/. Также необходимо отметить, что иногда на крупных предприятиях дисциплинарные взыскания применяются заместителем директора по кадрам, которому понесший наказание работник, как правило, не подчиняется. Поэтому кажется, что в качестве неотъемлемого свойства дисциплинарной ответственности нельзя рассматривать подчинение объекта ответственности ее субъекту (инстанции). Неотъемлемым свойством всех видов дисциплинарной ответственности не является также привлечение к ответственности должностным лицом или органом той организации, в состав которой входит виновный. Дело в том, что члены Верховных Судов СССР и союзных республик привлекаются к дисциплинарной ответственности соответствующими Президиумами Верховных Советов /31, ст.1; 17, ч. 2, ст. 6/, а лица, несущие ответственность по постановлению ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 года, — лицом (органом), от которого зависит назначение их на должность, и лицом (органом), вышестоящим по линии подчиненности в отношении такого лица (органа) /19, ч.2 ст. 6/, причем последние часто не являются членами коллектива, в состав которого входит виновный. Также нужно отметить, что дисциплинарными уставами дисциплинарная власть предоставляется всем руководителям данного ведомства /см., например, 32, п. 21/.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что неотъемлемым свойством всех видов дисциплинарной ответственности

ности по советскому законодательству является один из следующих: привлечение к ответственности либо лицом (органом) того коллектива или ведомства, в состав которого входит виновный, либо лицом (органом), не входящим в состав такого ведомства, но от которого зависит назначение виновного на должность или которому такое лицо (орган) подчиняется.

Мы считаем, что деяния, за совершение которых могут применяться дисциплинарные санкции, не относятся к решающим признакам, на основании которых можно определить дисциплинарную ответственность. Ведь в литературе обоснованно указано на то, что меры дисциплинарной ответственности применяются не только за совершение дисциплинарного проступка, но в указанных в законодательстве случаях - также за совершение административного проступка, аморального поступка и за преступление /2, с. 55/. С 1 июля 1986 года даже общее законодательство о труде предусматривает возможность уволить работников в дисциплинарном порядке за совершение по месту работы хищения социалистической собственности /30, ст. 6 п.2/, то есть за преступление. В литературе по уголовному праву обоснованно указано, что предусмотренное уголовным законодательством деяние остается преступлением, независимо от вида ответственности, применяемого за его совершение /8, с. 168/. Поэтому невозможно категорически утверждать, что меры дисциплинарной ответственности установлены с целью обеспечения внутриорганизационной дисциплины. По нашему мнению, практика подтверждает, что они составляют универсальные средства обеспечения правопорядка и применяются за нарушения, прямо указанные в законодательстве. При этом вопрос о включении какого-либо деяния в число нарушений, наказуемых в дисциплинарном порядке, представляет собой, как нам кажется, вопрос целесообразности. Конечно, основную массу среди нарушений, преследуемых в дисциплинарном порядке, составляют дисциплинарные проступки. За другие нарушения дисциплинарная ответственность установлена в тех случаях, когда законодатель считает ее наиболее эффективным средством для борьбы с ними.

Особую проблему составляет вопрос о мерах дисциплинарной ответственности. Ведь к работникам наряду с дисциплинарными взысканиями применяются и такие внутриорганизационные наказательные меры как сокращение отпуска прогульщикам, лишение права на получение процентной надбавки за выслугу лет, депремирование, понижение квалификационного разряда, лишение нагрудного значка "Почетному работнику морского флота" и др.

При раскрытии юридической природы этих средств правоведа отнюдь не единодушны. Наиболее широко распространена точка зрения, согласно которой мерами дисциплинарной ответственности являются только дисциплинарные взыскания, а другие меры наказательного характера составляют лишь меры дисциплинарного воздействия /16, с. 73; 35, с. 66/. Однако в литературе встречаются и иные мнения о юридическом характере так называемых мер дисциплинарного воздействия. Например, по мнению П.Р. Стависского, эти меры составляют самостоятельный вид ответственности по трудовому праву /27, с. 69-70/.

Мы полагаем, что дисциплинарные взыскания и так называемые меры дисциплинарного воздействия суть однотипные явления, то есть в них содержится осуждение виновного, все они носят карательный характер, все они установлены для применения к членам определенного организационно оформленного коллектива и не заключаются в возмещении причиненного ущерба. Кроме того, так называемые меры дисциплинарного воздействия применяются тем же лицом или органом, которые уполномочены налагать на данного работника дисциплинарные взыскания. На основе указанной однотипности дисциплинарных взысканий и так называемых мер дисциплинарного воздействия возможен вывод о том, что последние составляют дополнительные меры дисциплинарной ответственности. По аналогии с уголовным правом можно говорить также об основных и дополнительных дисциплинарных взысканиях.

4. В раскрытии механизма реализации дисциплинарной ответственности рабочих и служащих в литературе известны два пути. Одни правоведа (например, В.Н. Смирнов и Л.А. Сыроватская) придерживаются концепции С.С. Алексеева об охранительных правоотношениях и занимают позицию, согласно которой дисциплинарная ответственность по трудовому праву реализуется в самостоятельном охранительном правоотношении /25, с. 124; 28, с. 25-27/. Другие (например, А.А. Абрамова и А.В. Пятаков) отрицают охранительное правоотношение по применению дисциплинарной ответственности, придерживаясь того мнения, что дисциплинарная ответственность реализуется в самом трудовом правоотношении /1, с. 54-56; 21, с. 137-139/.

Сторонники охранительного правоотношения считают его элементами обязанность совершившего проступок работника отвечать, давать отчет или претерпевать взыскание и право администрации применять меры дисциплинарной ответственности.

Мы полагаем, что о подобных обязанностях, возникших с момента совершения правонарушения, невозможно говорить вследствие того, что сам работник не может их исполнять /12, с. 183-184; 22, с. 114-115/. В то же время известно, что правовое положение лица, совершившего правонарушение, коренным образом меняется уже с момента совершения правонарушения. К нему могут применяться меры юридической ответственности. Но такое правовое положение невозможно характеризовать категорией "обязанность". Поэтому представляется, что ущербное правовое положение правонарушителя можно вслед за О.Э. Лейстом обозначить термином "подверженность наказанию" /12, с. 194/ либо "наказуемость", точнее, - "подверженность мерам дисциплинарной ответственности" или "дисциплинарная наказуемость".

Представляется, что законодательство о труде не позволяет говорить и о специальной обязанности нести взыскание, возникшей с момента привлечения к ответственности. Такой обязанности нет уже потому, что работник, на которого наложено взыскание в виде замечания, выговора, строгого выговора и предупреждения о неполном служебном соответствии, может в любое время, соблюдая установленный для этого порядок, уволиться по собственному желанию, не претерпевая наложенного взыскания. Он либо претерпевает взыскание, либо не претерпевает его. Все зависит от его собственного усмотрения. Никакой специальной обязанности на нем не лежит. Думается, что даже если запретить его увольнение по собственному желанию, сконструировать охранительное правоотношение, элементом которого являлась бы обязанность претерпевать взыскание, невозможно. В таком случае лишь установлено ограничение в праве увольняться по собственному желанию, в силу чего работник после подачи заявления об увольнении обязан продолжать исполнение трудовой функции и поэтому, в конечном счете, он вынужден претерпевать взыскание. Иными словами, происходит временное лишение субъективного права, существующего в рамках трудового правоотношения. Если работник в это время все-таки уходит с работы, то это оценивается не как неисполнение обязанности по претерпеванию взыскания, а как прогул по неуважительным причинам. Специальная обязанность претерпевать взыскание отсутствует и у того работника, который подвергнут дисциплинарному переводу, хотя в течение срока перевода он не вправе увольняться по собственному желанию. Ему вменено в обязанность в течение определенного срока выполнять нижеоплачиваемую работу, что составляет имманентный элемент дис-

циплинарного перевода, возникший в результате изменения обязанности выполнять трудовую функцию и представляющий собой в силу этого элемент трудового правоотношения. Данная обязанность обеспечивается лишением субъективного права увольняться по собственному желанию. Что касается увольнения, то в случае применения этого взыскания, как правило, любые юридические связи между работником и администрацией вообще прекращаются, вследствие чего невозможно говорить об обязанности претерпевать увольнение. Некоторыми дисциплинарными уставами предусмотрено взыскание в виде лишения специального звания /32, п. 16"ж"/. Применение этого взыскания означает не возложение на работника специальной обязанности, а лишение права заниматься работой по определенной специальности (профессии). В лишении субъективного права заключается также применение многих дополнительных мер дисциплинарной ответственности.

Следовательно, в трудовом праве нет такого специального средства обеспечения исполнения дисциплинарной ответственности как возложение на правонарушителя дополнительной обязанности претерпевать меры дисциплинарной ответственности.

Представляется, что адресатом правовых норм, устанавливающих права и обязанности в дисциплинарном производстве, является не наказываемый работник, а руководитель, наделенный дисциплинарной властью. Попробуем доказать этот тезис.

Руководитель, наделенный дисциплинарной властью, уполномочен применить меры дисциплинарной ответственности, передать материалы о проступке на рассмотрение трудового коллектива, товарищеского суда или общественной организации либо сделать устное замечание. Этим правомочиями обязанности работника не соответствуют, так как нет его обязанности претерпевать меры дисциплинарной ответственности.

В то же время руководитель обязан реагировать на проступок. Например, п. 18 дисциплинарного устава работников морского транспорта предусмотрено, что руководитель не должен оставлять без воздействия ни одного проступка подчиненного /32/, в силу чего он обязан исполнять одно из названных правомочий. Но требовать исполнения этой обязанности может только вышестоящий по отношению к данному руководителю руководитель. У работника такого права нет. В противном случае неизбежно следовало бы признать за работником и субъективное право на наказание, например, в виде права требовать оформления руководителем приказа о наказании и объявления этого

приказа под расписку. Законодательство о труде такого вывода не позволяет делать.* Иногда законодательством о труде прямо предусматривается, что за определенное правонарушение применяется та или иная мера ответственности. Например, руководитель обязан сократить отпуск прогульщикам. В подобных случаях невозможно утверждать, что руководитель имеет право сократить отпуск, которому соответствует обязанность работника претерпевать эту меру. Ведь обязанность по сокращению отпуска является прямой трудовой обязанностью руководителя перед вышестоящим руководителем.

Руководитель также обязан истребовать объяснение, расследовать обстоятельства дела, выбирать меру ответственности с учетом установленных для этого требований и согласовывать избранную меру ответственности, если это требуется законодательством. Представляется, что у работника нет субъективного права требовать совершения вышеуказанных процессуальных действий, так как в трудовом праве нет такой нормы, которая предоставляла бы ему это право. У него нет даже права истребовать объяснения. Ведь Верховными Судиами РСФСР и Эстонской ССР дано разъяснение, по которому незатребование от работника объяснения не является бесспорным основанием признания взыскания недействительным, если факт нарушения сам по себе установлен точно /20, с. 37; 18, п. II²/. Субъективные права работника возникают с момента деликта, то есть с момента незаконного применения мер дисциплинарной ответственности, которыми унижаются его честь и достоинство и нарушаются его субъективные трудовые права (например, право исполнять трудовую функцию). С этого момента возникает право на обжалование, то есть право на защиту чести и достоинства, а также нарушенного субъективного права.

Что касается обязанностей работника в дисциплинарном производстве, то и они отсутствуют.

Стало быть, в дисциплинарном производстве между работником и руководителем нет правовых связей, для раскрытия которых могут употребляться категории "субъективное право" и "обязанность". Нормы дисциплинарного производства устанавливают только полномочия и обязанности руководителя, наложившего взыскание. Право требовать выполнения этих обязанностей имеет только руководитель, вышестоящий по отношению к данному руководителю.

* На невозможность подобного вывода в свое время обратил внимание И.А. Ребане, который, однако, использовал примеры, взятые из уголовного права /22, с. 113/.

По перечисленным соображениям мы считаем, что в трудовом праве невозможно говорить об охранительных правоотношениях по привлечению к дисциплинарной ответственности.

5. Вышеизложенное полностью еще не раскрывает возникновения и функционирования дисциплинарной ответственности рабочих и служащих.

В деятельности руководителя в дисциплинарном производстве можно выделить, в частности, два элемента. Во-первых, квалификация деяния как нарушения, за совершение которого могут применяться дисциплинарные санкции. Результатом квалификации правонарушения не является оценка в аксиологическом смысле. Результатом квалификации в рассматриваемых нами случаях является суждение о том, что в деянии есть состав нарушения, наказуемого в дисциплинарном порядке. Во-вторых, деятельность руководителя при оценке правонарушения и его субъекта, то есть деятельность руководителя как субъекта (инстанции) аксиологической системы. Право регулирует эту деятельность путем установления критерия оценивания, то есть выбора применяемых мер ответственности, предусматривая, например, что дисциплинарное взыскание должно соответствовать степени вины нарушителя и тяжести совершенного им проступка. Результатом действия руководителя в качестве инстанции в аксиологической системе есть осуждение как деяния, так и лица, его совершившего,[§] и выбор применяемой меры ответственности.

О возникновении дисциплинарной ответственности можно говорить лишь тогда, когда отрицательная оценка деяния, квалифицированного как проступок, и виновного в нем работника выражена в мерах дисциплинарной ответственности и эти меры облечены в форму, с которой законодательство связывает возникновение неблагоприятных последствий /ср. 8, с. 170-171; 33, с. 33-35/. Дисциплинарная ответственность, как правило, наступает с момента ознакомления работника с приказом о наложении на него взыскания под расписку /ср. 26, с. 297/. Однако следует иметь в виду, что при применении некоторых мер дисциплинарной ответственности законодательство не связывает возникновение неблагоприятных последствий с моментом озна-

[§] На такой двойной объект ответственности правильно обращает внимание П.П. Осипов, утверждающий, что порицанию одновременно и в неразрывном единстве подлежат как субъект общественно опасного поведения, так и само это поведение /15, с. 52/.

комления работника с призывом. Например, при сокращении отпуска за прогул неблагоприятные последствия наступают с момента издания соответствующего приказа.

Ход реализации дисциплинарной ответственности во многом зависит от характера применяемой меры. Независимо от применяемой меры дисциплинарная ответственность реализуется в сознании как наказанного работника, так и других лиц, а также в их будущем поведении. Однако в этих формах ответственность реализуется далеко не всегда. Все дисциплинарные взыскания реализуются также в правовом положении вновь совершившего проступок работника, которое выше было обозначено термином "подверженность наказанию". Ведь в случае нарушения трудовой дисциплины в течение одного года со дня наложения взыскания работника можно уволить уже за систематическое нарушение трудовой дисциплины. Меры ответственности, не выраженные в категориях "обязанность" или "лишение права" (например, выговор), могут реализоваться только в этих формах. Для осуждения, не выраженного в категориях "обязанность" или "лишение права", в трудовом правоотношении, элементы которого составляют права и обязанности, нет места. Дисциплинарные переводы реализуются также в трудовом правоотношении, элементы которого (обязанность исполнять трудовую функцию и право требовать этого) вследствие наказания изменяются. Меры ответственности в виде лишения специального права или звания (например, лишение звания лиц командного состава морских судов) реализуются, во-первых, в трудовом правоотношении, в котором работник теряет право и обязанность исполнять трудовую функцию по определенной специальности и приобретает субъективное право на внутриорганизационное трудоустройство, и, во-вторых, - в правовом статусе труженика. К последнему такое взыскание относится потому, что работник на некоторое время или бессрочно вообще лишается возможности трудиться на определенных работах во всех организациях на всей территории СССР. Реализация дисциплинарного увольнения в трудовом правоотношении выглядит как прекращение последнего. Помимо того, увольнение реализуется, во-первых, в правовом статусе уволенного, во-вторых, в последующих трудовых правоотношениях (например, в случае уменьшения размера премии в течение первых шести месяцев работы на новом месте работы) и, в-третьих, - в правоотношениях по обеспечению пенсиями и пособиями (например, во всех неблагоприятных последствиях прекращения непрерывного трудового стажа).

Несмотря на то, что дисциплинарная ответственность не становится элементом трудового правоотношения или становится таковым лишь частично, она все остается видом юридической ответственности, соответствуя общим признакам, свойственным этому виду социальной ответственности. Поскольку дисциплинарная ответственность возникает в результате применения права, то она, как и остальные виды юридической ответственности, является средством правового регулирования.

6. Вышеизложенное дает нам основание определить дисциплинарную ответственность рабочих и служащих следующим образом: дисциплинарная ответственность рабочих и служащих, составляя вид юридической ответственности, является таким средством правового регулирования, при котором неправомерное поведение члена трудового коллектива подвергается наделенной соответствующей властью инстанцией осуждению, выраженному в специфических наказательных мерах личного, организационного или имущественного характера, установленных для применения к членам трудового коллектива и не заключающихся в возмещении причиненного ущерба. При этом инстанцией, наделенной дисциплинарной властью, является либо лицо (орган) трудового коллектива, в состав которого входит виновный, или ведомства, в состав которого входит этот коллектив, либо лицо (орган), не входящий в состав такого ведомства, но от которого зависит назначение виновного на должность или которому такое лицо (орган) подчиняется.

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

1. Абрамова А.А. Проблемы ответственности в трудовом праве // Вестн. Моск. ун-та. Серия II: Право. - 1981. - № 4.
2. Адушкин Ю.С. Вопросы совершенствования дисциплинарного законодательства // Правоведение. - 1984. - № 3.
3. Астемиров З.А. Понятие юридической ответственности // Советское гос-во и право. - 1979. - № 6.
4. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права / Под ред. М.М. Батина. - Саратов, 1978.
5. Варул П. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. - Таллин, 1986.
6. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. - Воронеж, 1970.
7. Гуляев Г.И. Правовое регулирование дисциплины труда на транспорте // Правоведение. - 1967. - № 2.

8. Демидов Ю.А. Социальная оценка и ценность в уголовном праве. - М., 1975.
9. Ивин А.А. Основания логики оценок. - Изд-во Моск. ун-та, 1970.
10. Кленов Е., Малов В. Советское трудовое право: Рецензия на учебник Советское трудовое право / Под ред. Н.Г. Александрова. - М.; Юрид. лит., 1966 // Советская юстиция. - 1967. - № 12.
11. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: Норма и патология. - М., 1982.
12. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву: Теоретические проблемы. - М., 1981.
13. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. - М., 1985.
14. Муздыбаев К. Психология ответственности. - Л., 1983.
15. Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций: Аксиологические аспекты. - Л., 1976.
16. Пльхин Н.В. Виды дисциплинарной ответственности по советскому трудовому праву // Советское государство и право. - 1977. - № 2.
17. Положение о дисциплинарной ответственности судей судов Эстонской ССР // Ведомости Верховного Совета Правительства ЭССР. - 1976. - № 39. - Ст. 372.
18. Постановление пленума Верховного Суда ЭССР от 15 июня 1983 г. № 3 // Советское право. - 1983. - № 4.
19. Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. // СЗ СССР. - 1929. - № 71. - Ст. 670.
20. Применение судами законодательства о трудовом договоре: Обзор судебной практики // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. - 1987. - № 2.
21. Пятаков А.В. Укрепление трудовой дисциплины: Правовые проблемы. - М., 1979.
22. Ребане И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на социалистический правопорядок // Учен. зап. / Тартуский гос.ун-т. - Тарту, 1966. - Вып. 182.
23. Ребане Я.К. Ответственность как предмет комплексного исследования // Учен. зап. / Тартуский гос.ун-т. - Тарту, 1982. - Вып. 609.
24. Самощенко И.С., Фарухшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. - М., 1971.
25. Смирнов В.Н. Внутренний трудовой распорядок на предприятии. - Л., 1980.
26. Советское трудовое право / Под общей ред. А.И. Процевского. - Киев, 1981.
27. Стависский П.Р. Дополнительные меры воздействия в трудовом праве // Советское гос-во и право. - 1985. - № 5.
28. Сыроватская Л.А. Ответственность по советскому трудовому праву. - М., 1974.

29. Табунов Н.Д. К вопросу о социальной ответственности человека // Личность при социализме. - М., 1968.
30. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1986 г. № 4719-ХІ // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1986. - № 22. - Ст. 364.
31. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1982 г. № 6518-Х // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1982. - № 7. - Ст. 106.
32. Устав о дисциплине работников морского транспорта // СП СССР. - 1984. - № 22. - Ст. 120.
33. Фарукшин М.Х. Вопросы общей теории юридической ответственности // Правоведение. - 1969. - № 4.
34. Фарукшин М.Х. Свобода воли и ответственность // Вестн. Моск. ун-та. Серия П. - 1965. - № 1.
35. Фатуев А.А. Вознаграждение за труд по советскому трудовому праву. - М., 1977.
36. Черменина А.П. Категория ответственности // Понятия, причины, категории (Опыт философского и социально-психологического исследования): Сборник научных трудов / Под ред. Б.Д. Парыгина. - Л., 1975.
37. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 21.

ПРАВОМЕРНЫЙ РИСК КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЯ

У.Э. Льюис
г.Тарту

Уголовным законодательством предусмотрены обстоятельства, при наличии которых деяния, внешне подпадающие под признаки какого-либо преступления, не влекут за собой уголовной ответственности. Эти обстоятельства исключают общественную опасность деяния, а тем самым и его противоправность. Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 1958 года предусмотрено два таких обстоятельства - необходимая оборона и крайняя необходимость (ст.13 и 14 Основ). Уголовные кодексы некоторых союзных республик (ЭССР, УССР и УзССР) относят к обстоятельствам, исключающим общественную опасность, также задержание преступника.

Теория советского уголовного права относит к обстоятельствам, исключающим общественную опасность деяния, помимо перечисленных, осуществление гражданином своего права, в том числе согласие потерпевшего; исполнение правовой обязанности, включая исполнение приказа; выполнение профессиональных функций; производственный риск.

В проекте новых Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик предусмотрено четыре обстоятельства, исключающих уголовную ответственность, - необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание лица, совершившего преступление, и правомерный профессиональный риск.

Чем обусловлена необходимость ввести в уголовное законодательство новеллу о риске?

Ю. Ляпунов пишет: "В эпоху научно-технического прогресса поиск новых, неординарных, эффективных решений той или иной проблемы всегда связан с риском неудачи и даже причинения вреда правоохраняемым интересам. Отсутствие в законе четкой правовой регламентации подобных ситуаций сдерживает творческую инициативу, поиск новых научно-технических решений, сковывает социалистическую хозяйственную предприимчивость, что в конечном счете оборачивается не только экономическими потерями, но и снижением социальной активности ра-

ботников... Интересы научно-технического прогресса нашего общества, генеральная партийная концепция перестройки и ускорения социально-экономического развития настоятельно требуют введения в систему уголовного законодательства нормы о правомерном научном и производственном риске /5, с. 24-25/.

Согласиться с таким обоснованием можно лишь частично. Действительно, в некоторых сферах деятельности риск следует стимулировать. И прежде всего в хозяйственной сфере.

Подсчитано, что нормативную базу деятельности предприятия составляют около 200 000 правил. Немыслимо, чтобы во всех этих правилах можно было ориентироваться. Поэтому отклоняющееся поведение имеет весьма широкое распространение в хозяйственной сфере. Жесткое и всеохватывающее регламентирование деятельности предприятия сдерживает предприимчивость руководителей. Новая экономическая модель нашего общества характеризуется переходом от административных к экономическим методам управления. Чтобы управленческие решения, преследующие цель ускоренного экономического развития, могли претворяться в жизнь, необходимо добиться максимальной адекватности правовых норм протекающим в обществе экономическим процессам.

Переход от императивного правового регулирования к диспозитивному создает условия для предприимчивости. Этот процесс должен сопровождаться сужением роли уголовного права в области экономики. Институт хозяйственного риска, ограничивающий криминализацию, есть выражение этой тенденции. Юридический риск следует заменить хозяйственным.

Однако существуют сферы деятельности, где институт правомерного риска выполняет другую функцию. Материальной предпосылкой социального прогресса является научно-технический прогресс. Однако технический прогресс имеет и негативную сторону. Техника и технология, способные служить для блага людей, подчас оказывают неблагоприятное воздействие на состояние природной среды, здоровья человека, являются источником аварий и катастроф.

При этом проблема обеспечения безопасности отнюдь не проста. Хотя прогресс в обеспечении безопасности весьма ощутим, возрастающее количество технических устройств и увеличение их мощности тем не менее серьезно обостряют вопрос об эффективных мерах охраны окружающей среды и природной основы человека - его жизни и здоровья.

Если, однако, вредное влияние техники может быть лишь уменьшено до какого-то определенного уровня, но не может быть исключено полностью, то вполне закономерно возникает вопрос: какой именно уровень этого влияния можно считать "разумно допустимым"? Проблема определения допустимых уровней безопасности, заведомо меньших, чем 100%, не может быть сведена к чисто техническим и экономическим аспектам. Проблема прежде всего носит гуманистический характер /3, с. 51 и др./.

Уголовное право, разумеется, не стимулирует поведение, связанное с риском, но оно вводит допустимость риска в точно определенные рамки, четко указывает, когда причинение вреда в условиях риска исключает общественную опасность и противоправность деяния.

Что подразумевается под риском?

В психологии термин "риск" имеет три основных взаимосвязанных значения: 1) риск как мера ожидаемого неблагоприятного при неуспехе в деятельности, определяемая сочетанием вероятности неуспеха и степени неблагоприятных последствий в этом случае; 2) риск как действие, в том или ином отношении грозящее субъекту потерей (проигрышем, травмой, ущербом); 3) риск как ситуация выбора между двумя возможными вариантами действия: менее привлекательным, но более надежным и более привлекательным, но менее надежным (исход которого проблематичен и связан с возможными неблагоприятными последствиями) /4, с. 308-309/.

Риск не является чисто субъективной категорией. Он связан с психическими процессами индивида: с осознанием им своего поведения, последствий последнего и с выбором вариантов поведения. Однако риск имеет и объективную природу, которая выражается в ситуации выбора и в самих действиях. Для юридической ответственности лица за риск имеют значение оба момента - как объективная, так и субъективная стороны деяния. Правовое значение имеет, разумеется, такой риск, который завершается неудачей.

Общая тенденция заключается в том, чтобы исключить ответственность (и не только уголовную) за вред, причиненный в условиях правомерного риска. Этот принцип уже нашел отражение в трудовом праве. Согласно статье 2 Положения о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению и организации, не допускается возложение на работника материальной ответственности за ущерб, который возник в результате нормального производст-

венного риска /9/. Это положение кодифицировано в кодексе о труде союзных республик.

В уголовном законодательстве отсутствует норма о правомерном риске. Проблемы, связанные с риском, решались в судебной практике в связи с институтом вины. Так, Военная водно-транспортная коллегия Верховного Суда СССР в 1944 году в определении по конкретному делу указала, что при известных условиях производственный риск может являться обстоятельством, устраняющим виновность подсудимого /1, с. 46/.

Многие криминалисты уже давно считали производственный риск обстоятельством, исключающим общественную опасность деяния /12, с. 17-18; 2/. В 1963 году вышла в свет монография М.С. Гринберга "Проблема производственного риска в уголовном праве". М.С. Гринберг определил оправданный производственный риск как "правомерное создание опасности в целях достижения общественно полезного производственного результата, который не может быть получен обычными, нерискованными средствами" /2, с. 32/. По производственному назначению он различает риск из предотвращения вреда, новаторский и технический риск /2, с. 46/. К техническому риску в широком смысле слова, по его мнению, можно отнести и все остальные виды риска, связанные с применением специальных знаний, профессиональных навыков и опыта (например, врачебный, педагогический, военный и другие виды риска) /2, с. 71/.

Возникает вопрос: в каких сферах деятельности правомерный риск исключает уголовную ответственность? В уголовных кодексах двух социалистических стран содержатся нормы, посвященные производственному риску. Эти нормы помещены в Особенную часть Уголовного кодекса. В Уголовном кодексе ст.169 помещена в разделе о преступлениях против народного хозяйства, ст. 217 Уголовного кодекса Польской народной республики находится в главе о хозяйственных преступлениях.

Вопрос о том, в каких сферах человеческой деятельности правомерный риск признается обстоятельством, исключающим общественную опасность деяния, важен не только для определения рамок этого института. Он важен и для внесения ясности в терминологию. Ведь до сих пор в литературе говорилось о производственном риске.

Наша уголовно-правовая наука считает правомерный риск институтом Общей части уголовного права, который охватывает все сферы человеческой деятельности. Однако имеются ли основания отказаться от термина "производственный риск"? Это во-

прос о содержании понятия "производство". Охватывает ли это понятие все сферы деятельности? Если да, то нет оснований отказываться от традиционного термина. Если нет, то придется найти такой термин (или такие термины), который(ые) однозначно выражал(и) бы смысл закона.

Понятие "производство" философы и политэкономы трактуют по-разному. Представители первой точки зрения сводят производство лишь к материальному, подразумевая под материальным производство материальных условий и средств жизни, а также производство самого общества на данной конкретно-исторической ступени его развития. Представители другой точки зрения вкладывают в понятие "общественное производство" более широкое содержание, чем в понятие "материальное производство" /10, с. II/. Они применяют понятие "производство" и к нематериальным формам человеческой деятельности (духовное производство и др.). Подобное понимание производства, разумеется, распространяется и на производственный риск. Однако дискуссия по поводу содержания понятия "производство" продолжается. Поэтому термин "производственный риск" нежелателен, тем более, что в законодательстве можно встретить термины "производственные отрасли народного хозяйства" и "непроизводственные отрасли народного хозяйства" /7/.

Д. Ляпунов предлагает норму - "Допустимый научный и производственный риск" в следующей редакции: "Не является преступлением причинение вреда правоохраняемым интересам в результате проведения незапрещенных научного эксперимента, научно-исследовательской и иной хозяйственно-производственной деятельности ..." /5, с. 25/. В названии нормы автор различает научный и производственный риск, в диспозиции же использование слов "и иной хозяйственно-производительной деятельности" позволяет делать вывод о том, что все перечисленные им сферы охватываются понятием "хозяйственно-производственная деятельность". По-видимому, такое использование терминов непоследовательно.

В проекте Основ институту правомерного риска дано более универсальное значение. В нем говорится о правомерном профессиональном риске. Таким же термином пользуются и авторы теоретической модели уголовного закона /14, с. 133/. А.Б.Сахаров комментирует: "Правомерный риск назван в комментируемой статье профессиональным (в отличие от обычного наименования производственным), что подчеркивает два существенных обстоятельства. Во-первых, такой риск возможен в любой сфере

профессиональной деятельности - производственной, научно-технической, врачебно-медицинской и т.д. Во-вторых, право на риск имеет не любой гражданин, а лишь тот, кто профессионально занимается данной деятельностью и способен обеспечить соблюдение указанных в комментируемой статье условий его правомерности" /14, с. 134; см. также II, с. 117/.

Несомненно, положительным при использовании термина "профессиональный риск" является расширение сферы человеческой деятельности, в которой правомерный риск допустим. Тем не менее остается неясным, можно ли говорить о профессиональном риске во всех сферах человеческой деятельности (например, в спорте)?

Вышеописанные сомнения привели нас к выводу о целесообразности указания в тексте закона примерного перечня видов правомерного риска. Мы считаем возможным предложить заглавие и первую часть статьи в следующей редакции:

"Правомерный риск

/I/ Не является преступлением деяние, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но представляющее собой профессиональный, хозяйственный или иной риск для достижения общественно полезной цели".[‡]

Упоминание о хозяйственном риске подчеркивает необходимость стимулировать хозяйственную предприимчивость.

Трудности, стоящие перед уголовным законом, как правильно указал Н. Винер, заключаются в определении понятия общественно полезной цели и оптимальных способов ее достижения /13, с. 69/. Понятие это оценочное, здесь многое зависит от усмотрения следователя, прокурора, судьи, от того, как они понимают принципы, закрепленные в Конституции, законах, Программе КПСС и партийных директивах.

Следует поддержать требование пропорциональности или соответствия риска преследуемой цели: чем больше и важнее, полезнее цель, достижение которой связано с определенным риском, тем большую опасность причинения вреда можно признать правомерной; чем больше вероятность возникновения вредного последствия, тем меньшим должен быть размер возможного вреда /13, с. 69-70/.

В законе должны быть указаны условия, при наличии которых правомерный риск исключает общественную опасность и противоправность деяния.

[‡] Такую редакцию закона предложил проф. И. Ребанэ.

В проекте Основ, а также в теоретической модели уголовного закона указаны следующие условия:

1. Рискованные действия не должны нарушать прямых предписаний закона или иных нормативных актов.

В принципе это правильное требование. Однако существующие методы правового регулирования, в частности, в сфере хозяйственной деятельности, не обеспечивают стимулирующего действия хозяйственного риска.

Нормативная практика последних десятилетий характеризуется бурным ростом нормотворчества (особенно ведомственного), обилием запретов. При этом ведомственные органы часто выходят за пределы своей компетенции и присваивают себе законодательные функции. Законодательство изобилует устаревшими актами.

В.С. Нерсисянц правильно отметил, что "при типичном для уравниловки дозволительном (разрешительном) порядке регуляции по логике вещей может быть разрешено лишь нечто ограниченное, конкретно-определенное, а все остальное оказывается запрещенным по принципу: "запрещено все, что прямо не разрешено". Таким образом, диктуемый уравниловкой минимум дозволенного с необходимостью порождает максимум запретов, причем под запрет помимо прочего подпадает все новое, творческое, прогрессивное в труде и общественной жизни, все, что выходит за ограниченные рамки норм уравниловки. В своей совокупности эти нормы выступают в качестве весьма действенного нормативного механизма пресечения прогресса и торможения общественного развития, мощного регулятивного средства консервации общественной жизни" /6, с. 39/.

Уголовно-правовая наука не может игнорировать состояние механизма правового регулирования в целом.

Само по себе правило, согласно которому недопустимо нарушение прямого запрета, установленного законом или иным нормативным актом, весьма правильно в условиях, когда законодательство придерживается принципа "все, что прямо не запрещено правом, разрешено".

Второй предпосылкой эффективности института правомерного риска является ограничение ведомственного нормотворчества; четкое разграничение полномочий законодательной и исполнительной власти.

2. Риск только тогда исключает общественную опасность и противоправность, когда деяние соответствует современным научно-техническим знаниям и опыту.

Спрашивается, однако, кто же правомочен решить вопрос о таком соответствии? Поскольку определение соответствия используемых методов и средств современному уровню научно-технической революции требует специальных познаний, то юристы не в состоянии самостоятельно решать вопросы о подобном соответствии. Поэтому без проведения экспертизы здесь не обойтись.

3. Поставленная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями.

По-видимому, здесь следует различать два случая: 1) риск связан с опасностью вредного воздействия на здоровье и даже жизнь людей, причем если поставленная цель могла быть достигнута не связанными с риском действиями, то в таких случаях всегда надо выбирать не связанные с риском варианты действия; 2) рискованные действия могут причинить материальный ущерб. В последнем случае следует руководствоваться экономическими критериями. В науке и технике повышение степени безопасности часто усложняет конструкции, повышает их стоимость. Поэтому при определении степени допустимого риска во внимание должна приниматься и экономическая сторона, поскольку вполне безопасное устройство может оказаться экономически неосуществимым. Экономический критерий обязательно принимается во внимание и при решении вопроса о допустимости риска в хозяйственной жизни.

4. Лицо, допустившее риск, должно предпринять все необходимые меры для предотвращения вреда правоохраняемым интересам.

Понятно, что когда лицо действует умышленно, то есть сознает общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидит его общественно опасные последствия и желает их или сознательно допускает их наступление, то о правомерном риске говорить нельзя.

Действие, подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но представляющее правомерный риск, может быть совершено только по неосторожности, а именно по преступной небрежности. Если же лицо сознает возможность причинения вреда и предпринимает определенные меры по его предотвращению, которые вопреки легкомысленному расчету субъекта оказываются недостаточными и вредные последствия, тем не менее наступают, налицо преступная самонадеянность, при которой риск, по мнению А.Б. Сахарова, не является правомерным и не исключает ни общественной опасности, ни проти-

воправности деяния /14, с. 134/.

Следует различать ситуации, где исход зависит от случая (шансовые ситуации), и ситуации, в которых он связан со способностями субъекта (ситуации навыка). При прочих равных условиях люди обнаруживают значительно более высокий уровень риска в ситуациях, связанных не с шансом, а с навыком, когда человек считает, что от него что-то зависит /4, с. 309/.

Помимо перечисленных можно назвать еще весьма важное условие правомерности риска: если объектом риска является жизнь и здоровье человека, то он должен быть извещен об опасности.

Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении предусмотрено, что с согласия больного, а в отношении больных, не достигших шестнадцатилетнего возраста, и психически больных - с согласия их родителей, опекунов или попечителей врач может применять новые, научно обоснованные, но еще не допущенные ко всеобщему применению методы диагностики, профилактики, лечения и лекарственные средства (ст. 34). Хирургические операции производятся и сложные методы диагностики применяются с согласия больных (ст. 35) /8/.

В данном случае дискуссионным представляется вопрос, следует ли деятельность врача оценивать на основании положений о правомерном риске или о согласии потерпевшего.

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

1. Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938-1978 / Сост. С.В.Бородин, Г.А. Левицкий. - М., 1980.
2. Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве. - М., 1963.
3. Ковалев Е.Е., Иванов В.И., Пахомов Б.Я., Иванова А.А. Новая техника и проблема безопасности человека // Вопросы философии. - 1980. - № 5.
4. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А.Карпенко. Под общей ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярославского. - М., 1985.
5. Ляпунов Д. Категория "преступление". Предложения к проекту нового уголовного законодательства // Соц. законность. - 1987. - № 7.
6. Нерсисянц В.И. Перестройка и правовое мышление // Сов.госво и право. - 1987. - № 9.
7. О порядке и условиях совмещения профессий (должностей). Постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1981 г. № 1145 // СП СССР. - 1982. - Отд. I. - № 2. - Ст. 7.
8. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1969. - № 52. - Ст. 466.

9. Положение о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации. Утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1976. - № 29. - Ст. 427.
10. Производство как общественный процесс (актуальные проблемы теории и практики) / Отв. ред. В. И. Толстых. - М., 1986.
11. Сахаров А. Б. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность // Сов. гос-во и право. - 1987. - № 11.
12. Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. - Л., 1956.
13. Современные тенденции развития социалистического уголовного права. - М., 1983.
14. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. - М., 1987.

О КОНСТРУКЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
(ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И DE LEGE FERENDA)

Я.Я. Соотак

г. Тарту

I. Преступления, совершаемые в семейно-бытовой сфере, а также против несовершеннолетних, имеют ряд специфических черт как в криминологическом, так и в уголовно-правовом плане. Криминологический характер этих преступлений выражается, например, в специфических взаимоотношениях между виновным и потерпевшим (преступления против члена семьи, родственника и т.д.), в специфических вопросах виктимологии, предупреждения этих преступлений и т.д. В уголовно-правовом смысле названные преступления характеризуются спецификой мотивов (например, отграничение личных мотивов от хулиганского побуждения), необходимостью учитывать семейные обстоятельства при назначении наказания, а также проблемами родового объекта этих преступлений. Последний вопрос связан с тем обстоятельством, что не все преступления, совершаемые против членов семьи, составляют в уголовно-правовом смысле единую группу преступлений, характеризующихся единым родовым объектом. Так, большинство преступлений, отнесенных уголовным законодательством к группе преступлений против личности (убийство, нанесение телесных повреждений и т.д.) или против имущества, останутся ими независимо от того, против кого (против члена семьи или другого лица) или в какой сфере (производственной или бытовой) они совершены. Зато некоторые преступления имеют специфический родовый объект, независимо от того, что действующее уголовное законодательство считает их объектом общественные отношения разного характера (свобода личности, половая неприкосновенность, нормальное развитие несовершеннолетнего и др.). Представляется, что преступления против семьи и несовершеннолетних могут быть классифицированы на три группы независимо от их расположения в системе уголовного кодекса, а именно: I) преступления против личности, имеющие специфический дополнительный объект посягательства (убийство

беременной, убийство новорожденного, незаконный аборт и др.); 2) преступления против уклада семейных отношений и нравственных основ семьи; 3) преступления против нормального физического и морального развития несовершеннолетнего.

2. В истории уголовного права специфические черты преступлений против семьи и несовершеннолетних отражались в различных уголовных законах.[✳] Так, например, римское право считало убийство отца или матери, а также других восходящих родственников (*parricidium*) квалифицированным видом умышленного убийства.^{✳✳} Как преступления против нравственности рассматривались кровосмешение (*incestus*), похищение женщины, изнасилование (последние, правда, охватывались более общим понятием сводничество и др. /14, с. 72, 74, 78, 83-84/.

Важнейший источник средневекового гражданского права и олицетворитель рецепции римского права - Уголовно-судебное уложение Карла V - Каролина,^{✳✳✳} оказавшее огромное влияние на уголовное право и уголовную юстицию Западной Европы, а также России, содержит целый ряд составов преступлений, предусматривающих ответственность за посяательства на семейные отношения. К ним относятся разврат между близкими родственниками и свойственниками (то есть кровосмешение, ст. 117), похищение замужних женщин или девушек (ст. 118); прелюбодеяние (ст. 120), двойной брак (ст. 121),^{✳✳✳✳} продажа своих жен или детей для непотребства (ст. 122), сводничество и пособничество в прелю-

[✳] Поскольку целью настоящей статьи является не анализ составов преступлений и их сравнение с составами действующих уголовных законов, а общий анализ законодательства с точки зрения его структуры и наличия в нем тех или иных составов, то в тексте статьи используются термины конкретного закона.

^{✳✳} Объясняется это, по утверждению И.Я. Фойницкого, стремлением оградить родительскую власть для упрочения семейного союза и укрепления обязательного для детей уважения родителей /37, с. 32/. Римское право не уделяло особого внимания детоубийству. Если мать убила своего новорожденного внебрачного ребенка, она наказывалась за убийство в общем порядке (*homicidium*), убийство же замужней женщиной своего ребенка наказывалось ее мужем в порядке домашней юстиции /46, с. 439/. Прерывание беременности со стороны незамужней женщины римским правом вообще не каралось, а замужней женщиной рассматривалось в отношении самой беременной как дело домашней юстиции, если же это совершалось мужем в отношении его жены, то дело рассматривалось цензором как проступок против добрых нравов /46, с. 445-446/.

^{✳✳✳} В настоящей статье делается ссылка на русский перевод Каролины /См.: 6/.

^{✳✳✳✳} Убийство жены или дочери за их прелюбодеяние или двойной брак согласно ст. 150 считалось ненаказуемым.

бодянии (ст. 123). В главе об убийствах предусматривалась ответственность женщины, убившей своего новорожденного ребенка (ст. 131) или оставившей своих детей в опасности (ст. 132), а также ответственность за изгнание плода беременной женщиной (ст. 133). Квалифицированным видом убийства считалось так называемое отцеубийство, то есть убийство своего господина, супруга или близкого родственника (ст. 137).

Французский уголовный кодекс 1810 года, так называемый *Code penal* /38/, не только предусматривал разные составы преступлений против семьи и несовершеннолетних, но и систематизировал их на основе структуры кодекса. Все названные преступления были предусмотрены во втором разделе "Преступления и проступки против частных лиц", в главе I "О преступлениях и проступках против личности". Согласно структуре кодекса их можно разделить на несколько групп.

Во-первых, убийства и телесные повреждения, предусмотренные в отделениях I и 2 главы I, в числе которых имеются следующие преступления: 1) отцеубийство (ст. 299) и детоубийство, то есть убийство матерью своего новорожденного ребенка (ст. 300); 2) умышленное нанесение телесных повреждений отцу или матери или другим восходящим законным родственникам (ст. 312); 3) изгнание плода у беременной женщины с ее согласием или без этого (ст. 317); 4) менее опасные составы убийства (так называемые извинительные преступления): умышленное убийство мужем своей жены, а равно и ее соучастника в случае прелюбодеяния, если они были застигнуты им на месте преступления в супружеском доме (ч. 2 ст. 324)[‡]. Закон специально оговаривает, что отцеубийство ни в одном из случаев не является извинительным (ст. 323) и что умышленное убийство мужем жены или женой мужа не является извинительным, если жизнь лица, совершившего убийство, в самый момент убийства не была поставлена в опасность (ч. I ст. 324).

Во-вторых, посягательства на нравственность (отделение 4), которые могут быть рассмотрены в двух видах: I) преступ-

[‡] См. примечание по поводу ст. 150 Каролины на с. 3. Здесь мы имеем дело с влиянием римского права, считавшего последнее убийство правомерным. Это положение признавалось Каролиной и германским общим уголовным правом /40, с. 607/. В уголовный кодекс Германии 1871 года эта норма не вошла, однако в толкованиях к ст. 213 (так называемое спровоцированное убийство, то есть привилегированный состав убийства) отмечается с прямой ссылкой на ст. 324 (ч. I) *Code penal*, что названный состав убийства является привилегированным и соответствует признакам ст. 213 /47, с. 213, комм. За/.

ления против несовершеннолетних; 2) преступления против брака. В первую группу входят любострастное действие над ребенком, а также любострастное действие, совершенное восходящим родственником над несовершеннолетним, хотя и достигшим тринадцати лет, но не вышедшим еще вследствие вступления в брак из-под отцовской власти (ст. 331), изнасилование ребенка (ст. 332), побуждение к разврату молодежи, не достигшей 21 года (ст. 334). Некоторые положения закона специально предусматривают ответственность родителей или восходящих родственников (с. 333, ч. 2 ст. 334, ч. 2 ст. 335). Преступления против брака составляют прелюбодения (ст. 336-338), конкубинат в супружеском доме (ст. 339), двоебрачие (ст. 340).

В-третьих, преступления против несовершеннолетних (отделение VI), которые заключаются в похищении, сокрытии, утайке или подмене ребенка, а также в ином нарушении правил доказательства гражданского состояния ребенка (ст. 345-347), в подкинутии или оставлении его (ст. 348-353) и похищении несовершеннолетних (ст. 354-357). Многие статьи этого отделения специально предусматривают ответственность родителей или иных восходящих родственников (ст. 350, ч. 3 ст. 351, ч. 2 ст. 352). В ч. 3 ст. 351 оговаривается, что подкидывание или оставление в уединенном месте ребенка, повлекшее за собой смерть последнего, рассматривается как умышленное убийство.

Уголовный кодекс Германии 1871 года /49/ не предусматривал специальной главы преступлений против семьи и несовершеннолетних. Преступления, посягающие на эти объекты, изложены в главах о преступлениях против гражданского состояния (гл. XII), против нравственности (гл. XIII), против жизни (гл. XVI), о телесных повреждениях (гл. XVII), против личной свободы (гл. XVIII). По содержанию составов преступлений их можно разделить на несколько групп.

Во-первых, преступления против личности, в числе которых имеются следующие виды преступлений: I) убийство восходящего родственника (ст. 215, квалифицированный вид убийства)* и убийство матерью своего новорожденного внебрачного

* Немецкое уголовное право различает два вида умышленных убийств - тяжелое (Mord) и простое (Totschlag) убийство, причем убийство восходящего родственника (так называемое отцеубийство, ст. 215) считается квалифицированным видом простого убийства. Привилегированный состав убийства (провоцированное убийство, ст. 213) в отношении отцеубийства не применяется /см., например: 47, ст. 213, комм. 1/.

ребенка (ст. 217); 2) вытравливание плода самой беременной или третьим лицом с ее согласия (ст. 218) либо без ее согласия или ведома (ч. I ст. 220) или причиняя данным деянием смерть беременной (ч. 2 ст. 220), вытравливание плода за вознаграждение (ст. 219); 3) оставление родителями в опасности ребенка, находящегося в беспомощном состоянии (ч. 2 ст. 221; данное преступление является квалифицированным составом в отношении общего вида оставления в опасности, предусмотренного в ч. I ст. 221); 4) нанесение телесного повреждения восходящему родственнику (ч. 2 ст. 223) или несовершеннолетнему, состоявшему под опекой или защитой виновного (ч. 2 ст. 223а).[‡]

Согласно системе кодекса убийство, вытравление плода и оставление в опасности считаются преступлением против жизни (гл. XVI), телесные повреждения составляют отдельную - XUP главу.

Вторую группу рассматриваемых преступлений составляют преступления против личной свободы (гл. XUP), в том числе похищение несовершеннолетнего (ст. 235) и похищение несовершеннолетней незамужней женщины с целью разврата или вступления в брак (ст. 237, 238).

Преступления, посягающие на гражданское состояние (похищение ребенка, ст. 169) и вступление в брак с обманом (ст. 170), составляют в системе уголовного кодекса отдельную - XII главу.

И, наконец, посягательства против брака и половые преступления помещены в одну, XIII главу - "Преступления и проступки против нравственности". В литературе же эти преступления классифицируются по-разному. Тем самым в них усматриваются разные родовые объекты посягательства. Так, по А.Фейербаху, похищение человека, в том числе похищение женщины с целью вступления с ней в половую связь, и изнасилование (*unfreiwillige Schwächung*) составляют группу преступлений, именуемую им "преступлениями против права гражданина на свободное распоряжение своим телом" /40, с. 418-477/. Зато незаконное любодеяние (*Schwächung*), конкубинат, кровосмешение, удовлетворение половой страсти в извращенном виде (любост-

[‡] Оба преступления считаются квалифицированными в отношении общего вида нанесения телесного повреждения, предусмотренного в ч. I ст. 223.

растие) и сводничество считаются им плотскими преступлениями (*Fleischverbrechen*), то есть посягательствами против удовлетворения половой потребности в законных формах /40, с. 719-747/. Прелюбодеяние и двойной брак рассматривается им как преступления против договоров (*Verletzung des Rechts aus Verträgen*). Оставление ребенка родителями и преждевременное прерывание беременности А. Фейербах относит к так называемым неопределенным материальным преступлениям, где они составляют самостоятельную группу вместе с уничтожением способности к продолжению рода /40, с. 617-634/.

В изданиях, вышедших в свет после принятия Уголовного кодекса Германии 1871 года, излагаются более упрощенные системы по сравнению с излагавшимися А. Фейербахом, однако преступления против брака и половые преступления все же рассматриваются имеющими разные родовые объекты.

Так, Г. Гельшнер рассматривает лубоэрастные действия против несовершеннолетнего (ст. 174 и 176), которые изложены в главе XII Уголовного кодекса (преступления против нравственности, *Verbrechen und Vergehen wider die Sittlichkeit*), а также похищение женщины с целью лубоэрастия или вступления с ней в брак (ст. 236), считавшиеся по Уголовному кодексу преступлениями против личной свободы (глава XIII), преступлениями против нравственности личности (*Delikte gegen die Züchtigkeit der Person*). Объектом похищения женщины он считает женскую честь /43, с. 241/. В качестве преступлений против семьи Г. Гельшнер рассматривает похищение ребенка (ст. 169) и заключение брака с обманом (*Ehebetrug*, ст. 170), отнесенные уголовным кодексом к главе XII (преступления против гражданского состояния), а также прелюбодеяние (ст. 172), двойной брак (ст. 171) и кровосмешение (ст. 173) /44, с. 458-486/, которые по системе Уголовного кодекса относятся к преступлениям против нравственности. Сводничество же в отношении жены или других родственников (ст. 181 и 182), считавшееся по Уголовному кодексу преступлением против нравственности, Г. Гельшнер истолковывает как преступление против общественной нравственности (*Delikte gegen die öffentliche Sittlichkeit*) /44, с. 685/. Тем самым преступления против семьи имеют, по мнению Г. Гельшнера, три разных, хотя и взаимосвязанных объекта: нравственность личности, общественная нравственность и нравственность семейных отношений (при этом под последней понимается нравственная сущность семьи (*sittliche Wesen der Familie*) /44, с. 458/.

А. Бернер выделяет в самостоятельную группу преступления, совершенные в области гражданского состояния (ст.169 и 170). Остальные преступления против семьи им рассматриваются как посягательства на нравственность. При этом он утверждает, что половая нравственность охраняется государством до пределов, необходимых для государственной целостности и общественного порядка (*zur Erhaltung des staatlichen Ganzen und bürgerliche Ordnung*) /39, с. 448/. Внутри этой группы он выделяет три вида преступлений, в том числе и семейные преступления (двойной брак и прелюбодеяние), и преступления разврата (кровосмешение, изнасилование, обольщение несовершеннолетней, сводничество) /39, с. 448-475/.

Ф. Лист считает похищение детей (ст. 235) преступлением против личной свободы. Остальные преступления против семьи и несовершеннолетних он подразделяет между группами преступлений против нравственности и против семейных прав. Объектом противонравственных преступлений автор считает половую свободу и чувство нравственности.* В эту группу он включает похищение женщины (ст. 236) и насильственные любодеяния с женщиной (ст. 176 и 177), обольщение несовершеннолетней (ст.182), сводничество и сутенерство (ст. 181 и 181a), кровосмешение (ст. 173). К преступлениям против прав семейственных Ф. Лист относит нарушение правил гражданского состояния (ст. 169), вступление в брак путем обмана (ст. 170), двоебрачие (ст.171), прелюбодеяние (ст. 172).

Как мы видим, немецкий уголовный закон и доктрина усматривают в преступлениях против семьи и несовершеннолетних разные объекты посягательства. Родовым объектом преступлений против несовершеннолетних считается либо их нормальное нравственно-половое развитие, либо гражданское состояние или личная свобода. Преступления, посягающие на интересы семьи, рассматриваются либо в качестве специальной группы, либо как преступления против гражданского состояния или как половые преступления. Иными словами, существование самостоятельной группы названных преступлений можно считать несомненным, однако ввиду наличия расхождений во взглядах на объекты этих преступлений они рассматриваются в разных контекстах. Отдельно от этих преступлений стоят убийства и телесные повреждения

* В оригинале - *sittliches Gefühl*. В русском переводе пользуются терминами "чувство стыдливости" и "чувство нравственности". Последнее представляется более удачным /45, с.349-350; 14, с. 70/.

(отцеубийство, убийство новорожденного, истребление плода и др.), являющиеся по родовому объекту преступлениями против личности.

3. Преступления в области семейных отношений известны и русскому уголовному праву. В советском законодательстве ответственность за преступления, совершенные против родителей, а также преступления против нравственности впервые предусматривалась в Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 года /22, с. 435/. Тем не менее, наряду со светской ответственностью сохраняется и церковная; религиозная сущность многих преступлений по Соборному уложению 1649 года подчеркивалась и дореволюционными комментаторами этого закона /34, с. XI-ХП/.

Преступления против семьи, предусмотренные в ХХП главе Соборного Уложения "Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смерти не казнити, а чинити наказание", можно разделить на три группы.

Во-первых, преступления против личности, совершенные в отношении родственников - отца или матери (ст.1), брата или сестры (ст.7). Убийство же отцом или матерью своих детей (ст.3) считалось привилегированным составом убийства, предусматривавшим в качестве ответственности светское наказание, за которым следовало церковное покаяние. Статья 4 предусматривала ответственность (торговая казнь) детей за грубое обращение с родителями. Особо тяжким преступлением признавалось убийство мужа своей женой (ст.14), за которое была предусмотрена смертная казнь путем закапывания жены живьем в землю.

Во-вторых, имущественные преступные действия детей против родителей - насильственное похищение имущества и отказ кормить престарелых родителей (гл. ХХП, ст. 5).

Третью группу составляют преступления против нравственности - сводничество ("свады жонками и девками на блудное дело", ст. 25) и убийство женщиной своего незаконно рожденного ребенка (ст.26). В последнем случае имеют дело с двухэлементным составом деяния: внебрачное сожительство и рождение ребенка ("жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей"), а также убийство ребенка.

По сравнению с первой или второй группами последняя менее точно определена - сводничество является по существу преступлением не против семьи, а против общественной нравственности, тогда как убийство матерью своего новорожденного ребенка посягает скорее на жизнь человека, а не на нравственность. Внебрачное же сожительство, исходя из текста ст. 26, не признается самостоятельным преступлением. Тем самым оказы-

вается, что самостоятельный вид посягательства на семейные отношения как самостоятельный вид преступлений в светском законодательстве еще не определен.

В Артикуле Воинском Петра I от 1715 года[✱] содержатся две группы преступлений, посягающих на семейные отношения. Первую из них составляют преступления против личности (гл. XIX) — убийство отца, матери или малолетнего ребенка как квалифицированный вид убийства (ст. 163). В толковании этой статьи оговаривается специальный случай причинения смерти жены или ребенка в ходе избиения ("похотел жену свою или дитя наказать, и оную так жестоко побьет, что подлинно от того умрет ..."). В комментариях к этой статье справедливо указывается на юридическую некорректность этого толкования, сделанного Петром I /5, с. 436—437/. Представляется, что по существу речь здесь идет о привилегированном составе убийства, причем смягчающие ответственность обстоятельства обосновываются двумя причинами. Во-первых, известный уже в римском праве принцип родительской власти и главы семьи (*pater familias*) дает мужу, хозяину и господину власть над другими членами семьи.^{✱✱} По существу здесь применяется общий принцип феодального права — права привилегии. Во-вторых, другая причина привилегирования данного состава заключается, по нашему мнению, в том, что здесь идет речь о сложном преступлении — умышленное нанесение телесных повреждений жене или ребенку и причинение по неосторожности смерти потерпевшему. Следовательно, состав убийства, приведенного в толковании к ст. 163, является по существу неосторожным убийством.

Вторую группу преступлений против семьи и несовершеннолетних составляют половые преступления, предусмотренные в главе XX "О содомском грехе, о насилии и блуде". Сюда входят мужеложество с несовершеннолетним ("...кто отрока осквернит...", ст. 166), похищение женщины и изнасилование ее (ст. 168), прелюбодеяние (ст. 169 и 170), двойной брак (ст. 171 и 172), кровосмешение (ст. 173 и 174), любодеяние между неженатым и незамужней (ст. 176), предусматривающее ответственность холостого человека за рождение внебрачного ребенка.

[✱] Текст закона и комментарии к нему см. /5, с. 317—369, 430—443/.

^{✱✱} Этот принцип отражается и в Соборном уложении 1649 года, где также предусматривается привилегированный состав убийства родителем своего ребенка (гл. XXII, ст. 3).

Наряду с Артикулом воинским продолжало действовать и Соборное уложение 1649 года, причем применение первого не исключалось и гражданскими судами /5, с. 293-294/. Преступления против семьи и несовершеннолетних, как мы видели, не выделялись в этих законах в качестве структурной единицы, но отдельные составы преступлений данной категории были известны Русскому светскому законодательству того времени. При этом сохранилась как церковная юрисдикция, так и влияние канонического права на светское законодательство. Объясняется это тесной взаимосвязью между феодальным государством и церковью.

Статьи о преступлениях против семьи и несовершеннолетних становятся составными частями уголовного законодательства уже в форме самостоятельных структурных единиц в первом в истории России уголовном кодексе - Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.[‡] Этот закон имел сложную структуру, составы преступлений против семьи и несовершеннолетних находились в нем в разных разделах и главах.

Раздел VIII - "О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния", глава IV - "О преступлениях против общественной нравственности" - содержал следующие составы: мужеложество в отношении малолетнего (ст. 996), распространение сочинений, явно противных добрым нравам, учителями или опекунами (ст. 1002). В главе VI - "О нарушении правил постановлений о воспитании юношества" - того же раздела предусматривались нарушения в области организации труда учебных заведений.

В IX разделе ("Нарушение законов о состояниях"), в главе I - "О незаконном лишении прав состояния" - были предусмотрены похищение или подмена младенца (ст. 1407 и 1408) и оставление у себя заблудившегося ребенка (ст. 1409).

Основные преступления против семьи и несовершеннолетних содержались в разделах X и XI.

Первый из них предусматривал ответственность за преступления против личности. В главе I - "О смертоубийстве" - излагались составы убийства отца или матери (ст. 1449), жены, мужа или других родственников (ст. 1451), беременной женщины (ст. 1452), оставление матерью своего новорожденного ребенка без помощи (ст. 1460), изгнание плода без согласия беременной

[‡] Сокращенно - "Уложение о наказаниях". Далее в настоящей статье даются ссылки на издание в редакции 1885 года /35/.

(ст. 1461) и с ее согласием (ст. 1462). В главе о телесных повреждениях (глава П) предусматривалась ответственность за нанесение телесного повреждения беременной (ст. 1491) или родственникам (ст. 1492). Подкинутие или оставление ребенка (ст. 1513-1516)* находились в главе У о произвольном оставлении человека в опасности. Целый ряд преступлений против семьи и несовершеннолетних можно найти в разных отделениях главы У1 "Об оскорблениях чести": растление девицы (ст. 1523 и 1524), изнасилование несовершеннолетней (ст. 1525), похищение женщины или девицы с намерением изнасилования (ст. 1529) и без этого (ст. 1530), обольщение несовершеннолетней (ст. 1532). Согласно отделению I этой главы названные преступления считались посягательствами на честь и целомудрие женщины. В отделениях II и III содержались составы оскорбительных действий в отношении родственников (ст. 1534)** и клеветы против родственников (ст. 1539). Кроме того предусматривалась ответственность за лишение родственников свободы (ст. 1544) и угрозу отцу, матери или иному родственнику (ст. 1547). Нетрудно заметить, что практически все составы преступлений против личности, начиная с убийства и кончая оскорблением и клеветой, имели специально оговоренные составы относительно родственников.

Раздел XI - "О преступлениях против прав семейственных" содержал четыре главы: первая глава повествовала о преступлениях против союза брачного, вторая - о злоупотреблении родительской властью и о преступлениях детей против родителей, третья глава - о преступлениях против союза родственного, четвертая - о злоупотреблении властью опекунов и попечителей.

Преступления против брачного союза разделились на противозаконное вступление в брак (похищение женщины для вступления с ней в брак, принуждение вступить в брак, двойной брак и др. - ст. 1549 - 1579), похищение женщин замужних (ст. 1580 - 1582), нарушение прав и обязанностей супружества (избиение или истязание жены, злоупотребление супружеской властью, прелюбодеяние - ст. 1583 - 1585). Специальное отделение в главе о преступлениях против брачного союза предусматривало ответ-

* Привилегированный состав этого преступления предусматривался как проступок в главе XII - "О проступках против прав семейственных", в ст. 144 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В дальнейшем даются ссылки на издание 1885 года /36/.

** Уголовный закон карал только оскорбление родственников действием. Нанесение обиды на словах считалось проступком согласно ст. 133 Устава о наказаниях.

ственность за нарушение постановлений о браках раскольников (ст. 1585¹-1585³).

Злоупотреблением родительской властью Уложение о наказаниях считало принуждение детей к браку, вовлечение детей в преступную деятельность, присвоение или растрата родителями имущества детей (ст. 1586-1590). Преступлениями детей против родителей были насильственные действия против родителей и неповиновение родительской власти (ст. 1591-1592).

Как преступления против родственного союза были предусмотрены кровосмешение и прелюбодеяние с кровосмешением (ст. 1593-1597).

Принуждение, обман или подлог со стороны опекунов или попечителей, а также вовлечение этими лицами своих подопечных в преступление карались как злоупотребление властью опекунов или попечителей (ст. 1598-1600).

В разделе XII - "О преступлениях и проступках против собственности частных лиц" - была предусмотрена ответственность за заключение с несовершеннолетними запрещенных сделок с использованием его неопытности или легкомыслия (ст. 1689).

Отказ детей в доставлении нуждающимся родителям необходимых для жизни пособий предусматривался в главе о проступках против прав семейственных ст. 143 Устава о наказаниях.

Сложная структура закона затрудняла как теоретический анализ составов преступления, так и их практическое применение. Немало похожих друг на друга составов преступлений содержались в разных разделах или главах Уложения о наказаниях. Так, например, нанесение телесного повреждения беременной считалось преступлением против здоровья (раздел X, глава III, ст. 1491), а нанесение жене увечья, ран, тяжелых побоев - преступлением, выражающимся в злоупотреблении правами супружества (раздел XI, глава I, ст. 1583). Вступление в брак с родственником могло быть квалифицировано по ст. 1559-1561, предусматривающим ответственность за нарушение законов о заключении брака (раздел XI, глава I, отделение I), но в то же время кровосмешение подлежало квалификации по ст. 1593 как преступление против союза родственного (раздел XI, глава III).

В целом преступления против семьи во многом остаются связанными с церковной юстицией. Зависимость советского права от канонического можно считать одной из существенных отличительных черт преступлений против семейных отношений в Уложе-

нии о наказаниях 1845 года. Так, о кровосмешении говорится в семи статьях разных глав (ст. 1559-1561, 1593-1597), причем ответственность нередко связывалась с церковными предписаниями. То же можно сказать и о составах преступлений главы I раздела XI (ст. 1549-1579), где признаки преступления и ответственность связываются с вероисповеданием и другими категориями канонического права. В некоторых случаях влияние церковного права дошло до того, что Уложение о наказаниях как уголовный кодекс государства предусматривал в качестве наказания за невиновное причинение смерти (ст. 1470) добровольное церковное покаяние или покаяние по особому постановлению духовного начальства, то есть решал уже вопросы чисто религиозного характера, причем за непреступное деяние. **✠**

Многие статьи, касающиеся ответственности детей за преступления против родителей или других родственников, указывают на влияние принципа патриархальной семьи. Характерной в этом плане представляется конструкция статьи 1583, предусматривающей ответственность одного супруга за нанесение другому увечий, ран или побоев. Основной вид этого преступления предусматривается в части I ("нанесение жене увечья ..."), говорящей об ответственности мужа. Часть 2 предусматривает ответственность жены, которая, "пользуясь слабостью своего мужа, дозволит себе нанести ему раны ...".

С точки зрения объекта посягательства преступления против семьи можно разделить на две группы. Во-первых, преступления против личности членов семьи (убийства, телесные повреждения, половые преступления против свободы, чести и достоинства), во-вторых, преступления против семьи, имеющие специфический объект посягательства, - семейные отношения. Применительно к структуре закона такая классификация возможна

✠ Справедливости ради необходимо отметить, что некоторые составы преступления Уложения о наказаниях, явно не соответствовавшие реальной действительности (например, о конкубинате), были со временем отменены /30, комм. к ст. 994; 37, с. 125, 126/.

✠✠ Чрезмерное слияние религиозных и светских принципов ответственности было подвергнуто критике и со стороны правоведов Царской России, которые, не понимая классовой сущности государства и неразрывной связи между эксплуататорским государством и религией, объясняли это явление просто смешением понятий "грех" и "преступление", то есть духовного мира человека и его внешнего поведения (см., например: 4, с. 9, 13; см. также с. 20/.

в основном на уровне самых крупных единиц Уложения о наказаниях — разделов. Дальнейшая классификация этих преступлений уже ввиду сложной системы кодекса и казуистичности составов преступлений, с соблюдением структурных единиц кодекса невозможна. Тем самым, преступления против семьи можно, по нашему мнению, разделить на следующие группы: 1) преступления против личности членов семьи, предусмотренные как в специальных составах общих преступлений против личности раздела X, так и в составах, отнесенных законом к разделу XI в качестве преступлений против прав и обязанностей супружества; 2) преступления против формы семейных отношений и нравственных основ семьи (двойной брак, прелюбодеяние, кровосмешение и др.) и 3) преступления в области взаимоотношений родителей и детей (преступления родителей против детей и детей против родителей, отказ детей в предоставлении родителям пособий для жизни и др., за исключением преступлений против личности согласно разделу X).

Если интересы семьи получили в Уложении о наказаниях, несмотря на религиозно-патриархальный характер ответственности, существенную уголовно-правовую охрану на уровне высших структурных единиц кодекса, то в отношении правовой охраны несовершеннолетних этого в полной мере сказать нельзя. Лишь преступления в области образования составляют отдельную главу (раздел VIII, глава VI), однако здесь охраняются скорее интересы правительственной политики в области образования, чем интересы развития несовершеннолетних. Развитие капиталистических тенденций в промышленности обуславливало уголовно-правовую охрану труда несовершеннолетних на фабриках и в ремесленных заведениях путем дополнения Уложения о наказаниях статьями 1404¹-1404³, предусматривающими ответственность заведующих или владельцев предприятий за нарушение правил охраны труда несовершеннолетних. Однако наличие этих глав и отделений не означает целостной уголовно-правовой охраны интересов несовершеннолетних. Охрана эта осуществлялась в связи с правовой защитой других общественных отношений в зависимости от того, в какой главе кодекса предусматривалось соответствующее деяние. Таким образом, интересы несовершеннолетних охраняются в Уложении о наказаниях главным образом в контексте преступлений против личности, против гражданского состояния или половых преступлений. Подобный подход наблюдается и в литературе. Например, общественная опасность преступлений, заключающихся в деморализации детей, усматривает-

ся не столько во вреде, причиненном нормальному развитию несовершеннолетнего, сколько в глубоком нравственном развращении виновного, в гнусных мотивах такого поведения /3, с. 130-131/.

Как подход к преступлениям против семейных отношений, так и уголовно-правовая охрана несовершеннолетних в Уложении о наказаниях, подвергается влиянию патриархального уклада семейных отношений, прежде всего утверждению в законе родительской власти. Примером этого может служить ст. 1592, говорящая об упорном неповиновении родительской власти и предусматривающая, что по требованию родителей дети "без особого судебного рассмотрения подвергаются заключению в тюрьме...". Далее указывается, что родителям "... в сем случае предоставляется право уменьшить, по усмотрению своему, время заключения или и совершенно простить виновных". Хотя в комментариях к этой статье утверждается, что данное наказание может быть применено все-таки через суд, а не в обход суда /35, ст. 1592, комм. 1-2/, мы, несмотря на это, имеем дело с уникальным выражением патриархального права, где суд является не органом правосудия, а лишь исполнительным органом родительской, семейной юстиции.

При этом было бы несправедливо отрицать и положительную сторону уголовно-правовой охраны семьи и несовершеннолетних. Наличие в Уложении о наказаниях составов преступлений об отцеубийстве, посягательствах на беременную женщину, половых преступлений против несовершеннолетних и др., несомненно, играли важную роль в борьбе с посягательствами данного вида.

Недостатки Уложения о наказаниях, отмеченные и современными ему правоведами, и такие как сложность системы, казуистичность, эклектическое сложение законоположений разных эпох и др. /см., например: 21, с. 29-30/, и приведенные в конечном счете к его несоответствию современным требованиям, обусловили выработку нового уголовного кодекса под названием Уголовного уложения, который был утвержден 22 марта 1903 года /33/. Хотя новый кодекс так и не был полностью введен в действие, все же он характеризует развитие правовой мысли в России конца XIX века. Современные юристы оценили новый кодекс по-разному. Были крайне отрицательные мнения (например, со стороны П. П. Пусторослева, который характеризовал Уголовное уложение как запоздалое произведение прошлых времен, которому нет места быть законом в новой жизни русского народа /19, с. 17/. Большинство же авторов, отмечая существенные недостатки Уго-

ловного уложения (непоследовательность принципов ответственности, недостаточный учет в нем правового опыта зарубежных стран и т.д.), все же приходит к выводу, что новый кодекс выражает прогресс в развитии уголовного права /18, с. 97-104; 21, с. 35-37/. Советские правоведы придерживаются того мнения, что с технической точки зрения кодекс стоял на значительно более высоком уровне, чем старое Уложение о наказаниях, и соответствовал современным ему уголовным кодексам других капиталистических стран /9, с. 549/.

Сказанное относится и к преступлениям против семьи и несовершеннолетних. Они содержались в разных структурных единицах Уголовного уложения. Преступления против семьи были рассмотрены в специальной главе (глава XIX - "О преступных деяниях против прав семейственных"), куда были включены практически все существенные составы преступлений, предусмотренные Уложением о наказаниях в разделе XI. Исключение составляет только кровосмешение, считавшееся половым преступлением (глава XXV - "О непотребстве"). Вторую группу преступлений против семейных отношений составляли преступления против личности членов семьи, составы которых излагались в главах об убийстве, о телесном повреждении, об оставлении в опасности, о преступлениях против личной свободы, против чести (главы XXII, XXIII, XXV, XXVI, XXVII и XXVIII). И, в-третьих, преступления против несовершеннолетних, которые рассматривались Уголовным уложением как нарушение правил воспитания вношества (глава XIX), половые преступления (глава XXV) и вовлечение несовершеннолетнего в невыгодную для него сделку (глава XXXIV).

По сравнению с Уложением о наказаниях Уголовное уложение предусматривает систему преступлений более рационально и менее казуистично. Значительно уменьшилась связь рассматриваемых преступлений с каноническим правом. Из кодекса были выведены нормы старого Уложения о наказаниях, которые представляли собой по существу нормы канонического права /см. подробнее 33, ст. 408, комм. I.4/. В целом же соотношение светских и канонических принципов ответственности за преступления в области семейных отношений становились ареной острых дискуссий. Клерикальные круги и специалисты канонического права, пытались сохранить свойственную Уложению о наказаниях 1845 года смешанную подсудимость по делам о преступлениях против семьи, резко критиковали авторов проекта нового Уголовного уложения. Одна из существенных претензий клерикалов была выдвинута против идей авторов проекта, в том числе и против идей про-

фессора И.Я. Фойницкого, относительно общего брачного законодательства для всех обывателей России /см. подробнее 7, с. I-I6; 2, с. 792-800/, или, иными словами, консервативные круги отказались признавать уже давно принятый в Европейском каноническом праве принцип самостоятельности государственных и церковных правил по поводу брака и семьи /см., например: 4I, с. 787-788; 42, с. 4I3-4I4/. Судя по тексту Уголовного уложения, можно говорить о компромиссе, ибо религиозные принципы уголовно-правовой охраны семьи (по словам Н.С. Таганцева, "зависимость брачных отношений от вероисповедания брачующихся" и "ограждение господствующей религии против посягательств со стороны инославных исповеданий" /см.: 33, ст. 408, комм. I.3/ сохранили свое действие /см., например, ст. 4I3 и 4I5/. Сохранившийся в гражданском праве принцип родительской власти обуславливал и сохранение в уголовном праве состава преступления неповиновения родительской власти (ч. 2 ст. 4I9). Законодатель изменил расположение некоторых составов преступлений в структуре кодекса, то есть счел их родовой объект иным. Например, если похищение женщины рассматривалось Уложением о наказаниях как преступление против брачного союза, то в Уголовном уложении это преступление относится к посягательствам против личной свободы. Кровосмешение считалось Уложением о наказаниях преступлением против прав семейственных, в Уголовном уложении это преступление рассматривается как половое.

В целом преступления против семьи и несовершеннолетних составляют в Уголовном уложении относительно гомогенные группы. Можно утверждать, что к началу XX века виды преступлений против семьи и несовершеннолетних в Русском уголовном праве были в основном сформированы.

4. Советское уголовное право не знает *de lege lata* группу преступлений против семьи и несовершеннолетних.* Учебная литература ограничивается выделением, как правило, половых преступлений против несовершеннолетних в качестве одного из видов преступлений против личности /см., например: IO, с. 648-660; I2, с. I66-I74/ и преступлений в области воспитания несовершеннолетних /I3, с. 362-37I; 24, с. 374/, имея в виду вовлечение несовершеннолетних в преступную или иную

* Некоторое исключение составляют преступления против семьи, являющиеся пережитками местных обычаев. Ввиду своей национально-региональной сущности они в настоящей статье не рассматриваются.

антиобщественную деятельность в качестве одного из видов преступлений против общественного порядка.* Преступная неалиментация и оставление в опасности рассматриваются, как правило, в контексте преступлений против личности, которые подвергают опасности жизнь и здоровье /10, с. 126-127; 8, с. 590/.

Однако в исследованиях, посвященных отдельным вопросам, совершенно справедливо утверждается, что неоказание материальной помощи родителям или детям, злоупотребление опекунами обязанностями, нарушение тайны усыновления, похищение или подмен ребенка не являются по своему существу преступлениями против личности, так как охраняемые соответствующими нормами отношения складываются в области семьи и брака и регулируются нормами семейного права. Из этих соображений исходит предложение объединить названные преступления в одну отдельную главу особенной части уголовного кодекса /15, с. 39-44; 29, с. 38-39; 32, с. 125-129/.

Другой путь, приводивший правоведов к предложению о создании в Уголовном кодексе специальной главы о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, — это изучение уголовно-правовой охраны несовершеннолетних. Так, Н.И. Трофимов совершенно справедливо приходит к правильному выводу, согласно которому по правовой природе преступления против уклада семейных отношений и нормального развития несовершеннолетних однородны, а качественная однородность и наличие определенного носителя этих отношений позволяет объединить данные преступления в самостоятельную группу /31, с. 27, 31/. Представляется, что в эту группу (в соответствующую главу Уголовного кодекса) должны входить не только преступления, уже предусмотренные действующим законодательством, но и новые нормы. Так, например, в связи с обсуждением проекта законодательства о браке и семье были внесены предложения включить в Уголовный кодекс состав преступления, предусматривающего ответственность родителей за злостное уклонение от выполнения ими своих обязанностей по воспитанию детей /см., например, 17/. Правда, мнение о целесообразности такой ответственности в интересах обеспечения нормального развития

* В некоторых учебниках эти преступления не выделяются, преступления в области воспитания несовершеннолетних считаются посягательствами на отношения по поводу обязанности граждан заниматься общественно полезным трудом /11, с. 6/ или признаются просто одним из преступлений против общественного порядка /23, с. 366/.

несовершеннолетних и предупреждения их правонарушений высказывалось в литературе уже до этого /см., например, 20, с. 105; 16, с. 115/. В связи с предстоящей реформой уголовного законодательства предлагается усилить уголовно-правовую охрану семьи. Именно так, по нашему мнению, можно оценить предложение предусмотреть в законе ответственность так называемых семейных дебоширов /1, с. 93/.[✠] Сама же идея о включении в Уголовный кодекс специальной главы о преступлениях против семьи и несовершеннолетних выражалась не только в связи с настоящей реформой /28, с. 91/, но и раньше /30, с. 33-34/.

Однако уголовно-правовую охрану семьи и несовершеннолетних не следовало бы ограничивать пределами одной главы в Уголовном кодексе. Как указывалось выше, уголовному праву известны и иные традиционные формы конструкции ответственности за преступления против семьи. Это предусматривает специальные составы преступлений при общих составах (так называемое отцеубийство, убийство беременной и т.д.). В последнее время в литературе вносились предложения и в этом плане. Они предлагали предусматривать в качестве отягчающего ответственность обстоятельства за умышленное убийство совершение этого преступления против отца или матери /1, с. 88/.

Наряду с законотворческими аспектами имеются и правоприменительные - вопросы квалификации преступлений и назначения наказания /см. об этом, например, в 25, 26 и 27/. Это значит, что уголовная ответственность за преступления против семьи и несовершеннолетних должна быть рассмотрена как с точки зрения *de lege ferenda* и *de lege lata*, так и с позиций применения закона.

[✠] Признаки этого состава, предложенного С.В. Бородиным, спорны. Например, представляется необоснованным подчеркивать в диспозиции статьи зависимое положение потерпевшего. Современная эмансипированная женщина не зависит от мужа, но нередко она не может обратиться из создавшегося в семье положения. Что касается детей, то их зависимость от родителей не требует специального упоминания в уголовном законе. Более правильным представляется нам формулирование признаков этого состава как нарушение домашнего спокойствия, выражающееся в насильственных действиях против членов семьи (побои, истязания и др.), в нарушении правил общежития (шум, дебош). В отличие от известного немецкому праву *Hausfriedensbruch*, что означает вторжение в чужое помещение или дом /48, ст. 123, комм. 1-5/, данное преступление означало бы нарушение домашнего спокойствия путем применения насилия против членов семьи аналогично составам причинения телесного повреждения родственнику (п. 1 ст. 471 Уголовного уложения 1903 года) и самоуправства (ст. 142 Устава о наказаниях, см.: 36, ст. 142, комм. 186-187).

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

1. Бородин С.В. Уголовный закон и усиление охраны жизни, здоровья и достоинства личности // Сов. гос-во и право. - 1987. - № 9.
2. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. - 1896. - № У.
3. Есипов В.В. Уголовное право. Часть особенная. Преступления против государства и общества. - Спб., 1902.
4. Есипов В.В. Нравственность и право. Христианская этика, современная эстетика и уголовный закон. - Варшава, 1907.
5. Законодательные акты Петра I // Памятники русского права. - М., 1961.
6. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла У. - Алма-Ата, 1967.
7. Красножен М. Старые и новые законы о браке. (По поводу 352, 440, 441 и 359 статей проекта нового Уголовного уложения // Уч. зап. / Имп. Юрьевский Ун-т. - 1897. - № 4.
8. Кузнецов А.Н. О формах работы по предупреждению преступности несовершеннолетних // Сов. гос-во и право. - 1964. - № 8.
9. Курс советского уголовного права. (Часть Общая). - Т.2. - Л., 1970.
10. Курс советского уголовного права. (Часть Особенная). - Т. 3. - Л., 1973.
11. Курс советского уголовного права. - Т. 5. - Л., 1981.
12. Курс советского уголовного права. Часть особенная. - Т. У. - М., 1971.
13. Курс советского уголовного права. Часть особенная. - Т. VI. - М., 1971.
14. Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. - М., 1905.
15. Михайлова Л.П. О преступлениях в области семейных отношений в советском уголовном законодательстве // Вестник Моск. ун-та. Серия II: Право. - 1979. - № 3.
16. Морозов С.И., Гуконская Н.И., Иванов В.И., Статкус В. Ф. Опыт комплексного обследования причин и условий, способствующих совершению преступлений подростками // Сов. гос-во и право. - 1963. - № 9.
17. Перлов И., Миньковский Г. За детей родители в ответе // Известия. - 6 июня 1968 г.
18. Пржевальский В.В. Проект Уголовного уложения и современная наука уголовного права. - Спб., 1897.
19. Пусторослев П.П. Русское уголовное права. Особенная часть. Вып. I. - Юрьев, 1913.
20. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. - М., 1961.

21. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. - Спб., 1904.
22. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года // Памятники русского права. - М., 1957.
23. Советское уголовное право. Особенная часть. - М., 1975.
24. Советское уголовное право. Часть особенная. - М., 1983.
25. Соотак Я.Я. Убийство супруга из ревности // Учен. зап. / Тартуский гос. ун-т. - 1978. - Вып. 447.
26. Соотак Я.Я. Назначение наказания за преступление против супруга // Учен. зап. / Тартуский гос. ун-т. - 1979. - Вып. 473.
27. Соотак Я.Я. Уголовная ответственность за преступления, совершенные на почве конфликтов между супругами // Учен. зап. - Тартуский гос. ун-т. - 1987. - Вып. 765.
28. Стручков Н.А. Объект преступного посягательства и система Особенной части УК // Сов. гос-во и право. - 1987. - № 12.
29. Тимошенко В.В. К вопросу о месте составов преступлений против семьи в системе уголовного кодекса // Актуальные проблемы общественных и естественных наук. - Минск, 1981.
30. Трайнин А.Н., Маньковский Б.С., Меньшагин В. Д., Авдеева М.А., Ромашкин П.С., Васильев А.Н. Вопросы системы общей и особенной частей социалистического уголовного права // Сов. гос-во и право. - 1950. - № 10.
31. Трофимов Н.И. Уголовно-правовая охрана духовного и физического развития несовершеннолетних. - Иркутск, 1973.
32. Тупица А.Я. О понятии преступлений против семьи // Вопросы совершенствования социального и правового регулирования. - Свердловск, 1981.
33. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. - Рига, 1922.
34. Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича. - Б.м., 1913.
35. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. - Петроград, 1915.
36. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. - Спб., 1912.
37. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. - Спб., 1900.
38. Французский уголовный кодекс 1810 года. - М., 1947.
39. Berner A. Lehrbuch des Deutschen Strafrechtes. - Leipzig, 1898.
40. Feuerbach A. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen Peinlichen Rechts. - Giessen, 1847. -
41. Friedberg E. Die Gränzen zwischen Staat und Kirche und Garantien gegen deren Verletzung. - Tübingen, 1872.

42. Friedberg E. Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts. - Leipzig, 1909.
43. Hälschner H. Das gemeine deutsche Strafrecht. Zweiter Band. Zweite Abteilung. - Bonn, 1884.
44. Hälschner H. Das gemeine deutsche Strafrecht. Zweiter Band. Zweite Abteilung. - Bonn, 1887.
45. Liszt F. Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. - Berlin, Leipzig, 1888.

ХАРАКТЕРИСТИКА И РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТОЯНИЙ СИЛЬНОГО ДУШЕВНОГО ВОЛНЕНИЯ

Л.И. Аувяэрт, В.А. Вахинг

г. Тарту

В. Чиж уже сто лет назад отметил, что "... нельзя понимать преступления, а тем более преступника, не зная физиологию и психологию аффектов, так как большинство преступлений, бесспорно совершается в состоянии аффекта. Только закоренелые преступники совершенно спокойно совершают преступления /12, с. 67/. Соответственно действующему советскому уголовному законодательству, суд может учесть состояние сильного душевного волнения как физиологический аффект в качестве смягчающего вину обстоятельства. Патологический аффект как сверхсильное душевное волнение является психотическим состоянием и исключает уголовную ответственность. На наш взгляд, эти два вида аффекта нельзя резко отделять друг от друга, между ними можно наблюдать переходные формы. Такой же переход имеется, кстати, и между легким аффективным состоянием и физиологическим аффектом. Общепризнанной является точка зрения, согласно которой наличие физиологического аффекта устанавливает психолог, тогда как наличие патологического аффекта определяет психиатр. Но как поступить тогда, когда наличие аффекта бесспорно и следует установить, с чем мы имеем дело - с физиологическим или патологическим аффектом? При решении этого вопроса, по мнению О. Ситковской, в первую очередь следует назначить судебно-психиатрическую экспертизу, и если патологический аффект ею установлен не будет, - назначить судебно-психологическую экспертизу /8, с. 26/. По нашему мнению, эта точка зрения достаточно спорна. Ведь студенты, готовящиеся стать юристами с высшим образованием, в процессе усвоения обязательного курса должны приобрести минимальные знания из области как судебной психиатрии, так и правовой психологии, то есть юрист, имеющий высшее образование, должен уметь определять вероятность наличия в конкретном случае соответствующего аффекта. Случается, конечно, что и юристы ошибаются, и после

одного вида экспертизы приходится назначать другую, однако такие случаи составляют исключение. Ни в коем случае нельзя считать единственно возможным назначением сначала психиатрической, а после нее еще и психологической экспертиз. Следует считать правильной бытующую в судебной практике Эстонской ССР точку зрения, согласно которой для разграничения физиологического и патологического аффекта целесообразно использовать психолого-психиатрическую комплексную экспертизу /16/. Независимо от возражения О. Ситковской в указанной выше работе, подобную позицию следует, по-видимому, считать всячески оправданной. Именно совместная работа психиатра и психолога обеспечивает всестороннее изучение личности, что, в свою очередь, позволяет установить, в компетенции какого специалиста данное психическое состояние относится. Но с О. Ситковской следует согласиться в том, что в компетенцию психолого-психиатрической комплексной экспертизы входит определение психических состояний тогда, когда имеется дело с психопатией, с дебильными гражданами или с преступлением, совершенным в состоянии опьянения /8, с. 28/.

В связи с дискуссией о психологической экспертизе были высказаны некоторые довольно странные и даже в корне неправильные точки зрения. Особенно бросается в этом отношении в глаза статья Н. Еникеева. По мнению последнего, психологическую экспертизу могут проводить работники кафедр психиатрии, медицинской психологии и медицинских институтов, а также врачи-невропатологи и психиатры /4/. С этим не могут согласиться ни психологи, ни юристы, ни психиатры. Согласно нормам уголовного процессуального права, экспертом может быть лицо, обладающее специальными знаниями, применение которых необходимо по данному уголовному делу /10, с. 46/. Документом, подтверждающим наличие этих специальных знаний, является диплом (по крайней мере у психологов). Работники медицинских институтов, невропатологи и психиатры, как известно, диплома психолога не имеют. Психологическую экспертизу может проводить только дипломированный психолог.

В Эстонской ССР также высказываются спорные точки зрения. Член Верховного Суда Эстонской ССР К. Маркс считает, что "в судебно-психологической экспертизе, как правило, нет никакой необходимости... Постановка ... вопроса о необходимости судебно-психологической экспертизы для установления физиологического аффекта является в корне неправильной и противоречащей судебной практике... Такие состояния как аффект

радости, аффект печали, аффект стыда и т.п., являющиеся также физиологическими аффектами, не имеют никакого правового значения" /6/.

Частично мы согласны с мнением К. Маркса о том, что аффекты печали, стыда и радости не имеют никакого юридического значения в смысле п. 4 ч. I ст. 37 УК ЭССР, но это отнюдь не означает того, что перечисленные виды аффекта не имеют вообще никакого юридического значения. Так, в п. 2 ч. I ст. 37 УК Эстонской ССР говорится о совершении преступления "... вследствие стечения тяжелых личных, семейных или иных обстоятельств ...". Авторы настоящей статьи убеждены в том, что законодатель имел в виду не просто стечение обстоятельств, но и то, что человек переживает их соответствующим образом, то есть что у него наблюдаются сильные эмоции, которые могут усугубиться, перейти в аффект и то, что совершенные в подобном состоянии преступления, несомненно, имеют свою специфику, которую следует учитывать и при назначении наказания.

Отметим, что соответственно ч. 2 ст. 37 УК ЭССР при назначении наказания суд может учитывать также смягчающие обстоятельства, не указанные в настоящей статье. По нашему мнению, приведенное позволяет всегда учитывать физиологический аффект как смягчающее вину обстоятельство, в том числе и тогда, когда аффект был вызван не противоправным поведением потерпевшего. Это наше мнение уже нашло выражение и в законодательстве. Так, в п. 3 ч. I ст. 33 Кодекса Эстонской ССР об административных правонарушениях в качестве смягчающего вину обстоятельства предусматривается "... совершение правонарушения под влиянием сильного душевного волнения либо при стечении тяжелых личных или семейных обстоятельств". Мы считаем необходимым подчеркнуть: здесь не требуется, чтобы сильное душевное волнение было вызвано противоправным действием потерпевшего.

Но если бы физиологический аффект и не был смягчающим вину обстоятельством в уголовном праве, суду следовало бы при назначении наказания это бесспорно учитывать. Согласно положениям ст. 36 УК ЭССР, "при назначении наказания суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывает характер и степень опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность".

Нормативным актом не определяется, что является характером и степенью общественной опасности преступления. Профес-

сор И.А. Ребана дает примерный перечень признаков, от которых зависит степень общественной опасности преступления. По его мнению, степень общественной опасности преступления зависит от признаков, которые характеризуют объективную сторону преступления, объект, субъективную сторону и субъект /17, с.134-135/. По нашему мнению, вполне оправданным является предложение С. Арзуманяна учитывать при определении степени общественной опасности преступления те усилия, которые затрачивает субъект при совершении преступления. На этом основании можно различать четыре степени общественной опасности:

- 1) преступление совершено под влиянием ситуации (сюда относится и физиологический аффект);
- 2) при совершении преступления была использована благоприятная ситуация;
- 3) для совершения преступления был осуществлен поиск благоприятной ситуации;
- 4) для совершения преступления субъект преступления сам создал благоприятную ситуацию.

По-видимому, любому разумному человеку ясно, что степень общественной опасности преступления существенно различается в зависимости от того, совершено ли преступление в состоянии физиологического аффекта или же преступник длительное время готовился к его совершению.

В специальной литературе (в том числе и на эстонском языке) /14; 15/ относительно много внимания уделялось определению аффекта. Меньше внимания уделялось вопросу и перерастании эмоционального напряжения в патологический аффект. В развитии патологического аффекта различают три фазы. Первую, или подготовительную, фазу отличает рост психического напряжения, причиной которого может быть психическая психотравма, обида или другой внешний раздражитель. Уже первая фаза может вызвать некоторые изменения во внешнем поведении. Они могут иметь астенический характер: человек бледнеет, тонус мускулов понижается, начинают часто дрожать губы, а также веки, конечности; во рту пересыхает; в области сердца возникают боли, перехватывает дыхание, возникает чувство слабости, скованность в движениях, иногда возникает полное обездвиженье (эмоциональный ступор), ход мыслей расстраивается, мысли становятся расплывчатыми, ход мыслей неестественно замедляется или ускоряется. Позднее же, с нагнетанием эмоционального напряжения, выражение эмоций становится стеническим: кровь бросается в лицо, пульс учащается, учащается и становится глубже дыхание.

выражение, бывшее раньше растерянным и удивленным, становится разъяренным, тонус мускулов повышается, появляются отдельные агрессивные движения, иногда вырываются яростные угрожающие слова, круг восприятия и воображения сужается, сознание наполняется все более связанными с аффектом воображением и ассоциациями. Такое состояние перерастает в другую фазу — фазу взрыва, которая отличается от первой возбужденными движениями. Они имеют агрессивный характер, сознание омрачено. В таком состоянии человек нападает на обидчика, причиняет ему поражающие своей жестокостью телесные повреждения, зачастую даже убивает. Все эти действия внешне кажутся координированными, но вышедшими из-под контроля сознания, доведенными до автоматизма. В отношении случившегося может иметь место полное отсутствие памяти. Вслед за фазой взрыва следует фаза истощенности, характеризующаяся исключительной духовной и физической истощенностью, которой сопутствует крайняя слабость, невозможность сосредоточиться, несмотря на то, что в сознание уже начинает проникать значение содеянного. Зачастую истощенность настолько велика, что по окончании второй фазы может наступить глубокий сон /3/.

Обычно при разграничении физиологического и патологического аффекта ссылаются на работу М. Ассатиани, вышедшую в 1946 году на грузинском языке /2; 13, с. 5/. Приведем и мы здесь его столь часто цитируемую таблицу:

Физиологический аффект	Патологический аффект
1. Средняя интенсивность	1. Сверхинтенсивность
2. Соответствие с вызывающим фактором	2. Несоответствие с вызывающим фактором
3. Незначительное изменение сознания (сужение сознания)	3. Изменение сознания до полного помрачения
4. Несдержанность	4. Потеря способности отдавать отчет в своих действиях
5. Несвязанность ассоциативных идей	5. Бессвязное сочетание идей
6. Сохранение воспоминаний	6. Амнезия
7. Реактивная слабость	7. Патологический сон

В приведенной таблице много спорного. Значительно более удачна, на наш взгляд, составленная О. Ситковской таблица различий физиологического и патологического аффекта /8, с. 17/.

Стадии	Патологический аффект	Физиологический аффект
Подготовительная стадия	Возникает в ответ на неожиданный сильный раздражитель, а в некоторых случаях без повода	Конфликтная ситуация возникает в ответ на 1) сильный аффективный раздражитель; 2) в результате аккумуляции аффективных переживаний (в ответ на малозначительный раздражитель)
Стадия взрыва	Сумеречное состояние сознания, искаженное восприятие окружающего	Сужение сознания
Стадия истощения	Глубокий длительный сон, протрация, безразличие к окружающему	Вялость, усталость, субъективное чувство раскаяния

Первая фаза аффекта не является специфичной. Она присуща как физиологическому, так и патологическому аффекту; ею, например, может быть продолжительная психотравма. В то же время именно в этой фазе различия проявляются в причинах возникновения аффекта, в механизме возникновения аффективного напряжения, различия личностей при обработке психогенной информации. Для второй фазы характерен взрыв, являющийся неожиданностью даже для самого человека. Чаще всего наблюдается аффект ярости, гнева, обиды. Переходу во вторую фазу сопутствует фрагментарность восприятия, сужение сознания и концентрация на объекте, травмирующем психику. Глубина эмоций внешне ярко выражена. В организме возникают различные соматовегетативные изменения. Для аффективных движений характерны стереотипность, импульсивность, автоматичность. Контроль, осуществляемый сознанием и волей над действиями, заторможен. Для действий, совершенных в состоянии аффекта, характерно то, что они находятся в противоречии с установками и направленностью человека, подвластны ситуации и обусловлены ею. Когда в третьей фазе аффекта функциональное состояние организма понижается, появляются усталость и сонливость.

Признаком, различающим физиологический и патологический аффект, является психогенно вызванное помраченное состояние сознания. Симптомы, с помощью которых можно делать выводы о наличии или отсутствии помраченного состояния, подразделяют на две группы. К первой группе относятся экспрессивные харак-

теристики вегетативных реакций, характерные для аффективного напряжения и взрыва, превращение моторики в стереотипную. Ко второй группе относятся психопатологические феномены, являющиеся специфическими лишь для патологического аффекта. Сюда относятся дезориентированность, продуктивность психопатологической симптоматики, тотальная амнезия о своих действиях, фрагментарность хранящихся в памяти образов своих переживаний. Признаки второй группы присущи лишь патологическому аффекту, свойства первой группы — как патологическому, так и физиологическому аффекту.

Глубину как физиологического, так и патологического аффекта характеризует прежде всего коммуникативная деятельность. При патологическом аффекте в речи выражаются иллюзорные или галлюцинаторные переживания. При физиологическом аффекте ориентированность и вербальная связь с другими переживаниями сохраняется. Моторная деятельность при патологическом аффекте продолжается и после того как жертва перестает оказывать сопротивление или уже не подает признаков жизни. Обратная связь с ситуацией полностью отсутствует. Действия немотивированы и основаны на автоматизмах. При физиологическом аффекте моторная деятельность корригируется в известной степени соответственно изменениям в ситуации и поведении потерпевшего. При физиологическом аффекте агрессивная деятельность обычно прекращается после того, как потерпевший перестает оказывать сопротивление. После этого субъект пытается оказать потерпевшему помощь или скрыть следы преступления. При патологическом аффекте переход происходит довольно резко. Психомоторная деятельность в отношении содеянного отсутствует, контакт с субъектом невозможен, может наступить терминальный сон.

Различен и характер пробелов памяти. При патологическом аффекте память сохраняется с первой непсихотической фазы, субъект помнит и некоторые субъективные переживания, иллюзорные раздражители, иногда также прерывистые галлюцинаторные раздражители.

При физиологическом аффекте отдельные детали своей деятельности в ситуации могут быть субъектом забыты (например, количество нанесенных ударов), но сохраняется адекватная оценка ситуации как целого. Субъект может охарактеризовать развитие событий и цели своих действий.

В заключение проиллюстрируем оба вида аффекта примерами из судебной практики.

Следующее наблюдение является примером патологического аффекта.

Испытуемый А., 41 года, обвиняется в нанесении телесных повреждений своей соседке. Из анамнеза известно, что в возрасте 19 лет болел малярией. В 37 лет перенес травму головы, сопровождающуюся кратковременной потерей сознания. В дальнейшем самочувствие его было удовлетворительным. Через год после этого он купил комнату у гр-ки К., с которой у него сразу установились конфликтные взаимоотношения вследствие необоснованных придирок К. В течение недели до совершенного правонарушения он работал по проведению во дворе водопровода, в связи с этим очень уставал и недостаточно спал.

В день правонарушения вечером К. во дворе стала назойливо приставать к испытуемому, грубо оскорбляла его, цинично бранилась, в течение нескольких часов К. ходила за ним всюду, куда бы он ни пошел. Наконец, К. заявила ему, что игравшая во дворе его 5-летняя дочь оскорбляет ее, показывает язык. В ответ на это замечание испытуемый обернулся и убедился, что его дочь продолжает спокойно играть, не обращая внимания на взрослых. Испытуемый был "потрясен" этим и, "не помня, как у него в руках очутилось что-то", увидел, что К. "завертелась в глазах, как запущенный вентилятор". Что случилось потом, он не помнит. Вскоре после этого он очутился в сених, лежащим на полу. Ощущал при этом большую усталость. Когда, по его словам, "проснулся" и узнал от жены и окружающих о случившемся, он направился в милицию, чтобы сообщить о содеянном.

Из материалов дела известно, что, когда К., пристававшая к испытуемому, заявила, что его дочь показывает язык, испытуемый неожиданно ударил К. по голове ломиком, который держал в руке, а сам после этого побежал и упал. Выбежавшая на крик К. жена испытуемого увидела, что он лежит возле коридора, смертельно бледный и весь дрожит. На обращенные вопросы испытуемый не отвечал и долго не мог прийти в себя. Когда жена испытуемого втащила его в сени, то он "почему-то поднялся, выбежал на улицу и снова упал на бревна". Другие свидетели отмечают, что испытуемый лежал на бревнах "в каком-то ненормальном состоянии, был бледен, дрожал, глаза его были закрыты и он молчал". Потом он поднялся "как пьяный" и в рваных брюках и спортивной обуви куда-то пошел. "Он ступал нетвердо и шатался". На расспросы о том, что произошло, испытуемый ничего не объяснял и "как в полусонном состоянии",

односложно и бессвязно повторял "не знаю, не знаю".

При обследовании в Центральном институте судебной психиатрии имени проф. Сербского установлено, что внутренние органы у испытуемого без отклонений от нормы. Сухожильные рефлексы равномерны, патологических рефлексов нет, отмечается экзофтальм, недостаточность конвергенции глазных яблок, пошатывание в позе Ромберга, дрожание век, языка и пальцев вытянутых рук, повышенная потливость и вазомоторная лабильность. На глазном дне небольшая бледность височных половин сосков зрительных нервов. Давление спинномозговой жидкости повышено - 470 мм водяного столба.

Психическое состояние. Испытуемый легко вступает в беседу, охотно в последовательной форме сообщает о себе сведения. Он взволнован случившимся, недоумевает по поводу того, как он мог совершить такой поступок, хотя и говорит, что К. своей назойливостью выводила его из равновесия. Образно рассказывает о том, как К. неожиданно завертелась у него перед глазами и с этого момента он же ничего не помнит. Свой поступок объяснить не может, хотя постоянно сам обращается в разговорах к этой теме. Отмечается чрезмерная обстоятельность и излишняя детализация при описании событий.

Экспертная комиссия вынесла заключение, что А. психическим заболеванием не страдает, у него обнаруживаются остаточные явления после перенесенной травмы черепа с повышением внутричерепного давления. В период, относящийся к инкриминируемому ему деянию, А. находился в состоянии временного болезненного расстройства психической деятельности в форме патологического аффекта, на что указывает наличие в тот период внезапно возникшего искаженного восприятия окружающего, нарушения сознания, непосредственно после чего у него обнаружилось состояние резкой адинамии и растерянности, поэтому в отношении инкриминируемого ему деяния он был признан невменяемым /9, с. 392-393/.

Пример физиологического аффекта.

Д. признан виновным в том, что, находясь в состоянии легкого опьянения, на кухне коммунальной квартиры, где он проживал, выстрелом из двуствольного ружья убил соседа Ф., с которым длительное время находился в неприязненных отношениях. Как установлено по делу, Ф. на протяжении двух лет систематически наносил оскорбления Д., пытался изнасиловать его жену. В связи с этим Д. обращался за содействием в общественные организации по месту работы и занимался вопросом обмена кварти-

ры. Непосредственно перед совершением убийства Ф., находясь в состоянии опьянения, вновь стал приставать к Д. Он заставлял Д. вернуть электрическую лампочку в коридоре квартиры, цинично мотивируя свое требование тем, что ему, Ф., в темноте неудобно совершать половой акт с женой Д. После этого Д. вошел в свою комнату, зарядил о отниче ружье и, возвратившись на кухню, выстрелил одновременно из двух стволов в грудь Ф., убив его. Было также установлено, что Д. не склонен к конфликтам, Ф. же систематически пьянствовал, избивал родителей своей жены. Он неоднократно пытался вступить в интимную связь с женой Д. и рассказывал об этом своим соседям, а также и Д. Таким путем Ф. постоянно травмировал Д., унижал его человеческое достоинство и наносил ему тяжкие оскорбления. Именно на этой почке и в момент оскорбления Д. убил Ф.

Д. Совершил преступление в состоянии физиологического аффекта, обусловленного длительной психотравмирующей ситуацией, приведшей к невротическому срыву и завершившейся убийством Ф., что подтверждается заключением психиатрической экспертизы /4, с. 51-52/.

И с п о л ь з о в а н н ы е м а т е р и а л ы

1. Арзуманян С.А. Психологическая природа асоциальных установок // Вопросы инженерной и социальной психологии. - Тбилиси, 1974.
2. Ассатиани М. Методика и планы исследования душевно-больных. - Тбилиси, 1946. (На грузинском языке).
3. Аффект патологический // Большая медицинская энциклопедия. - Т. 2. - М., 1957.
4. Еникеев Н.И. О современном состоянии и перспективах развития юридической психологии // Психологический журнал. - 1982. - Т. 3. - № 3.
5. Кодекс Эстонской ССР об административных правонарушениях. - Таллин, 1986.
6. Маркс К. Личность, психология, уголовный процесс // Советское право. - 1983. - № 6.
7. Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение (Социально-психологическое и правовое исследование). - Казань, 1978.
8. Ситковская О.Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта. Методическое пособие. - М., 1983.
9. Судебная психиатрия. - М.: Медицина, 1965.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской ССР. - Таллин, 1986.
11. Уголовный кодекс Эстонской ССР. - Таллин, 1984.

12. Чиж В. Лекции по судебной психопатологии. - СПб., 1890.
13. Шавгулидзе Т. Аффект и уголовная ответственность. - Тбилиси, 1973.
14. Auväärt L. Füsioloogiline afekt // Nõukogude õigus. - 1979. - Nr. 2.
15. Auväärt L. Sissejuhatus õiguspsühholoogiasse. - Tallinn, 1982.
16. Auväärt L., Vahing V. Psühhiaatri ja psühholoogi koostööst kriminaalprotsessis // Nõukogude Eesti Tervishoid. - 1983. - Nr. 1.
17. ENSV kriminaalkodeksi kommenteeritud väljaanne / Koost. I. Rebane. - Tallinn, 1980.
18. Maruste R. Psühholoogia eriteadmiste kasutamine kriminaalprotsessis. - Tartu, 1982.

ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС*

П.А. Варул, Э.Э. Салумаа
г. Тарту

Проблемы правовой ответственности постоянно находились в центре внимания ученых-юристов, хотя и следует признать, что в 80-е годы вышло меньше монографических исследований, чем в 70-е. Но это обстоятельство далеко не означает того, что интерес ученых к вопросам правовой ответственности понизился. Основной интерес направлен на статическую правовую ответственность, т.е. исследовались прежде всего проблемы, связанные с установлением ответственности, и несколько на заднем плане оставалась динамика ответственности - реализация ответственности. Тем более актуальна и необходима рассматриваемая книга В.В. Бутнева, посвященная именно проблемам реализации правовой ответственности.

Построение книги логично: прежде всего рассматривается правовая ответственность как одна из форм социальной ответственности, начиная с понятия социальной ответственности, после чего рассматривается реализация правовой ответственности через гражданское судопроизводство.

Можно сразу же отметить, что с поставленной перед собой задачей - "... уяснить взаимное влияние юридической ответственности как материально-правового явления и гражданского судопроизводства как процессуальной формы ее реализации" (с. 4) - автор справился успешно. В данной рецензии на книгу В.В. Бутнева мы не считаем **нужным** перечислять все ее достоинства, а сосредоточим свое внимание, на фоне общей положительной оценки, прежде всего на тех вопросах, по которым наше мнение расходится с мнением автора. Учитывая требования развития правовой науки, мы считаем такой подход наиболее целесообразным.

Заслуживает признания то, что В.В. Бутнев начинает ана-

* Рецензия на книгу: Бутнев В.В. Реализация юридической ответственности в гражданском процессе. - Ярославль, 1985.

лиз правовой ответственности с социальной ответственности, причем в качестве отправного тезиса при определении понятия социальной ответственности автор совершенно оправданно подчеркивает необходимость "... определить сущность ответственности, выработать такое ее понятие, которое могло бы служить прочным фундаментом для изучения ее сторон и форм" (с. 7). В то же время довольно спорно, отвечает ли данному требованию предлагаемое автором понятие социальной ответственности. В качестве сущности социальной ответственности автор рецензируемой книги видит необходимость определенного поведения участника общественной жизни, выражающуюся либо в его обязанности избирать в своей деятельности вариант, наиболее соответствующий общественным интересам (позитивная ответственность), либо в обязанности претерпевать невыгодные последствия в случае отклонения от этого правила (негативная ответственность) (с. II-12). Понятие "социальная ответственность" имеет значение лишь в том случае, если в нем отражается такое самостоятельное явление, которое не нашло выражения в других понятиях. При усмотрении сущностью социальной ответственности определенных общественных обязанностей неизбежно возникает вопрос: в чем в данном случае заключается сущность социальной ответственности как самостоятельного, специфического явления, которую должно было бы отражать ее понятие? Социальные обязанности, вытекающие из социальных норм, - самостоятельное явление. Называние определенных обязанностей социальной ответственностью не дает по существу ничего и в действительности позволяет усомниться в необходимости понятия социальной ответственности. Остается нераскрытой истинная сущность социальной ответственности как объективного явления. Последней, на наш взгляд, является оценка исполнения обязанностей, вытекающих из социальных норм. Эта оценка выражается в определенной реакции, которая, в свою очередь, также вытекает из социальных норм. Таким образом, обязанность и ответственность - это тесно взаимосвязанные, взаимообусловленные, но не тождественные понятия.

Отдельно стоит вопрос о том, может ли социальная ответственность выступать как позитивной, так и негативной. Мы считаем, что этот вопрос недостаточно освещен в философии: проблема до сих пор рассматривается довольно односторонне, прежде всего в контексте связи свободы и ответственности. Большинство авторов по сегодняшний день считают, что социальная ответственность может быть как позитивной, так и не-

гативной. Это мнение разделяет и В.В. Бутнев. Но независимо от того, какую точку зрения избрать по данному вопросу в части социальной ответственности в целом, будет неправильным делать выводы механического характера о правовой ответственности как одном из видов социальной ответственности. Даже если предположить, что социальная ответственность может действительно быть как позитивного, так и негативного характера, нельзя согласиться с утверждением В.В. Бутнева, что "... признавая позитивную социальную ответственность, следует с неизбежностью признать наличие данной стороны и в ответственности юридической" (с. 13). В действительности положение является совершенно противоположным: поскольку право не является регулятором всех отношений и всех их аспектов в обществе, логично предположить, что и юридическая ответственность не обладает всеми качествами социальной ответственности вообще. В.В. Бутнев и сам, приступая к характеристике связи между социальной и правовой ответственностью, выбирает правильную исходную позицию, приводя цитату В.И. Ленина о взаимоотношении категорий общего и отдельного: "... всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее ..." (Ленин В. И. Полн. собр. соч. - Т. 29. - С. 318) (с. 6). Но этого тезиса автор в действительном анализе не использовал. Для доказательства наличия позитивной социальной ответственности достаточно ссылки на наличие позитивной социальной ответственности. Необходимо, опираясь на анализ конкретных правовых норм, указать, в чем конкретно находит выражение позитивная правовая ответственность. Но до сих пор этого не мог сделать ни В.В. Бутнев, ни кто-либо другой. То, что называет позитивной правовой ответственностью, в действительности представляет собой исполнение юридических обязанностей, вытекающих из правовых норм. Наличие позитивной правовой ответственности невозможно доказать, так как такого явления не существует на самом деле, следовательно, нет и смысла пользоваться соответствующим понятием.

Недостатком методологического характера в подходе В.В. Бутнева к вопросу правовой ответственности является то, что он не различает понятия правовой ответственности и ее конкретных мер. Дело в том, что правовая ответственность как общее может существовать лишь через свои меры как отдельное. Говоря о позитивной правовой ответственности, В.В. Бутнев ограничивается общим рассмотрением, общими фразами, не анали-

зируя тех конкретных мер, в которых такая ответственность должна бы выражаться. Достаточно было бы автору заняться поиском таких мер, как весьма просто обнаружилось бы, что их нет. И сама книга В.В. Бутнева выявляет ошибочность точки зрения ее автора по поводу позитивной правовой ответственности. Так, в § I главы I В.В. Бутнев констатирует наличие позитивной правовой ответственности, но далее он анализирует лишь так называемую негативную правовую ответственность, рассматривая ее реализацию. О позитивной же правовой ответственности автор больше не говорит (за исключением некоторых общих фраз). Остается без ответа вопрос: как происходит реализация такой ответственности?

Негативная юридическая ответственность, согласно мнению В.В. Бутнева, - это обязанность правонарушителя претерпевать юридически неблагоприятные последствия правонарушения (с.26). Эту точку зрения разделяют многие ученые, и прежде всего представители науки уголовного права. Критике можно подвергнуть любого автора, представляющего свое определение понятия юридической ответственности. О приведенном В.В. Бутневым понятии также можно спорить, но ясно и то, что автор имеет право на свою точку зрения. Не пускаясь в дискуссию о предложенном В.В. Бутневым понятии негативной юридической ответственности (далее будем говорить просто о юридической ответственности, учитывая, что юридическая ответственность может быть явлением единственно негативного характера), укажем лишь на некоторые противоречия, имеющие место в подходе автора к данному вопросу.

Мы согласны с В.В. Бутневым в том, что правоотношения подразделяются на регулятивные и охранительные, причем последние возникают при нарушении первых (§ I главы II). При этом автор совершенно оправданно утверждает, что "... деление правовых отношений на регулятивные и охранительные производится безотносительно к их делению на материальные и процессуальные" (с. 33). Содержанием охранительного правоотношения является, с одной стороны, субъективное право потерпевшего на защиту (так называемое охранительное субъективное право) и, с другой, - обязанность правонарушителя. Обязанность правонарушителя является одновременно его ответственностью, поскольку ответственность, как оправданно утверждает В.В. Бутнев, является элементом охранительного правоотношения, который соответствует охранительному субъективному праву потерпевшего (с. 31, 64 и др.). Таким образом, по В. В. Бутневу

получается, что субъективному праву потерпевшего на защиту корреспондирует обязанность правонарушителя претерпевать неблагоприятные последствия (с. 38). С таким выводом трудно согласиться. Так, например, в рамках охранительного гражданского правоотношения субъективному охранительному праву на возмещение убытков соответствует (корреспондирует) обязанность правонарушителя возместить вред как конкретная мера его ответственности. Это же утверждает и сам В.В. Бутнев на с. 73-74. Таким образом, являющуюся элементом охранительного правоотношения обязанность правонарушителя автор раскрывает в разных местах по-разному (сравним, например, с.38 и с. 73-74). Такое противоречие в анализе В.В. Бутнева объясняется тем, что концептуально он выводит понятие правовой ответственности из понятия социальной ответственности, пытаясь полученное дедуктивным путем понятие правовой ответственности включить в механизм правового регулирования, без одновременного анализа самих мер правовой ответственности, не соединяя таким образом дедукцию с индукцией. В ходе конкретного правового анализа В.В. Бутнев делает многие правильные выводы, которые неизбежно вступают в противоречие с его понятием правовой ответственности.

Оправданно принимая за предмет правового спора юридическую ответственность вместе с корреспондируемым ей правом на защиту, автор совсем не считает, что предметом правового спора является то, как правонарушитель претерпевает неблагоприятные последствия правонарушения, а имеет все-таки в виду обязанность правонарушителя уплатить штраф, возместить ущерб и т.д.

Из подхода самого В.В. Бутнева ясно вытекает, что юридической ответственностью является осуждающая реакция (оценка) в отношении правонарушения, выражающаяся в конкретных мерах ответственности. Последними, в зависимости от отрасли права, являются обязанность уплатить штраф, возместить вред, обязанность подчиниться ограничению личной свободы и т.п. Основанием для таких выводов являются многие утверждения В.В. Бутнева. Например: "Меры ответственности - наиболее острая реакция общества на нарушение правовых норм" (с.65), или " ... государственное осуждение - имманентное свойство негативной юридической ответственности" (с. 59). В.В. Бутневу остается сделать еще лишь один шаг, чтобы признать - обязанность претерпевать неблагоприятные последствия правонарушения - это следствие реализации юридической ответственности

в отношении правонарушителя, а не сама юридическая ответственность. Такой вывод следует из тех многих точек зрения В.В. Бутнева, которые мы считаем правильным поддержать: рассмотрение связи юридической ответственности с государственным принуждением (с. 18-20) и санкцией (с. 20-23), связывание начала юридической ответственности с правонарушением (с. 27 и сл.), рассмотрение охранительного правоотношения, связывание юридической ответственности с виной правонарушителя, отрицательное отношение к вопросу о возможности существования безвиновной ответственности и т.п.

Что касается реализации юридической ответственности в гражданском процессе (§§ 2 и 3 главы II), то следует отдать должное способности автора создать из своих положений цельную теорию. Автор предъясвляет точки зрения, многие из которых представляют интерес и нуждаются в дальнейшем, более подробном анализе. Отметим здесь лишь некоторые наиболее существенные моменты - такие, например, как различие стадий правовой ответственности (стадии становления, конкретизации и реализации) и различие форм реализации правовой ответственности (локальные и юрисдикционные). Значительно утверждение автора, что "... сущность гражданского судопроизводства состоит не просто в том, что оно является формой защиты субъективных прав и интересов, а в том, что это такая форма защиты, которая одновременно является формой социалистического правосудия" (с. 57).

Для исследования В.В. Бутнева характерно, что в связи с главной темой, каковой является исследование реализации правовой ответственности, автор рассматривает многие, имеющие центральное значение для гражданского процесса проблемы, убедительно обосновывая свои положения.

В.В. Бутнев уделяет много внимания анализу предмета судебной деятельности. Следует согласиться с выводом автора, что в предмет судебной деятельности входят как регулятивное правоотношение, существовавшее до правонарушения, так и охранительное правоотношение, возникшее в момент правонарушения (с. 82). Мы поддерживаем также утверждение автора, что "... Спор о праве - это разногласия субъектов по поводу своих прав и обязанностей" (с. 68). Правовой спор, несомненно, относится к предмету судебной деятельности. Отдельной же проблемой является то, видеть ли в споре о праве самостоятельное правоотношение организационно-охранительного характера, как это делает В.В. Бутнев, или все-таки рассматривать его

в рамках того охранительного правоотношения, которое возникает вследствие нарушения регулятивного правоотношения. Так или иначе, серьезного внимания заслуживает рассмотрение автором спора о праве как самостоятельного правоотношения. Автор предлагает и специфическое, присущее только данному правоотношению содержание (с. 74). Дополнительного доказательства требует здесь, на наш взгляд, практическое значение подхода автора. Многие правовые явления можно рассматривать как самостоятельные, но при этом должна быть осознана необходимость в таком подходе, его практическое значение.

В заключение можно сказать, что исследование В.В. Бутнева, несмотря на сравнительно небольшой объем, касается важных проблем как в теории правовой ответственности, так и гражданского процесса. Проведя одно из первых подобных исследований, автор сумел обогатить обе теории, указать на моменты их соприкосновения, взаимную связь и влияние. То обстоятельство, что ряд рассматриваемых в книге В.В. Бутнева вопросов продолжают оставаться спорными или вызывают возражение, всегда характерно для подлинно научных работ и содействует дальнейшему развитию науки.

С В Е Д Е Н И Я О Б А В Т О Р А Х

- АГЕЕВА Елизавета Александровна - кандидат юридических наук, доцент, руководитель лаборатории проблем социального управления НИИ комплексных социальных исследований ЛГУ
- АУВЯЭРТ Лембит Иоханнесович - кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории искусственного интеллекта Тартуского госуниверситета
- БАСИН Юрий Григорьевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Казахского госуниверситета, заслуженный деятель науки КазССР
- БУТНЕВ Виктор Вадимович - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Ярославского госуниверситета
- ВАРУЛ Паул Аугустович - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Тартуского госуниверситета
- ВАХИНГ Вайно Артурович - кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии Тартуского госуниверситета
- ГУБАЕВА Аза Константиновна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Северо-Осетинского госуниверситета
- ИЛИАРИОНОВА Тамара Ивановна - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Свердловского юридического института
- КАЛМЫКОВ Юрий Хамзатович - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Саратовского юридического института

- КРАШЕНИНИКОВ Евгений Алексеевич** - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Ярославского государственного университета
- ЛЫХМУС Уно Элмарович** - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Тартуского государственного университета
- МАЛЕИН Николай Сергеевич** - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИГиП АН СССР
- ОРГО Инге-Марет Мартиновна** - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и административного права Тартуского государственного университета, декан юридического факультета Тартуского государственного университета
- ПЛОМ Эндель Леонхардович** - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Тартуского государственного университета
- ПЫЛЬД Юри Аугустинович** - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственного и административного права Тартуского государственного университета
- РАЙДЛА Юри Эйнович** - кандидат юридических наук, I-й секретарь Пярнуского райкома КП Эстэнии
- РЕБАНЕ Ильмар Александрович** - доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Тартуского государственного университета, заслуженный юрист ЭССР
- САЛУМАА Эдгар Эдуардович** - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Тартуского государственного университета
- СЛЕСАРЕВ Владимир Львович** - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Омского государственного университета
- СОТАК Яан Яанович** - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Тартуского государственного университета
- ШЕВЧЕНКО Ярослава Николаевна** - доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник ИГиП АН УССР